

Ночная Тишь
ЖЕНЩИНЫ
ВО ЛЖИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ШЭННОН

— Кофе здесь на редкость паршивый! — заявила Лекси, стоило мне приблизиться к столу. В пустой закусочной фраза прозвучала излишне громко, и я невольно оглянулась на бармена, который только что любезно объяснил, как добраться до пансиона. Парень усердно складывал чеки и, казалось, не слышал нас. Я села напротив подруги и осторожно заглянула в свою чашку. Коричневая вода с темным осадком и правда ассоциировалась со словом «паршиво». Я отодвинула кружку от края стола и устало потерла глаза.

— Если не будешь пить, тогда поедем? Я расспросила. До пансиона примерно миль шесть. Оказывается, есть еще старое шоссе, его уже на картах не обозначают. А мы с тобой туда-сюда полночи гоняли. И указатель неправильно высматривали — это не просто мотель. У пансиона есть официальное название.

— Удиви меня, — Лекси упорно цедила кофе, морщась после каждого глотка.

— «Уайт Лилис Гроув».

— Да ладно! Ой, не могу! — она расхохоталась, но мне почему-то смешно не было. Слишком устала. Из Чарльстона мы выехали утром, рассчитывая добраться до Пайнвуда к закату. Но из-за неясностей в путеводителе заплутали в проселках и распутьях. Я хорошо запомнила наставления милой дамы, данные по телефону, после того, как я забронировала номер: не заезжая в сам Пайнвуд, свернуть направо. Кто ж знал, что в город ведут два шоссе?

Лекси все еще смеется.

— «Уайт Лилис Гроув», серьезно? Спорю на пять баксов — это белый домина в старом стиле, с четырьмя колоннами и кедровой подъездной аллеей. Вот увидишь: они до сих пор прячутся от северян и тайно состоят в ку-клукс-клане. Господи, там хоть вай-фай есть? Уже не терпится убраться отсюда...

На «старую дорогу» мы выехали быстро — благо, мальчик за стойкой все подробно рассказал. Шоссе освещалось редкими фонарями и казалось жутко запущенным. Сосны подступали к самой обочине, среди них терялись дорожные знаки — грязные и кривые.

— Фильм ужасов какой-то, — ворчала подруга с соседнего сиденья. — Не удивлюсь, если сейчас покажется силуэт женщины в белом.

— Вот и она! — заорала я и дернула руль. Лекси завизжала что было мочи. От смеха я еле выровняла машину.

— Дура, Шэннон! — Лекси ткнула меня в плечо и обиженно надулась.

Отсмеявшись, я сосредоточилась на дороге, и очень кстати — едва не проскочила нужный поворот. Вовремя увидела указатель: белая светоотражающая табличка с потекшими буквами названия и схематичным изображением цветка, давшего имя гостинице.

Проселочная дорога, на которую мы свернули с шоссе, едва проглядывала в скачущем свете фар. Но лес, обступавший со всех сторон, не давал потерять ее — он просто не оставлял альтернативы, я ехала туда, где машина могла пролезть сквозь деревья.

Дом возник неожиданно. Он навис над нами, черный на фоне звездного неба, похозяйски растолкав высокие сосны, словно бы сам являлся частью леса. Они смотрелись очень гармонично — дом и лес — оба старые и мрачные.

Дорога заканчивалась, уткнувшись в ступени высокого крыльца, как в тупик. Справа, на небольшой вычищенной площадке, красовался блестящий внедорожник. Я притулилась рядом и заглушила мотор.

Лекси, все это время молча разглядывавшая пансион, выдохнула:

— Слушай, ты уверена, что это здесь? Да уж... Лучше б это был колониальный особняк, чем мотель миссис Бейтс.

Я помалкивала, сгребая в сумку валявшиеся по салону вещи — расческу, кошелек, кредитки. Подруга вышла, на хлопок закрывшейся двери лес ответил ворчанием. Ночной воздух был свежим и острым. Я огляделась: мы, шум наших шагов по гравию, машины — все это казалось здесь совершенно неуместным. Словно кто-то варварски пририсовал на картине с диким пейзажем нелепых человечков и их блага цивилизации.

— Шэн... Может, нам лучше вернуться в город и остановиться в обычном мотеле? Я чувствую себя героиней фильма ужасов.

— Реальный ужас — это грязные простыни и тараканы размером с сосиску. Не драматизируй. Мы обе жутко устали.

Я вспомнила строки из письма полковника Хэмптона: «...моя приятельница, мадам Белинда Барлоу, содержит небольшую, но респектабельную гостиницу — в городе ее так и называют «пансион мадам Белинды», телефон указан ниже. Рекомендую на время вашей исследовательской деятельности остановиться у нее, я замолвлю словечко. Городская гостиница доверия не внушает — придорожный мотель не место для молодых леди...».

У ступеней крыльца мы остановились, задрав головы и разглядывая «Уайт Лилис Гроув». Дом, казалось, вмещал в себя больше, чем два этажа — остроконечная крыша терялась где-то в кроне деревьев. К двери вело ступеней пятнадцать, не меньше. В окнах — ни проблеска, но фонарь, горящий над крыльцом, оставлял надежду, точно маяк — заблудившемуся кораблю. Решительно закинув ремешок сумки на плечо, я зашагала вверх по лестнице, Лекси тащится следом. Стук ее каблучков по каменным плитам звучит, как канонада, и лес замирает, прислушиваясь. И приглядываясь. Мне стало не по себе от этой мысли. Дом сразу же перестал быть чужим — мне захотелось спрятаться за его огромной дубовой дверью. Я забарабанила молоточком, прикрепленным у круглой ручки.

— Они дрыхнут и не откроют нам. Господи, только не ночевка в машине... — скулила Лекси за плечом. Дом молчал, словно оценивая, стоит нас впускать или нет. Я снова забарабанила — нервно, отчаянно — теперь уже уверенная, что в пансионе никого нет, и мы вынуждены будем тащиться по этому ужасному лесу обратно в незнакомый город. И тут дверь громко лязгнула и неторопливо отворилась. Надкрылечный фонарь осветил узкую фигуру — она вся поместилась в щель приоткрытой створки. Я ожидала увидеть пухлую миловидную даму с пушистым шлемом блондинистых волос — почему-то именно так я представляю хозяек пансионеров по имени «мадам Белинда», «приятельниц» респектабельных полковников. В такое время суток ей полагалось быть сонной, завернутой в шотландскую шаль и держать в маленьких белых ручках круглый светильник. Но сегодняшняя ночь надежд не оправдывала. Женщина в дверном проеме оказалась высокой леди в строгом черном костюме, юбка отутюжена так, что краями можно хлеб нарезать. Выше — жакет с блестящими пуговицами, украшенный брошью в виде искусственной белой лилии: единственное светлое пятно. Очки в черной оправе, стекла бликуют и глаз не увидеть. Волосы идеально уложены в ракушку — тоже черные и блестящие, как у фарфоровой куклы.

— Доброй ночи, юные леди, — сказала бледное лицо. От избытка пудры оно казалось старше, чем есть в действительности. — Чем могу помочь?

Ужасно неловко — мы так увлеклись разглядыванием, что мадам Белинде пришлось самой заговорить.

— О, здравствуйте, — нервничая, я начинаю тараторить, — меня зовут Шэннон Галлахер, я вам звонила. Бронировала номер. Простите за такое позднее вторжение — мы заблудились...

Жердь в черном костюме отошла назад, открывая дверь шире и делая приглашающий жест рукой.

Внутри дом уютнее, чем снаружи. Обитые темным деревом стены украшены оленьими рогами и акварельными пейзажами. Стук каблуков Лекси увяз в темно-красном ковре, укрывшем паркет. В глубине коридора горел неяркий свет. Подруга, вцепившись мне в локоть, шептала на ухо:

— Она что, у двери всю ночь напролет нас ждала? Я даже звука шагов не слышала. Ну и видок...

Я строго шикнула. Не хватало еще, чтоб мадам Белинда услышала эти нелестные комментарии. Не хочу, чтоб мне подмешали уксусную кислоту в шампунь.

Коридор перетек в небольшую комнату, которую язык не поворачивался назвать вестибюлем — слишком уж по-домашнему выглядели два белых кресла у круглого столика, букет полевых цветов в пузатом кувшине и торшер над ними. Напротив — деревянная стойка, за ней — все, как полагается в отелях: круглые часы на стене, ячейки для писем и ряд крючков с номерными ключами. Мрачная дама прошла за конторку.

— Чаю? — лаконично спросила она все тем же официозным тоном. И появилась из-за стойки с блестящим подносом в руках.

— Да, мы бы хотели... — проямлила я, мечтая как бы быстрее получить ключ и завалиться спать. Но возражения были отмечены решительным водружением подноса на столик. Чашки, окружившие запотевший прозрачный чайничек, так же решительно звякнули.

— С ромашкой! — объявила жердь. — Снимет усталость и улучшит сон.

Она принялась разливать чай, и мы сели в кресла.

— Ваш багаж? — дама пронзила меня бликом очков.

— Он в машине, мы сейчас за ним сходим.

— Не стоит беспокоиться, — ответила она, возвращаясь за стойку. И громко добавила куда-то в сторону:

— Мистер Дэш!

В глубине комнаты, там, где свет торшера не доставал до ночного мрака, послышались шаркающие шаги. Вскоре они принесли обладателя — высокого, косматого старика в мешковатой одежде, настолько старой, что ее изначальный цвет утратился. Разглядывая его, я вспомнила картинку в учебнике по истории освоения Америки, изображающую траппера. Ему только енотовой шапки не хватало.

Жердь громко дала распоряжения, разделяя слова:

— Нужно принести чемоданы из машины! — и указала на меня. Я протянула ключ:

— Они в багажнике. Но не стоит беспокоиться, мы ведь можем сами...

— Мисс Галлахер, это его работа, — отсекала дама. Мне оставалось только виновато улыбнуться, но старик остался равнодушен — и к грубости, и к вежливости. Взяв из моих рук ключ, он поковылял к парадной двери.

Я попыталась сгладить неловкость светской беседой:

— Полковник Хэмптон очень тепло отзывался о вас и вашем пансионе, миссис Барлоу. Вы с ним давно знакомы?

Дама выложила на стойку бланки.

— Миссис Барлоу в отъезде. Я — управляющая. Марджери Розенфелд.

— О! — только и осталось выдохнуть мне. Лекси прыснула. Ну ее лесом, эту вежливость, буду помалкивать. Схватив чашку с остывающим золотистым чаем, я сделала пару глотков. Терпкий вкус, отдающий лекарством. Паршиво.

— Будьте добры, документ, удостоверяющий личность. И вот, необходимо заполнить бланк. Стандартная форма.

Мы с Лекси радостно подскочили. Пока я рылась в сумке в поисках водительских прав, подруга принялась заполнять анкету. За спиной прощаркали — шаги стали тяжелее и медленней. «Не забыть сунуть ему чаевые» — подумала я.

— Много у вас постояльцев?

— У нас их в принципе не может быть много. Пансион не рассчитан на большое количество гостей. Кроме вас, занята одна комната. Завтра ждем еще постоялицу. Прошу. Одиннадцатый номер. Лестница справа.

Пока мы поднимались, Лекси бубнила:

— Ну, классика жанра: мотель посреди сосновой чащи, женщина в черном в роли управляющей, страшный старик с бородой, которому только топора в руках не хватает... Вот увидишь: в номерах у них железные кровати, решетки на окнах и распятие на стене.

— Чур, я первая в душ! — перебила я ее стенания и ускорила шаг. Но тут же отпрянула, едва не вскрикнув — из-за угла на лестницу вышел мистер Дэш. Я схватилась за перила, чтоб удержать равновесие. Он прохромал мимо, не удостоив нас взглядом. Я запоздало вспомнила о чаевых, и мысленно махнула рукой: догонять его? — нет, спасибо.

Лекси ошиблась в предсказаниях: номер не напоминал монастырскую келью. Он и номер не напоминал — уютная комната в светлых обоях, с яркими покрывалами на двух кроватях. Пара тумбочек, комод с зеркалом, маленький письменный стол у окна — словно специально рассчитаны на юных студенток. Даже Лекси осталась довольной.

Быстро приняв душ, я с наслаждением растянулась на кровати. Глаза сразу закрылись, я чувствовала, как выключается сознание. Убаюканная мурлыканьем подруги, доносящимся из ванной, я заснула, не дождавшись, пока она выйдет.

Утро перевернуло все с ног на голову. Во-первых, выяснилось, что «Уайт Лилис Гроув» — никакое не мрачное место, а очень даже чудесное. Потягиваясь на кровати и щурясь в рассветных лучах, я слушала гул леса, яростное чириканье неведомых птиц, шелест воды — это водопад? Или фонтан? Мучимая любопытством, я выбралась из-под одеяла и выглянула в окно. Тут меня и постигло удивление: пансион стоял не в окружении дикого леса, эта сторона дома выходила на красивый, ухоженный сад с яркими цветами — кажется, их называют глициниями, розовые кусты и клумбы с лилиями, разумеется. А фонтан заменяла механическая поливалка.

— Эй, Лекс! Подъем! Нас ждут великие дела!

Удивление номер два: подруга встала раньше меня. На застеленной кровати лежала записка: «Ушла осматривать окрестности». Это повергло меня в еще больший шок: те окрестности, которые лежали в пределах досягаемости, Лекси могла согласиться осмотреть только из окна машины. Неужели она ушла бродить по лесу? Впрочем, чего только не случится с девушкой таким вдохновляющим утром! Мне самой немедленно захотелось свершений и открытий.

Быстро натянув джинсы с майкой, я вышла в коридор, где меня накрыло потрясение

номер три, а именно — аромат свежесваренного кофе. Густой, тягучий, коричный — все, как люблю! И я радостно поскакала вниз.

Что, черт возьми, происходит? В этом пансионе утро все преображает? Вчерашняя мисс Ужасный Вид и Сложное Имя превратилась в милую Марджи — домохозяйку, живущую по соседству: в белой блузке с камеей, подкалывающей ворот и в накрахмаленной юбке в красную клетку — точь-в-точь со станиц «Womens Day» середины пятидесятих. Я даже засомневалась, она ли открыла нам дверь минувшей ночью?

— Доброе утро, мисс Галлахэр! — обратилась она с улыбкой. Я невольно улыбнулась в ответ:

— И вам, мисс Розенфелд.

Указав на раскрытые двери слева от лестницы, она добавила:

— Прошу в гостиную. Завтрак включен в стоимость проживания. Обеды мы не подаем, но в городе есть отличное недорогое кафе.

— Спасибо, прекрасно.

Я пошла на запах кофе, который привел меня в светлую комнату с верандой, выходящей на оранжерею, что я видела из окна комнаты. Справа от двери, на длинном столе расположилась огромная электрическая кофеварка, поднос с вафлями, вазочки с джемом и тарелка с тостами. Я попала из фильма ужасов в волшебную сказку. Вдоль стены уместилось несколько круглых столиков, за одним из них, отгородившись газетой, сидела женщина в очках, немислимым образом державшихся на самом кончике носа. Черные волосы собраны в небрежный пучок, на ногах — ковбойские сапоги. Не удивлюсь, если на поясе брюк — пара пистолетов.

Возня за спиной отвлекла меня от разглядывания постоялицы. Оглянувшись, я увидела еще одну новоиспеченную соседку — в кресле у пустого камина сидело худощавое существо с бледной кожей и блеклыми волосами, на вид ей можно было дать и двадцать пять и сорок — настолько стертым казалось ее лицо, абсолютно ничего не выражающее. Как маска венецианского карнавала. Она сидела, обхватив тонкими, птичьими лапками большую кофейную кружку, и смотрела невидящим взглядом на каминную решетку. Тем временем «техасский рейнджер» выглянул из-за газетного листа:

— Чудесное утро, не правда ли?

Я вежливо улыбнулась:

— Да, действительно.

— И кофе отличный! Присоединяйтесь, — она кивнула на соседний стул. Ну что ж, ничего не имею против компании. Не люблю есть в одиночестве, да и вообще, не шаражусь от людей, в отличие от Лекси, которая ненавидит случайные знакомства. Кстати, надо написать ей сообщение, чтоб поторопилась обратно. Мы сюда не видами наслаждаться приехали. Думая об этом, я налила себе кофе и положила на тарелку пару вафель — еще теплых и хрустящих.

— Ах, молодость! — воскликнула моя новая знакомая, когда я села напротив. — Можете себе позволить и вафли, и джем, и кофе со сливками. Я после тридцати на завтрак не видела ничего, кроме эспрессо и пересушенного тоста. Тэйлор Эмери, — представилась она и протянула мне руку. Я автоматически отозвалась:

— Шэннон Галлахэр.

Она принялась расспрашивать, что привело столь юное создание в это богом забытое место, но я не отвечала. Тэйлор Эмери. Имя отозвалось каким-то болезненным

воспоминанием, перед глазами появились реки крови, изувеченные тела и подвалы, превращенные в камеры пыток.

— Я вас знаю! — бухнула я в середине ее фразы о неприязни к лилиям. Она осеклась, но тут же расплылась в улыбке:

— Как приятно, что мое творчество популярно среди молодого поколения. Вот, приехала за вдохновением.

— Разве в этих местах орудовал какой-то маньяк? — спросила я, интуитивно понизив голос и наклонившись ближе к ней. Она рассмеялась:

— О, дорогая, поверьте, их во всех местах было предостаточно.

Эта женщина снискала популярность, крапая полудокументальные книги о серийных убийцах, действовавших во всех уголках Штатов. Я не была ее поклонницей и за творчеством не следила. Как-то прочла одну книжку. Ужасно...

— Сегодня планирую осадить местный архив. А вы здесь...?

— О, я учусь в колледже имени Вудро Вильсона, в Чарльстоне, увлечена историей Гражданской войны и веду исследовательскую работу, основанную на фронтовых письмах. Пытаюсь восстановить повседневную жизнь солдат, понимаете? История повседневности сейчас самая актуальная, даже актуальней, чем гендерное направление! Мои научные публикации увидел полковник Натаниэль Хэмптон, он написал мне, сказал, что ему понравилась моя статья, и пригласил ознакомиться с его личным архивом. А его дед был в бригаде Джона Гордона, а значит, сражался при Геттисберге, представляете?

Не стоит спрашивать меня о моей деятельности. Могу тарыхтеть часами, как одержимая. Мисс Эмери только междометия и успевала вставлять. Большого поощрения мне и не требовалось:

— Его бабушка сохранила письма — все-все! И переписку со своим братом, а он из «Луизианских тигров», и все это полковник Хэмптон хочет передать мне, для научной работы!

У меня закончился воздух, и пересохло во рту. Замолчав, я отпила из кружки, ожидая восторгов от такой находки. Но писательница была удивлена другим:

— Радует, что среди молодежи есть такие увлеченные натуры! Редкость!

Я тут же вспомнила, что не одинока в своих увлечениях и полезла в карман за телефоном. Лекси не отвечала.

— Вы согласны? — неожиданно обратилась Тэйлор к призраку в кресле у камина. Я обернулась из любопытства. Женщина подняла взгляд, но не ответила. Но мисс Эмери не сдавалась:

— Как вы находите Пайнвуд?

Леди медленно выпрямилась, сфокусировала взгляд, отставила кружку на скамеечку для ног — словом, приготовилась вступить в диалог, и ответила бесцветным голосом:

— Здесь очень тихо.

— И правда! Вы здесь по делам или отдохнуть приехали?

Вспомнилось, что Тэйлор Эмери начинала писательскую карьеру, строча заметки в какую-то бульварную газетку.

Этот вопрос поставил прикаминное приведение в еще больший ступор. По блуждающему взгляду казалось, что она вспоминает, как здесь оказалась. Наконец, последовал ответ:

— По работе.

— И кем же вы работаете, мисс...?

— Калверт. Кэтрин Калверт. Я работаю в Трэнтоне, Нью-Джерси, небольшая строительная компания.

Мисс Эмери собралась задать очередной вопрос, но Кэтрин Калверт, поднявшись из кресла, отошла к столу с кофе. Интересно, у журналистов генетически отсутствует чувство такта или их этому специально в колледже учат? Но рассуждать на эту тему было недосуг. Торопливо допив кофе, я откланялась. Полковник писал, что будет ждать меня в первой половине дня, и последнее, чего мне хотелось — так это произвести на него впечатление несерьезной безответственной девицы. Если Лекси надумала шарахаться по лесу до вечера — ее дело.

Спустя час, оставив Лекси ответную записку в номере, а ключ — у мисс Розенфильд, я подъехала к воротам дома полковника Хэмптона. Створки были заперты, и мне пришлось, оставив машину у забора, идти до особняка по заросшей подъездной аллее. Эх, вот бы Лекси сейчас на славу повеселилась! Здесь-то ее надежды точно бы оправдали себя. Коттонхилл — типичный особняк-«антебеллум», олицетворение Старого Юга: величественный, гордый, с отпечатками былой роскоши на колоннах, барельефах и резных перилах, но в то же время — запущенный и постепенно разрушающийся. Кизиловая аллея — разросшаяся, со спутавшимися над головой ветвями, казалось, заглушала звуки. От этой мертвой тишины, от полузаброшенного дома, мне стало тоскливо и жутко. Постаравшись отбросить неуместные мысли, я прибавила шаг, загородившись папкой с тетрадями и ручками, как щитом. Дом выглядел спящим, и меня охватили сомнения — не будет ли мое прибытие выглядеть вторжением? Тихая аллея, неподвижный дом — всё словно просило меня: «не нарушай наш покой, уходи». Но я уже стояла на крыльце и давила в кнопку звонка. Длинное густое «доннн!» раздалось где-то глубоко внутри. Я начала считать до десяти, выжидая положенную приличием паузу, на седьмой секунде дверь степенно отворилась. Я натянула самую доброжелательную улыбку, имевшуюся в моем арсенале. В проеме стояла седовласая женщина в строгом черном платье с ослепительно-белым воротничком.

— Что вам угодно? — поинтересовалась она холодно.

— Добрый день, я — Шэннон Галлахэр. Полковник Хэмптон меня ожидает.

Она сделала шаг назад, пропуская меня внутрь. После яркого света, я в темной прихожей захлопала глазами, пытаюсь привыкнуть к полумраку. Строгая тетка не торопилась вести меня к полковнику.

— По какому вопросу?

«А вот встреча у меня с ним, деловая! Тебе какое дело? Показывай дорогу!» — хотелось ответить мне и высунуть язык. Почему все домоправительницы такие чопорные? Их этому где-то учат? Взять хоть «нашу» мисс Розенфильд — слова не вытянешь.

— Я из колледжа в Чарльстоне. Полковник пригласил меня поработать с его личным архивом — фронтовой перепиской его деда.

Миссис хмуро окинула меня взглядом, в котором я прочла: «Да кому ты сказки рассказываешь, детка?».

— Вы уверены? — спросила она, наконец. Я начала терять терпение.

— Конечно. Он написал мне письмо, в котором указал и день, и место, и время, когда ему удобно будет меня принять. Я веду исследование по Гражданской войне...

Она жестом прервала меня:

— Могу я взглянуть на письмо?

Черт.

— К сожалению, я не захватила его с собой сегодня. Не думала, что возникнут какие-то проблемы.

Мне показалось, что леди хмыкнула. Лицо ее оставалось неподвижным — все то же холодное презрение.

— Боюсь, здесь какая-то ошибка, мисс. Во-первых, полковника сейчас нет в Пайнвуде. Он на Восточном Побережье, как всегда, в это время года. Во-вторых, он никому — никому! — не позволяет прикасаться к этим письмам. Ни одному историческому обществу или музею не удалось даже издавека них взглянуть. Думаю, вы что-то неправильно поняли.

Я взвилась, начиная терять терпение:

— Я поняла ровно так, как могла понять фразу: «приезжайте ознакомиться с письмами из моего семейного архива». Когда вернется полковник Хэмптон? Может, это он перепутал даты, а вас не счел нужным известить о моем визите.

Однако моя резкость ничуть не смутила домоправительницу.

— Не имею права говорить об этом.

Мы смерили друг друга ненавидящим взглядом. По ее поджатым губам я поняла, что раскрывать рта более она не намерена. Тогда раскрыла я:

— Послушайте, леди. Я половину каникул посвятила этому исследованию. Чтоб добраться до Пайнвуда, я ехала всю ночь, отказалась от поездки в Калифорнию со своими друзьями и торчу теперь в этой глуши. И я с места не сдвинусь, пока вы мне не скажете, когда вернется полковник.

Театрально вздохнув, леди разомкнула скрещенные на груди руки, и я поняла, что выиграла.

— Письмо, конечно же, отпечатано?

— Написано от руки, — торжествующе ответила я.

— Привезите его, и если это действительно писал полковник Хэмптон, я не только скажу, когда он приедет, но и позвоню ему, чтоб он приехал раньше.

Я чуть в объятия ее не заключила. Конечно, я уверена, что это какое-то недоразумение, и я доберусь-таки до этих злосчастных писем. Почему ни одно дело, за которое возьмусь, не проходит гладко?

Сдержав эмоции, я уже собиралась попрощаться, как услышала нечто странное. Звук, которой никак не вписывался в этот дом, не подходил ни под обстановку, ни под обитателей — семидесятилетнего полковника и престарелой домоправительницы. Разорвав тишину умирающего особняка, он зазвучал неожиданно, жутко, но в то же время — естественно. Детский плач.

Я автоматически повернула голову на шум. Потом взглянула на стоящую передо мной женщину, а она не сводила взгляда с меня. Казалось, она пыталась проникнуть в мои мысли, понять, слышу ли я, и что об этом думаю. Я попыталась улыбнуться — вроде, рядом с маленькими детьми положено умиляться. Но при виде искаженного лица домоправительницы, улыбки не получилось. Леди грубо схватила меня за рукав:

— Так ты за этим здесь? Ну, признавайся!

Я выдернула руку и шарахнулась к двери:

— О чем вы?

Она рванула дверь, запуская в прихожую поток света.

— Убирайся!

Маска холодного равнодушия съехала с ее лица, словно кто-то распустил тесемки. Губы гневно дрожали, глаза метали молнии.

Я благоразумно решила не спорить и бросилась сквозь проем, через ступени, к воротам. А вслед мне надрывался детский плач.

Прийти в себя мне удалось только на проселочной дороге, ведущей к пансиону. Весь путь я бессознательно давила на газ, и переваривала странное происшествие. Бред какой-то с этим Коттонхиллом. Ладно, я дам старушке успокоиться, и вернусь завтра с письмом — пусть убедится, что ничего, кроме архива мне не надо. Подумаешь, ребенок! Интересно, конечно, чей он, и что за муха укусила домоправительницу, стоило ему расплакаться. Но это не мое дело. Мое дело — исследовательскую работу закончить.

Подъезжая к пансиону, я чуть не застонала, вспомнив, что собиралась заехать в город и взять нам с Лекси по гамбургеру на обед. Черт, что у Лекси с телефоном? Не отвечает ни на сообщения, ни на звонки. В подреберье вдруг зашевелилось беспокойство: слушая гудки в трубке, я и мысли не могла допустить, что подруга, скажем, заблудилась или... Нет, такое с нами случиться не может. Такие истории всегда происходят с кем-то другим.

Но тревога заполнила нутро и подкатила к горлу, когда мисс Розенфильд с улыбкой протянула мне ключ от номера. Я взяла его дрожащей рукой:

— Моя подруга так и не вернулась?

Та взвела брови, точно курок.

— Ну, моя подруга. Вы не знаете, во сколько она ушла? По моим подсчетам, ее уже больше трех часов нет. В лесу возможно заблудиться?

Мисс Марджери продолжала смотреть недоуменно, точно я идиотка. Может, по ее мнению, я зря беспокоюсь? Меня начинали бесить ее брошка на блузке, красная ниточка губ и глаза-бусины за стеклами очков. И с чего я сегодня взяла, что из ночной ведьмы она превратилась в утреннюю фею? Такая же злобная мегера, замаскированная под добропорядочную мать семейства из пригорода.

— Простите, мисс Галлахер, я не знала, что вы ждете подругу. Никто не приходил.

Мне показалось, что диалог принял странную форму. Словно мы говорим о разных вещах.

— Во сколько она ушла из пансиона?

— Да о ком вы толкуете? — не выдержала она.

— О моей подруге, Лекси Доусон, с которой мы вчера приехали, ночью, помните?

Она неуверенно улыбнулась.

— Но... мисс Галлахер. Вы приехали одна.

Я бессознательно отступила назад. Еще шаг, и еще. Пока не уперлась в край кресла. Того самого, где сидела вчера Лекси, распивая ромашковый чай.

— Вы что, смеетесь надо мной? Мы приехали вместе, в половине третьего ночи, вы нас встретили, напоили своим мерзким чаем, и заселили в одиннадцатый номер! Обоих!

Она поморщилась и отгородилась от меня ладонью:

— Я прекрасно помню, во сколько вы приехали, и куда я вас определила, повышать голос ни к чему. Только вы были одна.

Я схватилась за голову. Мне хотелось наорать на нее, трясая за грудки, что есть мочи. Но я могла только сильнее сдавить виски. Наконец, до меня дошло:

— Это Лекси вас подговорила? Мстит мне, что я разыграла ее женщиной в белом на дороге?

— Мисс Галлахер... Утро сегодня на редкость жаркое, а молодые леди сейчас зря не носят шляп...

— С моей головой все отлично! Передайте Лекси, что она идиотка, и шутки у нее идиотские! Я сейчас переоденусь и уеду в город до вечера, если она хочет куковать под вашей стойкой или где-то в чулане — флаг в руки! Лекси! Ты меня слышишь? Не умри от голода, у них тут не подают обедов!

Яростно стуча каблуками по ступеням, я взлетела на второй этаж. Моему возмущению подружьиными глупостями не было предела — нашла время развлекаться, когда надо решать проблему с этой ужасной домоправительницей, засевшей в особняке полковника, точно дракон в пещере с золотом. Ну что за ребячество!

Ворвавшись в комнату, я остолбенела. Ключ с металлической пластинкой вывалился из рук и грохнулся на пол.

— Что за хрень? — громко сказала я и не узнала собственный голос. — Что за хрень тут творится?

И всхлипнула, и закричала.

Наш номер. Из него исчезла вторая кровать. Вторая тумбочка. Лексин чемодан. Все было иначе. Это был одноместный номер. Комната на одного.

ГЛАВА ВТОРАЯ. КЭТРИН

Утро началось странно. Не люблю странности и неожиданности — как правило, это приводит к переменам, а перемены — страшная вещь.

Не успела я сесть за рабочий стол, как ко мне подошел старший менеджер и велел немедленно бежать к боссу. Мол, он срочно хочет меня видеть.

— К боссу? — уточнила я, ушам не веря. — К мистеру Паркеру?

— Именно, мисс Калверт.

Не знала, что мистер Паркер в курсе моего существования. Главу небольшой строительной фирмы Паркер и партнеры, куда мне удалось устроиться пару месяцев назад, я видела два раза в жизни: в первый раз на странице местной газеты, второй — когда он толкал речь перед сотрудниками в честь заключения крупного контракта.

Поднявшись на административный этаж, я попала в приемную, похожую на большой аквариум — сплошь стеклянные двери и окна от потолка до пола. Рыбка-секретарша в ярком костюме лавировала между стеллажами, помахивая хвостиком рыжих волос. Увидев меня, она вопросительно подняла брови. Я ответила:

— Я Кэтрин Калверт из отдела работы с клиентами. Мистер Паркер посылал за мной.

Девушка сочувственно кивнула, что меня совсем не обрадовало:

— Он вас ждет, — указала она на большие двойные двери.

Я с трудом подавила в себе желание спросить какую-нибудь глупость из разряда: Меня уволят? Вы не знаете, где я облажалась?. Но разумеется, вряд ли ей это известно.

Постучавшись, я вошла и замерла у порога. Босс, сидевший за огромным столом, увидев меня, расплылся в улыбке. Тревога росла, отвратительно заняло в животе.

— А! Вы, должно быть, мисс Калверт? Прошу, присаживайтесь.

Нервно поправляя волосы, я проковыляла к кожаному креслу, стоявшему по мою сторону стола. Каблуки утопали в ковре, и я старалась не споткнуться. Наконец, присев, я осторожно выглянула из-за челки.

— Итак, вы у нас отработали два месяца. Ну и как? Нравится? — бодро начал он, продолжая фальшиво улыбаться.

— Да, спасибо.

Неловкая пауза, которую мне следовало бы заполнить дифирамбами в адрес фирмы, так и осталась неловкой паузой.

— Хорошо. Ну что ж. Перейду к делу. Вопрос, который я... гхм... хотел бы с вами обсудить, очень щекотливый. Даже не знаю, как и начать, — он щелкал шариковой ручкой, а мне казалось, что с таким же звуком лопаются мои нервные клетки.

Что еще за щекотливый вопрос? В категорию подобных можно включить что угодно: от увольнения до доноса или сексуального домогательства.

— Видите ли, мисс Паркер, наша фирма имеет безукоризненную репутацию среди клиентов — реальных и потенциальных, и мы отлично себя зарекомендовали на рынке. Компания развивается успешно и не сегодня-завтра войдет в число лучших фирм-подрядчиков в штате. И знаете, чья в этом заслуга?

Я понятия не имела ни чья тут заслуга, ни к чему он вообще клонит. Слава Богу, он и не ждал от меня ответа.

— Людей, которые здесь работают. Человеческий ресурс — самый ценный в такой

сфере деятельности, как наша. И именно поэтому мы с такой тщательностью подходим к отбору сотрудников.

Хм, серьезно? Я прошла собеседование по телефону.

— И, помимо тщательной проверки данных, указанных в резюме, наша служба безопасности ведет свой сбор информации.

Тут меня словно окатили кипятком. Вижу я, естественно, не подала, так и сидела без движения, словно кукла. Скрывать эмоции давно стало привычкой. Вторая затянувшая пауза, и дать ей просто отвисеться в этот раз я не могла:

— Это правильно.

— Мисс...кхм... Калверт, — нажал на мою фамилию, как на автомобильный клаксон. — Нам стали известны некоторые факты из вашего прошлого. Понимаете, о чем я?

— Не очень, — честно призналась я. В моем прошлом столько всего было, понятия не имею, что именно удалось раскопать службе безопасности. Мое позорное отчисление из колледжа? Скандальное увольнение с первой работы?

— Я о той трагедии, мисс... Калверт. Десять лет назад. Помните? — он проникновенно заглянул мне в глаза, и я поспешила спрятать их в складках юбки. Сердце сжалось — какое странное, полузабытое чувство.

— Кажется, я поняла. Зачем мы говорим об этом?

— Представляю ваше состояние, — босс сочувственно закивал, как китайский болванчик.

Да что ты можешь представлять, жирный придурок.

— И мне очень неприятно напоминать вам о случившемся. Мы были потрясены, что в нашем коллективе работает такая... хм... женщина, — сочувствующие покачивания сменились самодовольной улыбкой. — Я решил вам помочь.

Надеюсь, материально.

— Тут вот какое дело. Видите ли, мы должны быть абсолютно уверены, что все наши сотрудники... здоровы. И физически, и душевно. Вы работаете в отделе, стратегически важном для фирмы.

— Но я всего лишь переключаю входящие звонки на нужных менеджеров...

— Вот именно! Вы практически лицо компании! Первый человек, которого слышат наши клиенты. Я хочу быть абсолютно уверен в том, что их не ждет никаких сюрпризов в общении с вами. Что вы не сорветесь, не нагрубите, не...

— Я прошла курс реабилитации. У меня есть все необходимые документы, могу дать номер клиники, где я восстанавливалась. Я полностью... здорова и нормальна.

— Боюсь, вам придется пройти терапию повторно.

Я сидела, как пристукнутая. Что все это значит? Заново? Заново пережить этот ужас?

— Вы хотите сказать...

— Доктор Тиммонс, Роберт Тиммонс. Он один из лучших в своем деле. Наши специалисты провели мониторинг. Практикует он в Пайнвуде, Джорджия. Но вы не волнуйтесь — все расходы фирма берет на себя. Мы дорожим нашими сотрудниками. Поймите, Кэтрин, это вам же на пользу. Я ознакомился с вашей характеристикой, составленной корпоративным психологом... Вы замкнуты, нелюдимы, необщительны. Это все следствие той истории... — он развел руками, пытаясь показать, насколько ему тяжело об этом говорить, во мне же все кипело. Истории? Ты так это называешь? Это чудовищное преступление!

— Всего-то несколько сеансов, после чего доктор Тиммонс напишет заключение о вашей вменяемости — простите! И перед вами откроются все перспективы карьерного роста, какие только возможны в нашей фирме! Вы же не хотите до конца дней своих принимать входящие звонки?

Все предельно ясно: «или — или». Только — зачем? Зачем это нужно боссу? Не все ли равно, как я проживу конец своих дней? Не верю я в людское благородство. Но мистер Паркер, приклеив улыбку, гнул свое — он хочет помочь, и никто его не остановит.

Своей машины у меня не было, поэтому до Атланты пришлось добираться поездом, а оттуда на автобусе — в Пайнвуд. Дыра несусветная. Я ехала в такси и разглядывала городок. Улицы, обсаженные глициниями, с аляповатыми домами в ряд — за красивыми светло-голубыми фасадами люди скрывают некрасивые черные дела. Пайнвуд казался до боли знакомым, словно я здесь родилась и жила когда-то: отвратительное дежавю. Будто сейчас из маленького бара с неоновой вывеской выйдет перекурить официантка в желтой униформе да так и не вернется в тот вечер домой. Будто где-то на окраине есть особняк с облупившейся краской и наполовину провалившейся крышей. Будто из леса, окружившего дорогу, выйдут призраки женщин в строгих черных нарядах...

Гостиница, которую мне оплатила контора, мало напоминала гостинцу — маленький домик, по крышу утопающий в соснах. Тощая тетка в фойе назвала его «пансионом», вручая мне ключ под номером четыре и желая приятного пребывания. Вот уж тщетные надежды.

— Сейчас у нас время завтрака, мисс Калверт, — добавила она, когда я уже направилась к лестнице. — Приходите выпить кофе.

Я оглянулась и кивнула. Можно и кофе. Дорога жутко утомила, а сегодня мне уже предстояла встреча с доктором Тиммонсом. Прекрасно, я явлюсь на первую встречу с психиатром, который должен сделать вывод о моей адекватности, усталая и сонная.

Гостиница пустовала, когда я вошла туда, оставив в номере вещи. Пузатый кофейник заряжал энтузиазмом. Налив густой черной влаги в кружку, я выбрала самый дальний уголок — у камина, который в это время года был, естественно, погашен, — и погрузилась в свои думы. Хотелось привести мысли в порядок, взять себя в руки, настроиться на предстоящую встречу, которую я воспринимала не иначе, как испытание на стойкость. Мне недолго посчастливилось оставаться в одиночестве. Громко перекрикиваясь с ресепшеном, в зал вошла женщина. Я взглянула на нее лишь украдкой, надеясь не привлечь к себе острого внимания. Высокая, длиннорукая, с прической, напоминающей взрыв. Знаю я такой тип. Оркестр, не баба. Продолжая отпускать замечания касаясь городка, пансиона, окружающего леса, она налила себе кофе, звеня всей посудой, какая присутствовала на столике. По тому, как резко она осеклась на середине фразы, я поняла, что замечена.

— Доброе утро! — заорала она так радостно, словно я ее старая школьная подруга, и мы страдали, не видясь много лет. В ответ я сдержанно кивнула, зацепив взглядом черные брюки и ковбойские сапоги. Жизнеутверждающие фразы о погоде и свежем воздухе я проигнорировала, не чувствуя ни малейшего угрызения совести. Привыкла не мириться с бесцеремонностью людей, пытающихся втянуть меня в орбиту социальных взаимодействий.

Поняв, что разговор завязать не получится, рейнджер уселась за стол и принялась громыхать утренней газетой и звенеть блюдами. А я снова попыталась уйти в себя, вспоминая, о чем шла речь на сеансах терапии тогда, десять лет назад. Нужно быть во всеоружии, готовой к вопросам этого доктора Тиммонса. Я должна ответить так, как он

ожидает, и покончить с этим кошмаром поскорее. Но мне снова помешали, выбросив в реальность. В гостиную вошла еще одна постоялица. Выглянув из-за челки, я не без интереса разглядывала совсем молоденькую — лет двадцати — девушку. Приятная шатенка, с располагающей улыбкой. По стильным шмоткам понятно, что из большого города. Что такая красotka забыла в этом захолустье? Рейнджер сразу бросилась грудью на амбразуру, и девушка, не выдержав штурма, сдалась. Через секунду я узнала массу подробностей о целях пребывания и девушки, студентки, как оказалось, и ковбойши. Имя последней мне было знакомо. Журналистка, или что-то около. На дух не переношу всех этих писак.

Студентка быстро выпила свой кофе и ретировалась, а я ей позавидовала. До встречи с психиатром еще час, и я хотела бы провести его, попивая кофе и настраиваясь на злополучный прием. Но журналистка, вкусив плоды удовлетворенного любопытства, уже не могла остановиться.

— Так у вас здесь деловая встреча?

Я раздумывала над ответом, взвешивая каждое слово. С такими нужно держать ухо востро, а курок — взведенным.

— Можно и так сказать.

Она со скрипом развернула стул поближе ко мне. Я, в свою очередь, отодвинулась вглубь кресла. Но ее этот демонстративный жест ничуть не смутил. На что я надеялась? Журналиюга, этим все сказано.

— Что-то продаете?

— Надеюсь заключить сделку о подряде.

— О, понимаю! Я тут тоже ради сделки. Мадам Белинда обещала мне леденящую кровь историю. Я пишу книги — психологические триллеры. Не приходилось читать?

— Нет, — обрубил я. Лучше уж, захватив кофе с собой, просидеть этот час в номере. Там я, по крайней мере, буду в одиночестве.

— Мне пора, — добавила я к своему нет и поднялась. Неожиданно новоявленная мисс Кинг вскочила со стула и приблизилась ко мне вплотную.

— Мы с вами раньше нигде не встречались?

Я выросла в паркет. Но годы тренировок по сдерживанию эмоций позволили мне не ударить в грязь лицом:

— Нет. Я бы запомнила.

Она пыталась поймать взгляд. Казалось, еще чуть-чуть и потянется отодвигать челку от моего лица.

— Вы кажетесь мне знакомой... Только вот волосы... Вы их красите? Вы же брюнетка?

Это уж слишком. Я отшатнулась и бросилась из гостиной, на ходу заверив:

— Я не крашу волосы, и мы никогда не встречались.

В номере я какое-то время разглядывала из окна подъездную дорожку и козырек крыльца. Лес вокруг тих и бездвижен. Солнце еще не добралось до нужной небесной точки, и дом отбрасывал длинную тень, от чего сосны, подкрадывающиеся к пансиону со всех сторон, казались черными. Вид был слишком умиротворяющий, словно и лес, и дом, и солнце сговорились усыпить мою бдительность. Но этого не удастся больше никому — ни людям, ни природе.

Допив кофе, я приняла душ и переделалась. Стоит выехать заранее, неизвестно, как долго добираться отсюда до клиники, где практикует доктор Тиммонс.

На ресепшене я попросила жердь за стойкой с непроизносимым именем вызвать мне

такси и назвала адрес, нацарапанный на клочке бумаги под диктовку мистера Паркера.

В ожидании машины я вышла на крыльцо. Прохладный воздух, едва пронизанный солнцем, немного освежил голову, и мне почти удалось пробудить внутри боевой настрой. Однако стоило сесть в такси, как меня снова разморило.

По нужному адресу мы приехали очень быстро. Если придется ждать до положенного времени, я точно усну на середине сеанса.

Удивительно, но машина остановилась вовсе не перед клиникой. Я вылезла из такси у крыльца обычного дома, огражденного забором из белого штакетника. С зеленым газоном, клумбой и флигелем на крыше.

«Хоть бы это была ошибка, мне дали не тот адрес, или этого доктора вообще не существует в Пайнвуде, — думала я. — Сразу же соберу вещички и обратно, в Трэнтон!» Окрыленная этой мыслью, я бойко застучала в дверь. Мне открыла приятная девица в деловом костюме. Радости сразу поубавилось — я ожидала увидеть домохозяйку в переднике и с поварешкой в руках.

— Доброе утро, прошу прощения за беспокойство... я ищу доктора Тиммонса.

Девушка просияла, стерев тем самым улыбку на моем лице.

— Мисс Кэтрин Калверт? — спросила она с такой уверенностью, что даже захоти я, не смогла бы ее переубедить. Надежды на ошибку рухнули окончательно, я скорбно кивнула.

— Доктор вас ждет, — она сделала приглашающий жест. — Я провожу.

Пока мы шли сквозь просторную прихожую и строго обставленную гостиную, я спросила, не сдержав любопытства:

— Доктор лечит пациентов у себя дома?

Продолжая выдрессерованно улыбаться, девушка ответила:

— Доктор Тиммонс не лечит — он проводит сеансы терапии. У него здесь специально оборудованный кабинет, вас ничего не смутит, не волнуйтесь. А домашняя обстановка располагает к спокойной и искренней беседе.

Последнее, из-за чего я могла бы волноваться, так это в каком интерьере меня будут пытаться.

Остановились мы перед здоровенными раздвижными дверями, открытыми ровно настолько, чтоб мог пройти человек. Из-за спины ассистентки я увидела лаконичную, но уютную обстановку, огромное кожаное кресло, развернутое к окну, над спинкой которого маячила темноволосая макушка.

Кресло развернулось, когда мы подошли к дверям.

— Мисс Калверт, — торжественно объявила девица, словно на королевском приеме. Я чуть реверанс не сделала. Но тут же забыла и об ассистентке, и о ее официозе, увлекшись разглядыванием доктора Тиммонса. В кресле сидел худощавый мужчина лет сорока пяти, волосы уложены с помощью какой-то липкой дряни наподобие геля или воска — напомаженные пряди всегда вызывали у меня чувство брезгливости. Он смотрел с легкой усмешкой, чуть прищутив глаза — светлые, почти бесцветные, такое ощущение, что меня сканирует робот-полиграф. Тонкие губы, сползшие одним углом вниз, хмыкнули.

— Доброе утро, мисс Калверт, — протянул он с чарлстонским акцентом. Я не ответила. И этот тип будет копать в моих мозгах? Вспомнились врачи из клиники: с открытыми лицами, улыбающиеся, уютно-домашние из-за небрежности в одежде. Чем этот педант в строгом костюме и с кривой ухмылкой располагал к себе пациентов? «Доктор не лечит» — вспомнились мне слова девушки. А что же он тогда делает?

— Прошу, присаживайтесь.

Я шагнула к столу, и двери с шелестом задвинулись. Доктор вышел из-за стола и расположился на маленькой софе, небрежно закинув ногу на ногу, повторно указав мне на кресло напротив себя. Я медленно присела, не выпуская из рук сумочку.

Доктор между тем, не стесняясь, меня разглядывал, все с той же едва уловимой усмешкой. Я мысленно глубоко вздохнула и приготовилась к нелегким вопросам о прошлом.

— Как вам Пайнвуд?

От неожиданности я не уследила за собственным лицом, брови поползли вверх.

— Не знаю, — искренне ответила я. — Я тут мало что успела увидеть.

— Ах, эти маленькие городки американского Юга, — меланхолично произнес он, словно не слыша моего ответа. Взгляд перестал прощупывать меня, устремившись в окно позади. — Все похожи один на другой. Дремлют на солнышке, греют старые кости... С запущенными особняками, заброшенными хлопковыми полями, мутными речками... Жизнь здесь течет неспешно и небогата на события, правда? Но мы-то с вами знаем — в мутных южных речках водятся аллигаторы. Пайнвуд не напомнил вам Миддлтаун?

В десятку.

— Напомнил, и очень сильно.

— Вы сейчас живете в мегаполисе? Что вам больше по душе?

Я поежилась — забытая боль внутри начала шевелиться.

— У меня не было возможности выбирать. Я старалась максимально сменить обстановку, чтобы избавиться от болезненных ассоциаций.

— Вам давали подобные советы в реабилитационном центре?

— Да. Я сделала все возможное, чтобы забыть случившееся, — я немного расслабилась, когда речь зашла о клинике. Прекрасно помню все их приемы, а следовательно, знаю, чего ожидать.

— В числе этого «всего возможного» смена имиджа, рода деятельности, круга общения, имени, несомненно...

Фраза не звучала вопросительно, и я не стала ни подтверждать, ни опровергать.

— Это устаревшие методики, мисс Калверт. Современная психиатрия исходит из других представлений. Душа человека — все равно что его биологическая оболочка, такой же живой организм. Как и любому организму, ей требуется обновление, избавление от отмерших клеток, от всего старого, тормозящего развитие, регенерация. Это освобождение не проходит безболезненно. Вы храните внутри боль прошлого, как бомбу замедленного действия, каждую секунду ожидая, на каком мимолетном воспоминании она рванет. Это ведет к излишней фанатичной, осторожности, фобиям, недоверию к людям, ожиданию худшего. Ужасное существование, которое и жизнью-то назвать сложно...

— Все, о чем вы говорите, полностью противоречит тому, что мне два месяца внушали в клинике....

— Я знаю. Но скажите: вы довольны своей жизнью?

Я молчала. Не хочу выглядеть жалкой неудачницей.

— Так может, мы попробуем все исправить? — впервые за нашу беседу его голос звучал мягко. Мне это понравилось.

— Я здесь ради того, чтобы вы подтвердили нормальность моего состояния боссу. Делайте все, что для этого необходимо.

Он снова криво усмехнулся — на этот раз делано и демонстративно.

— Если вы желаете только этого — я прямо сейчас напишу самое положительное заключение, и мы распрощаемся. Видите ли, мисс Калверт, я не лечу людей. Я им помогаю. И вам я хочу помочь, но при условии, что вы хотите того же. Решайте.

Я живо представила, как возвращаюсь завтра на работу с этим заключением на руках. Как после работы я приду в маленькую квартирку над грязным байкерским баром — типичные трущобы. Бокал недорогого вина на ночь, полубредовые сны, бесконечное обрывание любых связей, бегство от себя... Полное одиночество. Когда я последний раз была с мужчиной? Лет пять назад я еще пробовала перебороть себя, ходила на свидания, пыталась завязать отношения. А потом махнула рукой, свернувшись калачиком в своем мирке, как эмбрион в материнской утробе. Стоит ли что-то менять?

— Что вы подразумевали под новыми методиками? — начала я осторожно. Он улыбнулся, как мне показалось, с облегчением и даже радостью — так мечтал опробовать на мне новые приемы?

— Для начала, вам придется рассказать все, что случилось. Все, что вам удастся вспомнить, Кэтрин.

Начало вполне стандартное.

— Я попробую.

Не знаю, сколько длился мой монолог — два часа? Десять минут? Закончив, я почувствовала себя, как высосанная устрица — пустой, легкой, но обессиленной. В то же время я поняла, как давно мне хотелось снова поговорить о том, что случилось тогда, десять лет назад. Внутренне я переживала эти события снова и снова — отдельные фрагменты, детали, фразы, и целые судьбы... Я ждала реакции доктора.

— Кого вы вините в том, что произошло с вами?

Странный вопрос вогнал меня в ступор. Я никогда особенно долго не рассуждала на эту тему.

— Виню? А разве это не очевидно?

— Для меня — нет. Поэтому я спрашиваю.

— Эдди. Эдди и Аманду Вудолл, — я чувствовала легкое раздражение. Эти чудовища даже имен не заслуживают, какие могут быть сомнения в их виновности?

— А как вы оцениваете свою роль? Вы в этих событиях — случайный герой?

— Что вы имеете в виду?

— Ну, вы не были с ними знакомы до всей этой истории?

— Разумеется, была. К чему вы клоните? — я снова перестала себя контролировать, в голосе звучал вызов.

— Я совершенно ни к чему не клоню. Вы сейчас сами сделали какие-то неожиданные и не очень приятные выводы, — он вновь принялся едва заметно ухмыляться, словно играя со мной.

Я устало откинулась в кресле.

— Вы меня немного запутали, — призналась я.

— Нет, это вы себя запутали. Подумайте об этом до завтра. Какова ваша роль во всей этой истории — случайно ли это произошло? И мы все обсудим. Вы ведь придете завтра?

— Конечно же приду! — я уже не скрывала раздражения. — Иначе как мне жить дальше с сомнениями, которые вы во мне посеяли?

— Прекрасно. Я уже вижу прогресс. Поверьте, вы себя не узнаете к концу нашей терапии.

Он поднялся, я тоже — и тут же почувствовала, насколько сильно устала и вымотана.

Ассистентка появилась словно из-под земли. Может, она и вовсе не отходила от раздвижных дверей? Доктор Тиммонс вежливо попрощался, вновь усаживаясь за стол. А я уже знакомым маршрутом направилась к выходу, сопровождаемая тусклой улыбкой девицы, искусственной, как и все в этом городке и в этом мире.

Я не помню, как возвращалась в пансион. Разговор с доктором словно вывернул меня наизнанку, и теперь я вся была обращена в глубину собственного нутра, и прошлое, похороненное там, снова вставало перед глазами странными черно-белыми кадрами. Я видела грязную закусочную, у черного входа которой я перекуривала, роняя пепел на желтый фартук. Видела жаркий полдень и свою мать, копающуюся в огороде — все время, упрямо, самозабвенно. Ферма была ее жизнью, заменила непутевую дочь. Да, точно. Когда я вернулась, она даже не подошла меня обнять. Взглянула разочарованно и пошла полоть морковь с обиженным видом — такой я ее и запомнила. Даже не знаю, что с ней стало... У Эдди Вудолла отношения с матерью тоже не складывались, он, как и я, стал ее сожалением... Нет, не хочу думать, что у нас с ним было что-то общее...

Идя по дорожке к крыльцу, я думала о том, как провести остаток дня. Понятия не имею, чем можно заняться в этой дыре. Дома вечерами я смотрела разные шоу и сериалы, но здесь в номерах телевизоров не было. Будь у меня машина, покаталась бы по городку, раньше мне казались интересными новые места и их маленькие достопримечательности.

Я шла по коридору к холлу, размышляя, не пообщаться ли мне с двумя другими постоялицами, но мысли о том, что придется разговаривать о своей жизни, работе и увлечениях, вызывали неуютные чувства, почти страх.

Не успела я подойти к стойке, чтобы забрать ключ, как по лестнице мне навстречу стремительно сбежала та молодая студентка, Шэннон. Как показалось, жутко расстроенная. Опередив меня, она вцепилась в столешницу и потребовала у нашей чопорной консьержки:

— Я хочу взглянуть на бланк.

Мисс Розенфелд старательно изобразила непонимание. Девушка нетерпеливо пояснила:

— Ночью, при заселении. Вы попросили заполнить бланк. Я хочу на него посмотреть.

Консьержка явно медлила:

— Что-то не так с вашими данными?

— Понятия не имею, — девица, казалось, едва сдерживает то ли истерический смех, то ли рыдания. — Я его не заполняла. Это сделала Лекси, я точно помню! Хотя вы утверждаете, что ее со мной не было. Вот я и хочу видеть эту анкету. Она ведь у вас есть? Или мне это тоже пригрезилось?

— Это обязательная форма, и мы просим заполнить ее абсолютно всех клиентов. Разумеется, вам не пригрезилось. Вот, прошу.

Я с любопытством наблюдала за сценой, оставаясь в тени коридора. А девушка-то не так проста, как кажется. О чем это она талдычит? Под наркотой, что ли?

Рванув из рук листок, аккуратно вставленный в файл, девица жадно принялась его изучать, и лицо ее бледнело на глазах. Я обеспокоенно взглянула на мисс Розенфелд: не понадобится ли стакан воды или даже нашатырный спирт. И тут же отпрянула назад, едва не выдав свое присутствие. Вежливую отчужденность с лица консьержки как ветром сдуло. Ее сменило злобное самодовольство — она стала похожа на хищную птицу, готовую запустить когти в жертву. Жертва, между тем, выпустила бланк из рук и пролепетала:

— Этого не может быть... Как? Как вы это сделали?... Мой почерк...

Жердь отреагировала высокомерно:

— Могу я еще чем-то помочь?

Не ответив, девушка повернулась к лестнице, а я вышла в холл. Хотелось схватить ключ и бежать подальше от этой жуткой женщины с маленькими блестящими глазками и крючковатым носом.

— Ключ, пожалуйста.

Она тут же обратилась ко мне с широкой улыбкой:

— О, мисс Калверт! Надеюсь, день был удачным?

Я нетерпеливо постучала по столешнице:

— Ключ.

Не меняясь в лице, жердь выдала мне ключ, и я поднялась к себе. В комнате прибрали. На прикроватной тумбочке в кувшине стоял букет подсолнухов. Я ненавижу желтые цветы. Впрочем, любые цветы. Сцена внизу отвлекла от прошедшей встречи с доктором, но оставшись наедине с собой, я снова поняла, насколько опустошена и устала. Не снимая туфель, я легла на кровать и не двигалась минут двадцать, уговаривая себя встать и принять душ.

Вторую половину дня я пыталась читать, обнаружив в гостиной, где утром пили кофе, полку с книгами. Приятно удивилась, найдя среди них любимых Маленьких женщин, и уволокла потертый томик в комнату. Но даже хорошо знакомые сцены давались тяжело — я постоянно возвращалась к предыдущему абзацу, отвлекаясь на посторонние мысли.

Вечером пришлось обратиться с просьбой к этой журналистке, Тэйлор Эмери, так как я совершенно забыла перекусить в городе. Она, перехватив меня на лестнице с очередной чашкой чая, которым я пыталась утихомирить голод, предложила вместе пообедать в городской закуской. Я долго отказывалась, призывая на помощь всю вежливость и терпение, которых у меня и без того почти не осталось. В итоге попросила ее привезти мне пару сэндвичей. Это примирило Тэйлор с отказом в моем личном присутствии. Почему она так настойчиво пытается влезть в жизнь всех встреченных ею людей? Это природное любопытство и делает из человека журналиста, или того хуже — писателя.

Шэннон не показывалась, возможно, она уехала из пансиона — я слышала, как кто-то прошел по коридору со стороны ее номера, а обратно не вернулся. Интересно, что у нее произошло? Странная девушка. Хотя, кто бы говорил.

От столика я с книгой переместилась в кресло у окна, а оттуда — на кровать. Сама не заметила, как уснула, забыв погасить светильник.

Мне приснился страшный сон. Сон, в котором ничего не происходит. Кажется, там и меня нет. Есть древний проигрыватель, на котором крутится пластинка, со скрипом выхаркивая одну единственную песню. Очень старую, но знакомую всем от мала до велика. Пластинка вертится и вертится, песня никак не заканчивается. Жуткая, дребезжащая мелодия и надтреснутый голос — мужской, но похожий на женский.

«На цыпочках... по тюльпанам»...

Пластинка кружит и кружит, кроме проигрывателя в комнате ничего нет — иногда проскальзывает стена из голого кирпича и низкий потолок. Нет больше никаких звуков, нет возможности прервать песню, отойти подальше от надрывающейся пластинки. Песня ужасна, но еще ужасней — та безысходность, которую я снова чувствовала.

Голос тянул и завывал, все громче звуча в моей голове. Песня моего кошмара — реального, и, как я надеялась, давно позабытого. Когда она стала оглушающей, я проснулась.

Виски ломили, наволочка сырая насквозь. Я потрогала щеки — ну точно, рыдала во сне. Не прошло и трех лет.

Что-то не так с комнатой.

Вытерев лицо, я приподнялась. Светильник выключен, темно, словно глаза выкололи. Может, я вырубилась свет сквозь сон? Или я вообще не проснулась? Станным было не только это. Тишина. Она казалась большой. Больше, чем может вместить в себя комната.

Я пыталась поднять затекшие руки, но тело не слушалось, голова, казалось, набита ватой. Это явь или сон? Глаза быстро привыкли, и я поняла, что ощущения верные — дверь номера распахнута настежь. В коридоре — ни огонька. Я понимала, что нужно встать и закрыть дверь, задвинув щеколду, но не могла подняться: старый кошмар и невыносимым образом выключившийся свет вкупе с распахнутой дверью вселили в меня неумный, первобытный ужас. И в довершение из мглы, колышущейся в коридоре, раздался громкий вздох, почти стон. На секунду все замерло. А потом я услышала шепот:

— Бекки...

Голос звал, страдая. Эта «Бекки» вместила в себя столько тоски, что я не могла не отозваться. Я поднялась с кровати и пошла к двери. Где-то здесь должен быть выключатель... или он на другой стене? В снах бывают выключатели?

— Бекки...

В коридоре никого. Но мгла продолжала вздыхать и шевелиться — слева, у лестничной клетки. Дойдя до вершины лестницы, я поняла, что внизу света тоже нет — холл утонул во мраке. Не разглядеть ни ступеней, ни стойки ресепшена — вообще ничего.

— Бекки... — от подножья лестницы. Спускаюсь, босыми ногами осторожно нащупывая ступени. Где-то справа, прямо за лестницей скрипит дверь — долго и протяжно. Что там, гостиная? Где хоть какой-нибудь чертов выключатель? Ощувив под ногами паркет, поворачиваю сразу за лестницу, пальцами держась за скрывающую ее стену. Что там, под лестницей, какая-то комната? Перед глазами белела открытая дверная створка, поворачиваю голову в черный проем и ничего не вижу. Чистый мрак. Пытаюсь взглянуть, рука шарит по внутренней стенке в поиске кнопки выключателя.

— Здравствуй, Бекки... — слышу сзади, но не успеваю оглянуться. Чьи-то руки с силой толкают в спину, и я влетаю в комнату под лестницей. Нет никакой комнаты. Есть бездна, куда я падаю бесконечно долго, больно ударяясь о ступени.

Под лестницей — подвал.

Нет, нет, нет! Только не это!

Я страшно кричу — и крик мой перекрывает грохот захлопнувшейся двери.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЧЕРНОЕ ПЛАТЬЕ, БЕЛЫЕ ЛИЛИИ

ДНЕВНИК ТЭЙЛОР ЭМЕРИ

19 июня, суббота.

Творится какой-то ужас.

Я приехала в Пайнвуд под вечер и первое, что выяснилось — мадам Белинды здесь нет. Вот зачем, спрашивается, назначать встречи, приглашать людей и убираться неведомо куда? Заняться совершенно нечем, желания писать — хоть отбавляй, я же его с собой захватила, уверенная, что мне предоставят хороший материал. Поэтому в одном из блокнотов решила вести путевые заметки — благо, у меня этих записных книжек целый чемодан. Я же рассчитывала на... впрочем, хватит об этом. Ныть не в моих привычках, извлекать пользу следует везде, из всего и при любых обстоятельствах.

Пайнвуд — довольно милое место, а пансион пресловутой мадам словно переместился сюда из страшной сказки. Ей-богу, когда меня встретила здесь мисс Марджери Розенфилд (замещающая мадам, как я поняла), то ассоциации с пряничным домиком, в котором живет злая ведьма, приятно защекотали нервы.

Сразу же выяснилось, что колоритных персонажей здесь больше, чем одна Мардж — мрачного вида тетка с приклеенной улыбкой. Багаж принял огромный косматый старик, такой неприветливый, что мурашки у меня побежали даже по зубам. Мардж тем временем старательно скалилась:

— Мы ждали вас, мисс Эмери! Вы — первая знаменитость, которую нашему пансиону довелось принимать.

— Очень приятно слышать. У вас тут премило. Когда я смогу увидеть мадам Белинду?

Лицо этой восковой куклы искривилось, изображая невероятное сожаление:

— Боюсь, не так скоро, как вам хотелось бы, дорогая мисс Эмери. Мадам нет в Пайнвуде. Ее отвлекло одно чрезвычайно срочное дело. Передать не могу, как сочувствую доставленным неудобствам.

— Что? — к собственному неудовольствию, мне не удалось сдержать разочарование и злость. Все-таки, пять часов в пути — не ближний свет. — Почему же меня не предупредили? Я приехала только ради встречи с миссис Барлоу.

Марж принялась мять пальцы:

— Это произошло довольно неожиданно. Думаю, вы уже были на пути в Пайнвуд. Но не стоит расстраиваться — у меня строгое распоряжение: предоставить вам всевозможные удобства, пока вы будете дожидаться мадам. Думаю, день-два, не больше.

Я вздохнула:

— Ну, день-два — это не так страшно. К тому же, пансион очень... вдохновляющий. Я не прочь провести некоторое время вдали от мегаполиса.

Сказала из вежливости. В действительности — дел в городе по горло. С тоской подумала о том, что встречу с читателями и творческий вечер придется переносить — снова! — на неопределенный срок, что безбожно горят сроки по сдаче материала в литературный журнал, куда я строчу статейки по писательскому мастерству, блог в сети не веду уже которую неделю...

Ладно, попробую хоть идей почерпнуть. Придется работать с тем, что есть.

Кое-как распаковав вещи (если можно назвать распаковкой вываливание их из сумки на стул), я пошла осматривать гостиницу. Расстройство номер два: выяснилось, что из постояльцев здесь только я. Притом, что номерных дверей на втором этаже около семи — восьми. Видимо, придется коротать вечера в компании милой Мардж и старика, похожего на йети. Чудно.

Пока солнце не село, решила пройтись по окрестностям. Вечер очень стоял теплый, стволы сосен в закатном солнце казались красными, точно впитали в себя его лучи. Дом не окружен даже забором, и сразу за углом начинается чаща. Мне удалось выйти на полузросшую тропинку, и я гуляла целых четверть мили — пока дорожка не уткнулась в болото. У берега торчала ржавая табличка: Осторожно, топь! Постояв там минут десять, я поспешила вернуться — не очень уютно представлять, как я блуждаю по этому лесу в сумерках.

В холле Марджери предложила мне выпить чаю — видимо, это и подразумевалось под всевозможными условиями, которые она будет мне создавать. Не придумав занятия лучше, я согласилась. Она накрыла столик тут же, у ресепшена, вытащив из-под стойки поднос словно фокусник — кролика из шляпы. Пока домоправительница разливала чай, я ее тихонько разглядывала. Странная женщина. Вблизи заметно, что она моложе, чем кажется — лет тридцати семи — сорока, не больше. Это ж надо так себя загримировать, чтобы выглядеть старухой! Все из-за толстого слоя пудры и ужасной помады морковного цвета. А очки с поднятыми вверх углами делают ее похожей на офицершу из гестапо.

Покончив с приготовлениями, Марджери уселась напротив, протянув мне чашку с золотистой жидкостью.

— Ромашковый! — объявила она гордо. Я попробовала — на вкус гадость, и пахнет больницей.

— У вас всегда так тихо? — я решила начать разговор, чтоб избавить себя от необходимости пить эту отраву.

— Вы про пансион? Пожалуй, да. Но завтра ждем еще постояльцев.

— Неужели? Интересно. Дом кажется большим. На сколько гостей рассчитан?

Мне показалось, что Марджери замешкалась в недоумении. Но быстро нашлась:

— На втором этаже семь номеров, но не все они готовы к постояльцам. Гостиница старая — где ламп не хватает, где — матрасов...

— Вы недавно здесь работаете?

Она посмотрела на меня почти злобно:

— Очень давно. Больше двадцати лет.

— О, понятно. И мадам Белинда, как я понимаю, тоже давно держит мотель? Раз за ним закрепилось прозвище пансион мадам Белинды.

— Да, верно.

Снова неуверенный тон. А эта Марджери — интересная особа. Что она скрывает?

— Получается, в Пайнвуде — ваши корни? — сейчас я ее выведу на чистую воду. Исторические факты на ходу не так-то просто сочинить. — Как появился этот милый городок? Я читала, когда-то здесь была мебельная фабрика.

— Боюсь, не могу рассказать ничего интересного о прошлом этого места. Я родом из Филадельфии.

— Правда? — заорала я так, что Мардж вздрогнула. Чайная пара в ее руках зазвенела. — Обожаю Филадельфию!

Коротко кивнув, старая дева поставила чашку на поднос и встала:

— Дам распоряжения мистеру Дэшу насчет сада.

Ха! Вот ты и попалась! Я еще не встречала человека, который, будучи родом из Филадельфии, не трещал бы о своей Филе несколько часов кряду.

— Мистер Дэш и вы — единственный персонал?

Марджери оглянулась:

— Да. Я и завтраки готовлю, и номера прибираю. Есть приходящая уборщица, моет дом раз в неделю. А мистер Дэш — наш подсобный рабочий. На все руки мастер, что называется.

— Вид у него довольно жуткий, — призналась я, понизив голос. — Он живет в пансионе?

Марджери, похоже, мой страх доставил удовольствие, она смягчилась и улыбнулась почти искренне:

— Не стоит его бояться, леди. Он совершенно безобиден. И нет, он не живет в доме. В углу сада есть сторожка. В доме живу я, ну и мадам Белинда. Наши комнаты на первом этаже, — она махнула рукой за ресепшен — в глубину коридора, уходящего в темноту.

Остаток вечера был посвящен изучению местной прессы. В этой дыре даже вай-фая нет! Без интернета ноутбук превращается в печатную машинку.

Укладываюсь спать в печали, в общем.

20 июня, воскресенье.

Сегодня вечером должна была состояться встреча с читателями во Франклинской библиотеке. И, хоть я и предупредила агента, что приехать не успею, читателей-то никто не уведомит во время. Они меня возненавидят, и правильно сделают — я на их месте поступила бы так же. Ну как можно быть такой идиоткой — думать, что успею смотаться за триста миль, набрать материала, вернуться и тут же примчаться на встречу? Планирование дел — совершенно не мой конек.

Попробую поднять себе настроение чашкой горячего кофе — как я помню, постояльцам полагается бесплатный завтрак.

10.00

Итак, я познакомилась со своими соседками. Марджери не обманула — и впрямь прибыли новые заселенцы, в количестве целых двух штук.

Шеннон Галахэр — юная девчушка, студентка из Атланты. Изучает то ли Войну за независимость, то ли Первую мировую — я не сильна в истории. Очень воспитанная и прекрасно держится — наверняка из семьи с аристократическими корнями. Они тут все кичатся своим происхождением, черт бы побрал этих южан.

Вторая — Кэтрин Калверт — довольно странная особа. Мало того, что выглядит как призрак Кентервилля, так еще и ведет себя соответствующе: бессловесное, безэмоциональное существо, весь завтрак просидела в кресле, не шевелясь. Хотя я очень вежливо попыталась втянуть ее в разговор. Что любопытно: кажется, мы раньше встречались. Когда взглянула на нее поближе, появилось такое навязчивое чувство: знаю, а вспомнить, что именно знаю, не могу. Какое-то размытое воспоминание, словно нечеткая фотография... Ну все, эта мысль теперь меня в покое не оставит!

Про мадам ни слуху ни духу, и чтоб не тратить время впустую, поеду-ка я в местный архив, полистаю газетные сводки. Может, и без миссис Барлоу найду то, что нужно.

13.45.

Проторчала в архиве три часа — обнаружила кое-что интересное, но, к сожалению,

ничего полезного. Глаза болят от компьютера и мелькания заголовков — пролистала подборку местного Телеграфа за последние три года. Но ни слова, имеющего отношение к письму мадам Белинды, не нашла. Даже залезла в свою электронку (благо, хоть в архиве доступ в интернет имеется), перечитала послание: вдруг упустила какую-то важную деталь: но нет, написано довольно размыто (переписала, чтоб иметь под рукой):

Уважаемая мисс Эмери!

Я довольно долго слежу за вашим творчеством, не переставая восхищаться. И вот, наконец, решила вам написать. Я хочу поделиться с вами своей историей. Дело в том, что я лично была знакома с одним из тех людей, которых вы делаете главными героями своих книг. Только в письме всего не объяснишь: предлагаю встретиться лично. Вы не будете разочарованы моим рассказом и теми сведениями, которые я готова предоставить, ради того, чтоб пролить свет на это темное дело. Тайна, которую я ношу в душе уже несколько лет, стала тяжелым бременем! Приезжайте туда-то и тогда-то, буду вас очень ждать! Надеюсь на помощь и сочувствие, ваша поклонница, миссис Белинда Барлоу.

Признаюсь, меня подкупила не только искренность и призыв о помощи, но и лестные отзывы в мой адрес.

Но ничего похожего на страшные истории, которые я использую в качестве сюжетов, в газетных сводках не было. Зато я нашла фотографию самой мадам: на какой-то благотворительной ярмарке, рядом с мэром. Оказалось, что это высокая рыжеволосая дама, очень красивая. Теперь мне еще любопытней, что же за кошмарную тайну скрывает эта благородная леди.

В пансионе пусто, пишу в гостиной, где утром пили кофе. Тут прекрасный вид на сад. Очевидно, мистер Дэш добросовестно исполняет свои обязанности — сквозь стеклянные двери, выходящие на веранду, я залюбовалась розовыми кустами и белыми лилиями с крупными головками. Какой хороший сорт. Захотелось даже подойти поближе.

Очередная странность. Стоило мне подняться, чтобы выйти поглазеть на цветы, как парадная дверь распахнулась и влетела Шэннон. Я окликнула ее, но она, бросив на меня совершенно безумный взгляд, умчалась наверх. Может, стоит узнать, не нужна ли помощь? Впрочем, я и так часто лезу не в свое дело. Минуту спустя колокольчик над входом снова звякнул. Я выглянула в коридор и увидела молодую женщину в длинном черном платье. Волосы покрывала накидка, но светлые пряди все же выбились из-под платка. Из-за них-то я и не разглядела лица. На звон колокольчика у ресепшена возникла Мардж, на ходу вытирая руки о фартук.

— Что вам нужно? — резко спросила она. Я замерла, притаившись за дверной створкой. Ей бы поработать над приветствием. Странная реакция на возможного клиента.

— Я бы хотела снять комнату. На сутки или чуть больше, — голос женщины тих, да и наклонилась она впритык к лицу старой девы.

— Мест нет, — отрезала та. Особа в черном топталась, словно ожидая, что Марджери сейчас предложит какую-то альтернативу. Но та просто ждала, пока незнакомка уйдет. Бедняжке ничего другого и не оставалось. Вид у нее был до того неприкаянный, что я, тихонько отступив обратно в гостиную, как можно быстрее помчалась на веранду, через сад — к крыльцу. Женщина как раз подходила к машине — старенький седан, выдавший лучшие дни.

— Мисс! — позвала я и взмахнула рукой. Особа оглянулась, замерев. А я подходила и думала — какого черта я опять куда-то лезу. Слегка запыхавшись, я представилась:

— Добрый день, я Тэйлор Эмери, живу в этом пансионе.

— Лили Саммерс, — сдержанно ответила юная леди: что она совсем молоденькая я поняла, подойдя ближе.

— Слышала, вам отказали в заселении, очень жаль.

— Да, мне тоже. Здесь чудесно, — она бросила быстрый взгляд на верхние окна дома и взялась за ручку дверцы.

— Знаете, в городе есть еще один мотель, вроде, он ничего. Можем вернуться и расспросить дорогу у нашей управляющей, — я махнула рукой в сторону крыльца.

— Я имею представление, как туда добраться, но спасибо за доброту.

Ну что ж, похоже, нюх на интересности меня подводит. Дело тут не в особе, она — почти! — обычная молодая женщина, мало ли что привело ее в Пайнвуд. Странность в другом — с чего Мардж отказала ей в заселении?

— Удачи, — кисло кивнула я, поворачивая обратно, к саду.

— Ммм... Минуту, леди! — казалось, она решилась на эти слова в последний момент. Я обернулась.

— Не знаете имя девушки, приехавшей на этой машине? — она ткнула в авто Шэннон. Я внимательно взглянула на особу. А она внимательно смотрела на меня. Чуть прищуренные глаза, а во взгляде эдакая решимость, граничащая с жестокостью.

— Нет, — спокойно ответила я. — У нас много постояльцев.

Женщина в черном усмехнулась. Она поняла, что я лгу.

ШЭННОН

Я не верю в происходящее. Это какой-то страшный сон. Сейчас я проснусь, и все будет в порядке — утро начнется заново, Лекси будет сопеть на соседней кровати, позже мы вместе позавтракаем и отправимся к полковнику разбирать его переписку. А пока мне нужно успокоиться.

Первые секунды я сидела в номере на полу, глядя на изменившуюся комнату, и скулила, зажав рукой рот. Потом вскочила и принялась метаться, как зверь в клетке, хватая вещи и распахивая тумбочки — пыталась хоть в чем-то обнаружить присутствие Лекси. Ни единого намека: ни светлого волоска на паркете у зеркала, ни запаха духов, ни использованного ватного диска — ничего.

Теперь я вышагивала из угла в угол, лихорадочно бормоча вслух:

— Нет, нет, нет, этого просто не может быть! Я получила это чертово письмо и сразу позвонила ей — единственной на курсе, увлеченной той же темой, что и я. Она согласилась после долгих уговоров — я помню, мы созванивались несколько раз! Вчера я забрала ее от дома — Декейтер-стрит, 25. Она выбежала, размахивая сумкой, села в машину и заявила, что не успела позавтракать — пришлось заезжать в кафетерий, брать бутерброды в дорогу. Я совершенно точно это помню! Я не сошла с ума!

Может, это место — какая-то временная воронка? Что-то подобное я читала у Кинга: люди летели в самолете, и в один момент тех, кто заснул, выбросило в параллельное время. Я заснула вчера раньше Лекси — и вот!

Да не бывает такого в реальной жизни! Но что тогда произошло?

— Если ее не было со мной, значит, она дома!

Я судорожно пролистала список в телефоне — домашнего номера Лекси у меня не было, но в кампусе должна иметься информация. Гудки остались без ответа. Каникулы... Но должен же быть хоть кто-то в колледже, способный ответить на звонок! Нужно ехать в

город, искать интернет-кафе.

Кафе... Точно! Мы вчера заезжали в закусочную — и там нас без сомнений запомнили: в третьем часу ночи мы были единственными посетителями!

Возможность действовать воодушевила. Нет ничего ужасней, чем чувство беспомощности.

Проходя мимо ресепшена, я бросила на жердь холодный взгляд. Почему я виню ее в происходящем? Мне показалось, что она торжествовала, показывая мне анкету, которую при заселении заполняла Лекси. Взглянув на записи, я с ужасом узнала собственный почерк, а эта мегера чуть ли не усмехалась. Теперь я думаю — почерк у меня стандартный: аккуратный, ровный, почти учительский. Я не помню, как пишет Лекси. Возможно, примерно также, так что ничего удивительного.

Но если она была со мной (черт, что значит — если?), то куда она делась? Заблудилась в лесу? Случайно убита (или не случайно), и теперь причастные к убийству заматают следы? Да, это не самый оптимистичный вариант, но единственный логичный из всех возможных.

В первую секунду, увидев изменившийся номер, я хотела схватить вещи и броситься обратно в Атланту, чтоб убедиться — Лекси действительно была со мной. Или Лекси действительно со мной не было — но она дома, живая и здоровая, а я просто сбрендила и мне пора в психушку. Господи, пусть я окажусь сумасшедшей, а Лекси будет в порядке! Проблема в том, что я не сошла с ума, и Лекси, скорее всего, в беде. Или того хуже...

Мысли кипели в голове, как зелье в котле ведьмы — разбухая и лопаясь, и я не успевала за ними следить. Спohватившись на улицах города, я долго плутала, выискивая закусочную. Почему-то мне не хотелось спрашивать дорогу. Все в этом городе лгут.

Наконец, узнав красно-белую вывеску с огромной кофейной чашкой, я сбавила скорость. Припарковавшись как попало, я вышла из машины и бросилась в кафе.

В разгар обеденного времени посетителей здесь значительно больше, чем ночью. Я попыталась разглядеть бармена, который объяснял нам дорогу, но весь персонал метался, как безумный. Наконец, мне удалось урвать место у самого края барной стойки. Среди мальчишек, выдающих дымящиеся чашки и стаканы с пивом, моего знакомого не было. Когда один из них обратился ко мне с готовностью принять заказ, я с ходу заявила:

— Мне бы поговорить с молодым человеком, работавшим тут ночью.

Конопатый старшекласник пошло подмигнул:

— Запала на нашего Дилана, а?

Мне захотелось врезать ему подносом прямо по ухмыляющейся физиономии. Но не стоит тратить последние силы на какого-то поганца:

— Нет. Но у меня к нему очень важный разговор. Помогите, пожалуйста. Как я могу его увидеть?

— Ого, как припекло! А что мне за это будет? Номерок хоть оставь.

Я зажмурилась, но злость оказалась сильнее — слезы выплеснулись сквозь ресницы. Похоже, сейчас у меня начнется истерика.

— Позови. Чертова. Дилана, — прошипела я, и, открыв глаза, бросила на придурка испепеляющий взгляд. Мой безумный видок подействовал на него отрезвляюще.

— Да ладно тебе, чего завелась. Нет его. Ночная смена заканчивает в восемь утра. Выходной у твоего Дилана.

— Адрес.

— Еще чего. Я не сдам своего друга особе со взглядом акулы-убийцы!

В подтверждение своих слов он отошел в дальний конец бара. Я слезла с высокого стульчика и пошла к выходу. У самой двери мне удалось поймать молоденькую официантку. Вцепившись ей в локоть, я зашептала:

— Послушай, милая, мне очень-очень нужен Дилан, ты же понимаешь? Так получилось, что я от него залетела. Сил нет, как срочно надо с ним поговорить! Где он живет?

— Я не знаю, — пролепетала ошарашенная школьница.

— Допустим. Когда он выйдет в смену?

— Завтра вечером, с восьми до восьми должен....

— Отлично, спасибо!

Поначалу я обрадовалась, что удалось добиться хоть какой-то информации. Но по дороге в пансион энтузиазма поубавилось. Дилан — это еще не Лекси. Да и чем он мне поможет? Если он скажет, что никакой подружки со мной не было — делать нечего, я возвращаюсь в Атланту и иду к психиатру. Не может же действительно весь город состоять в сговоре. А если он скажет, что она со мной была? Идти в полицию? Искать по окрестностям? Пытать Марджери раскаленным утюгом?

Ладно, доживем сначала до встречи с Диланом. И я не в состоянии ждать завтрашний день. Вечером снова поеду, вдруг все же удастся выяснить его адрес.

Подъезжая к пансиону, я поняла, что просто ненавижу это место: и дом, и сосны вокруг, и даже щебет птиц. Мне не хотелось заходить внутрь и видеть Марджери, не хотелось находиться в номере, который наводил ужас, но куда больше пугало, что я не могу уехать, не могу переселиться в городской мотель. Не могу даже долго отсутствовать. Вдруг она вернется.

Я едва нашла силы вылезти из машины. Со стороны леса шел мистер Дэш с лопатой на плече. Он же тоже вчера должен был видеть Лекси? Я бросилась наперерез:

— Стойте!

Траппер остановился, уставившись на меня выцветшими глазами.

— Вы не видели мою подругу? Помните, мы приехали ночью, вы помогли нам с багажом?

Он молчал, не сводя с меня немигающих глаз.

— Где моя подруга?

Старик наклонился ближе к моему лицу и открыл рот, демонстрируя дергающийся обрубок языка.

Я взвизгнула и кинулась в дом. Стрелой взлетев по лестнице в номер, заперлась на щеколду и едва удержалась от желания спрятаться под кровать. Итак, пансионом управляют ведьма и немой старик, похожий на бигфута. Из постояльцев — женщина-призрак и писательница, строчащая книжки про маньяков. Супер.

Опустившись в маленькое кресло у окна, я уткнулась в ладони и заныла, не сумев сдержать слез:

— Ну что же мне делать?

Всплакнув, я приказала себе не раскисать и действовать. Поднявшись, я подошла к окну. У крыльца писательница разговаривала с незнакомой женщиной, укутанной в черное с головы до пят. Секунду спустя, та села в раздолбанный форд и уехала. Может, рассказать все этой Тэйлор? Она, вроде, ничего... Но могу ли я хоть кому-нибудь доверять в этом доме?

Сменив легкие балетки на кеды, я схватила ветровку и снова пошла вниз как можно спокойнее. Мои метания туда-сюда выглядят безумно.

Я направлялась в лес. Лекси же написала, что идет осматривать окрестности. Куда я, кстати, дела записку? Кажется, бросила где-то в номере. В любом случае, утром я там все облазила. Они умеют замечать следы.

— Лекси! — закричала я вверх. В глубине чащи затрепыхали крылья — и снова тишина. Впереди не наблюдалось ни малейшего просвета, через десяток шагов я увязла в болоте, вымазавшись по колена в грязи. Прокричав имя подруги еще несколько раз и послушав звон сосновой чащи, я поплелась обратно. Тут нет ни тропок, ни полян, ни ручьев — ничего, что хоть мало-мальски могло привлечь Лекс и заставить ее заблудиться. Только лишь сосны, ковер из желтой хвои, да болото. Она бы быстро повернула назад.

В номере я приняла душ. Пока теплая вода смывала слезы с лица, я твердила: Все-будет-хорошо, все-будет-хорошо, повторила раз сто, наверное. Эта глупая мантра меня немного успокоила, и я тут же почувствовала голод. Все равно я собиралась возвращаться в Пайнвуд в надежде найти бармена-Дилана. Заодно и поем.

Подъехав к закусочной, я передумала заходить. Персонал меня уже в лицо знает, не стоит так часто мелькать — это вызовет ненужные подозрения и может отпугнуть бармена. Купив хот-дог, я припарковала машину напротив кафе. Сквозь огромные окна освещенный зал отлично просматривался. Кто знает, может, Дилан в выходной отдыхает на любимой работе? Бред, конечно, но мне необходимо делать хоть что-то...

Не знаю точно, сколько прошло времени. В какую-то секунду я вдруг поняла, что сижу в машине с недожеванным хот-догом, напротив какой-то загрызочной, в ожидании призрачной надежды, что мимо пройдет абсолютно незнакомый человек и спасет меня от всех напастей. The Black Keys пропевали свой последний альбом уже в третий раз. Я выбросила остатки хот-дога в приоткрытое окно, завела мотор и развернулась.

Женщина в черном платье стояла возле старого форда через две машины от меня. Ее горящий взгляд пробрал до костей, и я что было мочи надавила на газ.

В пансион я вернулась в девятом часу вечера. Солнце уже село, слабое отражение заката в небе едва разгоняло ночную мглу.

В холле слышались голоса — в гостиной кто-то разговаривал. Мисс Эмери что-то бойко спрашивала, ей тихо отвечали. Я прошмыгнула наверх, как мышка. Не хочу вступать ни в какие вежливые беседы.

В комнате я еще раз попыталась дозвониться до Лекси. Номер по-прежнему не доступен. Листая список имен в телефоне, я думала, кому из друзей могу позвонить и попросить помощи. Кроме Лекс, оставались еще Бен и Эмма, которые сейчас где-то на калифорнийском пляже. Звонить им смысла не вижу.

Погасив свет, я легла на кровать в одежде, прямо поверх покрывала. Сомневаюсь, что удастся уснуть.

Крик, полный безумия, прорвался в сознание, разрушая карусели, крутившие меня в сновидениях. Я подскочила, путаясь ногами в сбившемся покрывале. Дотянувшись до кнопки светильника, стоящего на тумбочке, я щелкнула выключателем, но лампа не отреагировала. Наконец, выбравшись из простыней, на ощупь я добралась до двери. Верхний свет также не загорелся, выключатель на стене не работал. В коридоре послышались торопливые шаги, кое-как найдя задвижку, я распахнула створку.

У моей комнаты стояла Тэйлор, светя мне в лицо экраном мобильного.

— Что происходит? — пролепетала я, загораживая глаза рукой.

Снова отчаянный крик, откуда-то снизу. Мисс Эмери бросилась к лестнице, я — за ней.

— Похоже, свет отключили, — объяснила она на бегу. Чудом не скатившись со ступеней, мы уже стояли в холле. Из-под стойки ресепшена вынырнула Марджери — в халате, с бигуди в волосах и с фонариком в зубах.

— Нееееет! — кричал женский голос словно бы из-за стены, слышались глухие удары.

— Ради Бога, посветите мне, мисс Эмери! — попросила Мардж, и я поняла, что она испугана не меньше нас. — Не могу найти ключ от подвала! Кричат оттуда, и похоже, это мисс Калверт — больше некому.

— Что со светом?

— Наверное, пробки. Мистер Дэш! — закричала она в сторону коридора и неожиданно обратилась ко мне: — Не могли бы вы найти его? Пусть проверит счетчик.

Но я вросла в пол и не могла с места двинуться. Да и не собираюсь я блуждать в темноте в поисках ужасного немого старика.

— Наконец-то! — связка ключей зазвенела в руках, в следующую секунду Марджери побежала к боковой стенке, скрывающей лестницу. Мы — за ней. Никогда не замечала, что под лестницей есть дверь. Кое-как справившись с замком в свете мобильного, Мардж распахнула дверную створку и к ней в объятия упала Кэтрин — в ночной рубашке, залитая слезами, она судорожно цеплялась за халат консьержки и повторяла:

— Только не это, пожалуйста, только не это!

В этот момент загорелся свет.

— Ведите ее в гостиную, мисс Розенфилд! Вот сюда, на диванчик.

Тэйлор, твердо отдав распоряжения, вывела нас из ступора. Бедняжка Кэтрин продолжала всхлипывать и цепляться за Марджери. Усадив ее на софу, та побежала на кухню, пообещав вернуться с чаем.

— А не найдется ли у вас коньяка? — крикнула вслед Тэйлор. И добавила под нос: — Я бы и сама не отказалась. Ну-ну, милая, все позади.

Она присела рядом и обняла растрепанную Кэтрин за плечи:

— Как вы там очутились?

Но мисс Калверт казалась совершенно невменяемой: смотрела невидящим взглядом, глотала слезы и все бормотала:

— Нет, только не это, только не это...

Вернулась Марджери с подносом. Всучить кружку в пальцы Кэтрин удалось не сразу, она сделала пару глотков и немного успокоилась.

— Меня толкнули... Я слышала голос... Темнота...

— О, Господи, что за ужас! Толкнули? Кто мог это сделать? — я думала, что Тэйлор вцепится сейчас в Марджери и примется трясти за грудки. Я бы ей с радостью помогла.

— Это просто невозможно! В доме никого, кроме нас самих. Вы не страдаете лунатизмом? Что касается темноты — я только что видела мистера Дэша: да, дело в пробках. Иногда такое случается. Дом очень стар.

— Этот голос... — твердила бедняжка Кэтрин. — Он все повторял... Может, мне показалось...

Она в отчаянии закрыла лицо руками. Мардж торжествующе взглянула на мисс Эмери:

— Разумеется, показалось! Плохой сон? Вы блуждали в темноте, свалились в подвал... На двери английский замок — она захлопывается.

— Слишком уж много совпадений! — покачала головой Тэйлор. — Как вы, дорогая? Может, отвезти вас в больницу?

Но Кэтрин отказалась.

Мне стало ее жаль. Глядя на бледное лицо, взлохмаченную голову, пальцы, вцепившиеся в кружку — слишком тяжелую для ее тонких рук, я подумала, что она совершенно одинока в своих переживаниях. И в этом мы похожи.

— Хотите, я побуду с вами остаток ночи? — сама не ожидала, что скажу такое. Но Кэтрин взглянула с благодарностью:

— Вы очень добры.

Вчетвером мы поднялись наверх, Мардж принесла всем чай и кексы, оставшиеся с завтрака. Но есть никому не хотелось.

— Ну, если я могу еще чем-то помочь... — развела она руками, и я снова с удивлением отметила в ее тоне искренность — но уже не страх, а сочувствие.

— Все в порядке, — ответила Тэйлор за всех нас. — Отправляйтесь спать. Мы тут сами справимся.

Пока Кэтрин умывалась, мисс Эмери поправляла простыни на ее кровати.

— Если не возражаете, посидим вместе. Мне все равно не уснуть.

— Я не против.

— Только накину халат, в этой пижаме чувствую себя плюшевым медвежонком.

Я устроилась в кресле и приготовилась к долгой ночи.

ДНЕВНИК ТЭЙЛОР ЭМЕРИ

01.50.

Это просто невероятно! Я не могу успокоиться, и у меня нет времени все подробно описывать — нужно бежать в комнату Кэтрин, раз уж я пообещала. О том, что произошло ночью, расскажу завтра, теперь не об этом!

Я вернулась в номер, чтоб переодеться и чуть не грохнулась в обморок: все вещи из шкафа вывалены на пол, дверцы распахнуты настежь! А внутри висит одно-единственное платье, и оно не мое. Сплошь черное, и у груди приколот цветок лилии. Живой цветок!

Меня трясет, оттого такой ужасный почерк.

Кто-то решил поиграть со мной. Ну что ж, я принимаю вызов.

Но кто? Все мы до единой находились внизу.

В ДОМЕ ЕСТЬ КТО-ТО ЕЩЕ?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ПРОШЛОЕ СМОТРИТ ИЗ ТЕМНОТЫ

Мистер Берт Барлоу был убийцей, мошенником и конокрадом. Он бежал на север штата из Саванны, после портовой драки, в которой, ради красивых глаз малютки Мейзи, дочери кабатчика, прирезал двух матросов.

На месте Пайнвуда тогда стоял суровый лес, сквозь чащи которого прокладывала себе путь Йеллоу Джек — мутная речушка, высохшая теперь в болотную топь. И лесом, и берегами реки, и небом над ними владел некий джентльмен, имя которого история не сохранила. Известно только, что Берт Барлоу устроился к нему поденщиком, дослужился до управляющего и по фальшивым закладным прибрал к рукам все имение, пустив неизвестного джентльмена и его семью по миру. Часть земли удалось вырвать из плена сосновых кущ и приспособить под хлопковую плантацию, на другой деревья были оставлены для нужд лесопилок, снабжавших стройматериалами весь штат. Это произошло незадолго до того, как некий строитель воткнул палку в землю, обозначая конец железнодорожного полотна, основав тем самым Атланту.

Отстроив огромный особняк, Берт Барлоу забрал Мейзи из Саванны, сделав ее своей женой. Она и дала название поместью, стоя на крыльце и созерцая сосны, пронзенные закатным солнцем.

Мейзи умерла во время девятых родов вместе с дочкой. Из восьми сыновей мистера Барлоу детство пережили четверо. В апреле 1861 года все они встали под ружье, но вернулся с войны в мае 1865 только один — Кэйд Барлоу. На месте отчего дома он нашел пепелище, узнав от горстки слуг, прячущихся в лесу, что околотки армии Шермана добрались и до этих краев, сжигая все на своем пути, и что когда солдаты ворвались в поместье, Берт Барлоу отстреливался из окон, удерживая целый десяток янки в течение двух часов, пока у него не кончились патроны. Северяне, покоренные храбростью старика, хотели отпустить его, но мистер Барлоу отказался, заявив, что если они хотят жечь дом, то пусть жгут вместе с ним. И кости его покоятся здесь же, под пепелищем, сросшиеся с обгоревшим остовом.

Кэйд отстроил дом заново — правда, это был уже не белый особняк, а добротное практичное строение в два этажа, с огромным подвалом и высоким чердаком. Бывшие рабы, ставшие свободными, сколотили свои лачуги на почтительном расстоянии от хозяйского дома, по привычке указывая, что они живут «в Пайнвуде». А Кэйд Барлоу дал дому другое название — «Уайт Лилис», в честь своей жены, Лили Хэмптон, сестры армейского друга.

Мадам Белинда приходилась правнучкой Кэйду Барлоу, и, откровенно говоря, была вовсе не Барлоу, а Эдисон, поскольку в положенное время вышла замуж и в положенное время овдовела. Но местные никогда не забывали, что она — часть истории их города, последняя из рода Барлоу, праправнучка Большого Берта — легенды, героя и основателя города.

ШЭННОН

Тэйлор не возвращалась довольно долго, и я уже решила, что она передумала составлять мне компанию этой ночью. Возможно, это и к лучшему, смогу спокойно подумать о том, что делать дальше. Хотя от бесконечных перебираний возможных вариантов я уже устала.

Бедняжка мисс Калверт порывисто вздыхала во сне — так всхлипывают дети после долгого надрывного плача. Она попросила не выключать светильники, желтый свет

расползаясь над паркетом, едва касаясь моих рук, обхвативших колени. Я сидела в кресле у окна, глядя на свое отражение в стекле. Чужая девушка с потерянным, испуганным взглядом тоже спрашивала меня: Что делать дальше?.

Дверь осторожно открылась, и вошла Тэйлор. Я заметила, что она по-прежнему в пижаме, хотя и ушла в свой номер с целью переодеться. Она бросила отрешенный взгляд на кровать, потом на меня, и мне показалось, что присутствующие в этой комнате — последнее, о чем она думает.

— Все в порядке? — спросила я шепотом. Она ответила не сразу.

— А? Да-да. Не могла найти халат. Кажется, я забыла его захватить.

Придвинув стул, она села напротив меня, спиной к Кэтрин и уставилась в законную темноту, вымазанную желтым светом.

Некоторое время мы молчали. Когда дыхание мисс Калверт стало ровным, я решилась заговорить.

— Вы притихли. Происшествие расстроило вас? Или напугало?

Тэйлор подняла на меня глаза и поправила очки.

— А вам все это не кажется...хм... странным?

— Станным? Нет. По-моему, это ужасно. Неужели ее и правда кто-то толкнул? Зачем? Чтобы убить?

— Глупости! — воскликнула мисс Эмери и тут же прижала палец к губам — Кэтрин завозилась во сне.

Наклонившись ко мне, Тэйлор громко зашептала:

— Вам не кажется, что мы бы ее так или иначе услышали? Неужели тот, кто толкнул — если этот таинственный он был на самом деле! — надеялся, что она просто расшибет голову о ступени и умрет? Это же совершенно лишено логики! О нет, тут идет совсем другая игра, мисс Галлахер!

— О чем вы?

— Ну подумайте сами: зачем этот он толкнул Кэтрин? Если не убить, то похитить, закрыть в подвале? Но она спокойно добралась до двери, и ничто ей не помешало колотить в эту дверь что есть мочи и звать на помощь. Значит, эта причина тоже отпадает. Что тогда?

— Не знаю, что? — мне не терпелось получить ответы и сил ломать голову над загадками уже не оставалось.

— Испугать. Предупредить. Но — кого? Кэтрин или кого-то из нас?

— Из нас? Зачем кому-то пугать нас?

Мисс Эмери устало откинулась на спинку стула. Очевидно, размышления об этом заводили ее в тупик.

— Не знаю, дорогая. Возможно, у меня слишком богатая фантазия, как у любого писателя, и все это пустые бредни. Возможно, мисс Калверт действительно страдает лунатизмом или даже психозом — у нее такой вид... Но может быть и такое, что несчастная девочка — просто пешка в чьей-то игре...

Она снова замолчала, уставившись в слепое окно, а я задумалась, потрясенная ее рассуждениями. Снова пришла в голову мысль: а не рассказать ли ей о Лекси? Нет, нужно все же для начала поговорить с этим злополучным Диланом и убедиться, что это я не страдаю психозом.

Кэтрин вздрогнула во сне и забормотала:

— Нет, нет, только не это!

Тэйлор обернулась к кровати, я тоже приподнялась, готовая подойти и успокоить бедную мисс Калверт. На секунду она открыла глаза, увидела нас и, облегченно вздохнув, перевернулась на другой бок.

Мы вернулись в прежнее положение. Мисс Эмери заметила:

— Вы правильно сделали, что решили провести с ней ночь. Вы очень добры, дорогая. Ваши родители дали вам прекрасное воспитание. Они, должно быть, гордятся такой дочерью? Я со своим писательством стала разочарованием семьи. Отец мечтал видеть меня юристом, а мама — врачом. Но я не оправдала ничьих ожиданий. В отличие от вас, не так ли?

Она грустно улыбнулась. А я подумала: какое это, должно быть, счастье — улыбаться, вспоминая о родителях. И, неожиданно для самой себя, ответила:

— Я сирота. Уже восемь лет как. Мама умерла, когда мне было двенадцать. Мною некому гордиться.

О сказанном я тут же пожалела. Не привыкла откровенничать о прошлом.

Тейлор выглядела обескураженной.

— Ох, простите меня, дорогая! Мне очень жаль.

Я закивала, выдав улыбку — привычка, выработанная годами.

Вновь наступило молчание. Вскоре Тэйлор забарабанила пальцами по подоконнику и чуть раздраженно высказала:

— Все-таки, это очень странно!

— Что?

— Ее слова. Вы же слышали: Только не это!. Понимаете, Шэннон, когда я пишу очередную работу, я всегда примеряю то, что происходит с героями, на себя. Вот и подумайте: в какой ситуации вы могли бы сказать: Только не это?

Я попыталась вспомнить, есть ли в моем лексиконе подобная фраза, и при каких обстоятельствах я ее произношу. И ответила довольно искренне:

— Я бы сказала так, если б сбылся мой самый страшный кошмар. Или когда случилось то, чего я опасалась.

— Вот именно! — торжествуя, Тэйлор снова повысила голос, и мы с тревогой взглянули на Кэтрин. Та казалась погруженной в глубокий сон, но мисс Эмери все же благообразно понизила голос:

— Вы правы, Шэннон! Люди говорят так, когда произошло что-то, чего они ждали. Боялись, не желали, но ЖДАЛИ! Не могла же мисс Калверт ждать, что с ней может когда-нибудь произойти такое?

— Если только...

— Если только ей не угрожали, например. Или если только с ней уже не происходило нечто подобное. Нечто настолько ужасное, что повергло ее в такую панику! Но что же с ней произошло?

Меня разбудил шум в коридоре. Открыв глаза, я поняла, что лежу поверх покрывала, в своем номере, не раздетая. Было светло, сквозь распахнутую дверь я увидела, как по коридору промелькнул силуэт светловолосой женщины — она прошла мимо моей комнаты в сторону лестницы. Мелькнули бледно-розовая блузка, синие джинсы... Лекси! До меня донесся даже запах зеленого яблока — ее шампуня. Я соскочила с кровати и бросилась в

коридор. Стук каблучков слышался на лестнице. Наверное, из-за тяжелой бессонной ночи ноги казались ватными. Я едва дотащила себя до лестницы — каждую ступеньку приходилось преодолевать, вцепившись в перила. Внизу хлопнула входная дверь — звук доносился как из тумана. Я хотела закричать, но голос сел, и оставалось только бормотать шепотом:

— Лекси... Подожди.

Перетащив себя через холл, я вышла из пансиона. Сразу за дверью начинался лес. Я увидела светлые волосы и розовую рубашку меж деревьев, далеко впереди. Теперь я могла бежать, но догнать Лекси все равно не получалось. Быстро темнело. Силуэт мелькал то справа, то слева, я боролась с ветками и сосновыми иглами, вцепившимися в меня мертвой хваткой. Наконец, я потеряла ее. В темноте ничего не различить — сам лес казался сплошным черным мазком, я беспомощно озиралась, но не видела больше ни светлых волос, ни бледно-розовой рубашки. Пока, развернувшись, не столкнулась с ней лицом к лицу. Лекси стояла прямо передо мной — худая и изнеможенная. Я так рада была найти ее, что потеряла дар речи. Она наклонилась ко мне и прошептала:

— Очнись, Шэннон! Я в подвале!

И лес вокруг меня разразился жутким звоном.

Я едва пришла в себя, выбираясь из-под одеяла. Кажется, было далеко за полдень.

Телефон продолжал надрываться, а я все никак не могла выпутаться из собственного сна. Интересно, где моя сумка? Мобильник должен быть там. Почему он так громко трезвонит? Когда я окончательно проснулась, то поняла, что звонит стационарный телефон. Я только сейчас увидела старый аппарат под лампой на прикроватной тумбочке. Трубку я подняла больше для того, чтоб прервать этот ужасный звон. Мое алло? прозвучало более неуверенно, чем хотелось бы.

— Мисс Галлахер? Это Марджери. В пансион звонила Хезер Фитцпатрик домоправительница полковника Хэмптона из Коттонхилла. Она настоятельно просила вас заехать в течение дня, когда вам это будет удобно.

Она замолкла, ожидая моей реакции, а я пыталась переварить сказанное.

— Хорошо, спасибо, я поняла, — приврала я. Так или иначе, пора вставать.

Хезер Фитцпатрик? Это та суровая дама из дома полковника, которая бесцеремонно выставила меня вон? Она не удосужилась представиться. Очень интересно, что ей от меня нужно?

Быстро собравшись, я выпила чашку остывшего кофе — завтрак упущен! — тщетно надеясь, что это меня хоть немного взбодрит. Уже выходя, я вспомнила о письме, которое домоправительница требовала предоставить. Решив захватить его с собой, я вернулась в номер. Пансион казался очень тихим. Ни Кэтрин, ни мисс Эмери, похоже, не было. Марджери выглядела немного отрешенней, чем обычно. Видимо, события нелегкой ночи сказались и на ней. Вспомнив разговор с Тэйлор, я задумалась, имеет ли она какое-то отношение к произошедшему с Кэтрин. От этих размышлений мысли мои перешли к подвалу, а от него — к увиденному сну. Нужно непременно постараться втихаря пробраться в подвал и посмотреть, что они там прячут.

Обо всем этом я думала уже в машине, по дороге к Коттонхиллу. Пайнвуд, отыграв суматошное утро, теперь, к двум часам пополудни, дремал, словно старушка в кресле-качалке на крыльце. Коттонхилл тоже выглядел спящим, как и в прошлый раз, во время моего первого визита. Пройдя по уже знакомой аллее, я нажала белую кнопку звонка. Дверь

открылась почти сразу. Домоправительница сменила черное платье на серое, с белым кружевом на манжетах и воротнике.

— Я вас ожидаю, мисс Галлахер. Пройдите.

Холодный тон не предвещал ничего хорошего. Я подумала, что возможно, вернулся полковник и разъяснил ситуацию своему ручному дракону. Что ж, мне теперь нет дела до исследования. Так что пусть не переживают за свой бесценный архив.

На сей раз я удостоилась чести быть проведенной дальше прихожей. Мы оказались в небольшой уютной комнате, обитой темным деревом. Миссис Фитцпатрик указала мне на стул, оставшись стоять. Я присела, чувствуя себя кроликом, брошенным удаву, и вопросительно уставилась на драконшу.

— Итак, вы не уехали. Признаться, я была пренеприятнейше удивлена, совершенно случайно узнав, что вы продолжаете гостить в пансионе.

Совершенно случайно — как мило. Совершенно случайно позвонила проверить, там ли я еще?

— Мне казалось, мы все выяснили? — продолжала она. — Я раскрыла ваш обман. Не понимаю, на что вы еще надеетесь.

— Не представляю, о чем вы. Я никого не обманывала. Полковник действительно писал мне — и вот доказательство, — я бросила письмо на низкий столик, отгораживающий мой стул от края серого платья. — В Пайнвуде я осталась по личным причинам, отчитываться о которых не собираюсь, — мой тон дал достойный отпор ледяному взгляду домоправительницы. И я добавила со злорадством: — Потому что это не ваше дело.

Женщина между тем взяла сложенный листок двумя пальцами, словно паразита, которого брезгливо отбрасывают подальше. Развернув, она пробежала глазами строчки. Пристально наблюдая, я удовлетворенно заметила, что взгляд ее вскоре вновь переместился на начало, и теперь она читала внимательно. Наконец, бессознательно опустилась на соседний стул, опустив листок на колени. И неуверенно взглянула на меня, заметив:

— Похоже на почерк полковника.

Я торжествовала. А она снова взглянула на меня — почти испуганно.

— Вы действительно здесь из-за архива?

— Действительно, — улыбнулась я, почти счастливая оттого, что хотя бы это недоразумение разрешилось.

— Хм... вынуждена принести извинения за резкость...

Я кожей чувствовала ее неловкость. Не люблю, когда из-за меня кто-то ощущает себя виноватым, поэтому поспешила извинения принять.

— Теперь, раз все выяснилось, может быть, вы объясните причину своей резкости?

Не могу не любопытничать, хотя и ненавижу чужие тайны. Но сейчас не та ситуация, чтоб пренебрегать информацией. Что угодно может привести к Лекси, хотя бы и окольными путями. Но интерес мой удовлетворен не был:

— Хотя вы и вправе требовать объяснения, боюсь, не могу распространяться об этом деле — слишком личное.

Я пожалала плечами, искренне надеясь, что удалось сыграть вид мне все равно.

— Что ж, мисс Галлахер, — сказала она, поднимаясь, — я сегодня же поговорю с полковником, оповещу его о вашем приезде и дам вам знать.

Я тоже встала, раздумывая, стоит ли мне останавливать ее и объяснять, что исследование меня уже мало интересуется. У порога она остановилась, взявшись за дверную

ручку:

— Вы позволите мне оставить письмо? Если полковник забыл о том, что договорился с вами, я его зачитаю.

Не думаю, что мне оно может еще понадобиться.

— Конечно, без проблем.

— Знаете... оно немного странное... в том месте, где полковник пишет о пансионе.

Я внутренне вздрогнула.

— А что не так с пансионом?

— Хм... сама не пойму, — она снова развернула письмо. Я тоже взглянула на строчки, почти дословно помня слова полковника о пансионе.

— Он пишет, что эта гостиница — более приемлемое место для леди, чем местный мотель, — сказала я. — Это что, не так? У пансиона дурная слава?

— Нет-нет, — забормотала миссис Фитцпатрик, все еще вглядываясь в строчки. — Это действительно хорошая гостиница... мадам Белинда...

— Он называет ее приятельницей, — напонила я.

— Да, они дружили, все верно... Видимо, я ошиблась. Простите, что понапрасну вас путаю. Я позвоню.

Распровавшись, я вышла, уже жалея, что оставила письмо. Что с ним, черт возьми, не так? Перебирая в памяти строчку за строчкой, я медленно брела к машине. Ничего не казалось странным. Я села за руль, не заводя машину. Нужно продумать день. Нужно залезть в подвал, вечером найти Дилана, нужно поесть, в конце концов. С этого и начнем.

Я подняла голову — улица была пуста. Единственная машина на обочине в тени деревьев стояла далеко впереди. Приглядевшись, я поняла, что это уже знакомый мне темно-красный фолд. Мне казалось, я различаю силуэт светловолосой женщины в черном платье. Она сидела за рулем. Фолд стоял не меньше чем в пятидесяти метрах, но я чувствовала ее острый взгляд. Я встречаю ее около себя третий раз за полтора дня — слишком часто для совпадения. Она что, следит за мной? Какого черта? Если это так — что-то не слишком старается делать это тайком. Может, подойти и выяснить все прямо сейчас? Сначала убедимся.

Я завела машину и поехала в город.

В городке размером с носовой платок сложно петлять и запутывать. К тому же, в Пайнвуде мне знаком только один маршрут — от старого шоссе до закусочной с красно-белой вывеской. К ней я и поехала, огибая кварталами главную улицу. Машин было немного, подъехав к кафе, я сразу увидела «фолд» женщины в черном, выползший за мной из-за поворота. Я припарковалась напротив входа в закусочную, вышла и не спеша направилась на другую сторону улицы, делая вид, что намереваюсь зайти в кафе. Остановившись перед самой дверью, я оглянулась — «фолд» стоял чуть в отдалении, сквозь стекло я видела темный силуэт с выбившимися из-под платка светлыми прядями. Решительно развернувшись, я направилась прямо к ней. Я торопилась, опасаясь, что незнакомка сейчас испугается и уедет. Но она, кажется, была обескуражена моими действиями — через окно машины я поймала ее удивленный взгляд. Наклонившись, я стукнула в стекло, уставившись прямо в колючие синие глаза. Чуть помедлив, женщина открыла дверь и вышла.

— Извините, я могу вам чем-то помочь? — резко спросила я. Женщина глядела с любопытством.

— Не понимаю...

— Я видела вас вчера перед пансионом, в котором живу, потом вечером, в городе, буквально десять минут назад — у особняка полковника Хэмптона, и вот я здесь — и вы тоже. Так чем я могу вам помочь?

По ее смущенному взгляду я поняла, что не ошиблась в подозрениях.

— Знаете, пару дней назад я бы не решилась подойти к вам с таким вопросом, — продолжала я. — Но теперь вокруг меня творится столько безумного, что я и сама стала немного не в себе. Вы следите за мной?

Женщина заправила прядь под косынку и посмотрела на меня умоляюще:

— Зачем вы здесь?

— Простите?

— Зачем вы приехали в Пайнвуд?

— Историю изучать.

Она натянуто рассмеялась.

— Почему вы делаете это в Коттонхилле? А не в местном архиве, или музее, или библиотеке?

Кажется, я начала выяснять обстоятельства? Как так получилось, что сама оказалась на допросе?

— Полковник Хэмптон предоставил мне возможность ознакомиться с собственным архивом, — покорно ответила я. Она снова рассмеялась.

— Вы что, издеваетесь? Этот сумасшедший никому не позволяет и близко к нему подходить!

Мне ничего не оставалось, кроме как молча изучать ее глаза-ледышки. Я уже устала убеждать людей в истинности своих намерений. Женщина подошла ближе и тихо произнесла:

— Скажите правду. Вы здесь из-за ребенка?

Ожидала обвинений в чем угодно — от международного шпионажа до стремления выскочить за полковника. Про ребенка в Коттонхилле я совершенно забыла. Она же о нем сейчас? Пока я растерянно хлопала глазами, незнакомка восприняла молчание как подтверждение собственной правоты:

— Вы его видели? Как она? Это ведь девочка, я не ошиблась? — она схватила мою руку, но мне казалось, что более охотно вцепилась бы в горло.

— Послушайте, леди. Я понятия не имею, о чем вы. Я не видела ребенка. И в Пайнвуде я действительно ради архива. Не знаю, что за дела у вас с полковником Хэмптоном и знать не хочу. Прекратите меня преследовать. Мне хватает проблем.

Но она только крепче впиалась тонкими пальцами в мое запястье:

— Хоть слово скажите! Ей дали имя? Куда вы увезете ее?

Я не особенно вежливо выдернула руку и развернулась к своей машине. Очень вовремя. В кофейню заходил светловолосый парень, в котором я успела узнать Дилана. Тут же забыв и о странной женщине, и о ребенке, и о Коттонхилле, я бросилась через улицу.

— Дилан! Стой!

Парень остановился у входной двери, повернувшись на мои призывы. И пошел навстречу — словно ему тоже было, что сказать.

— Привет, ты меня помнишь? — спросила я, пытаюсь отдышаться — больше от волнения, чем от пробежки.

— Да, черт возьми! Ты — та сумасшедшая, которая сказала Элли, будто залетела от меня! Что за фигня?

— Да-да, извини. Это была вынужденная мера. Твои...хм...коллеги отказывались говорить, где тебя найти, пришлось выдумывать причину.

— Хороша причина! Вообще-то я собирался пригласить ее на свидание, но теперь она меня видеть не хочет. Идем-ка со мной, объяснишь Элли, что все это — чушь собачья!

Для моих запястий сегодня не самый лучший день — все норовят вцепиться в них и куда-то тянуть.

— Да погоди, никуда не денется твоя официанточка! И я обязательно признаюсь, что солгала. Сначала скажи — ты меня помнишь? Я заезжала прошлой ночью, спрашивала у тебя, как найти пансион мадам Белинды.

— Да помню, помню! А зачем я тебе так срочно понадобился?

— Слушай, — я зажмурилась и глубоко вздохнула. — Это очень-очень важно. Ты только не торопись с ответом, хорошо подумай, окей? Ты помнишь девушку, которая была со мной? Она сидела за столиком у окна, когда я подошла к стойке — к тебе. Ты ее видел? Помнишь ее?

— Пухлощекая блондинка, которая на мой кофе нос кривила? И что с ней?

— О, Господи! — вскрикнула я, не в силах сдержать слезы радости, — спасибо, спасибо! Ты не представляешь, как это...

Я не смогла договорить и повисла у него на шее.

— Ну ты и подонок! — маленькая официантка Элли, выглянув из-за двери, швырнула в нас салфетницей и снова скрылась в кафе. Колокольчик над входом противно взвизгнул.

— Ничего, — я подняла взгляд на Дилана. — Я ей обязательно все объясню, обещаю!

Но сначала вытрясу правду из Марджери.

ДНЕВНИК ТЭЙЛОР ЭМЕРИ

20 июня, воскресенье.

05.45.

Оно живое. Живее меня. И уж точно — гораздо уместнее. Я долго не могла оторвать от него взгляда, сидела напротив распахнутых створок шкафа и смотрела, как зачарованная. Черное платье с приколотой лилией висело внутри, как будто так и должно быть. О чем оно мне говорило? Что напоминало? Я не могла понять, поэтому так и не решилась приблизиться и вытащить его оттуда. Показать Марджери, что происходит в моем номере Марджери, я не посчитала нужным. Если она заодно с теми, кто это устроил — то ничем мне не поможет, если она ни при чем — то же самое. Лучше всего — тихонько наблюдать, что будет происходить дальше, делая вид, что я ничего не понимаю. Одно знаю точно — меня сюда заманили, и сделано это хозяйкой пансиона, мадам Белиндой. Нужно узнать о ней как можно больше.

Черное платье с приколотой белой лилией. Оно о чем-то должно мне говорить. Но — о чем? Я не знала или не помнила. У меня уже было это чувство — словно я что-то забыла. Оно возникло, когда я познакомилась с этой бедняжкой, Кэтрин Калверт.

Наконец, я решилась изучить платье поближе. Плотное, шерстяное, прекрасного качества. Название бренда на этикетке было мне незнакомым. По запаху, похоже, новое. Я закрыла шкаф, оставив платье внутри, сгребла кучу своей одежды и сунула в чемодан. Нужно хоть немного поспать перед поездкой в архив. Думаю, мое пребывание там затянется.

18.00

Поужинала тремя бокалами вина. И, откровенно говоря, не отказалась бы еще от парочки.

В архиве я просмотрела газетные подборки, начиная от давности десяти лет и отсчитывая, а точнее отчитывая, обратно. Мадам Белинда оказалась личностью довольно популярной, если не сказать столпом общества — тут и благотворительность, и меценатство, и светские рауты. Статьи сопровождались фотографиями: на каждой эта элегантная дама изящно улыбалась, вызывала зависть идеальной прической из рыжих волос и внушала доверие. Что же скрывается за маской благопристойности?

Когда до точки отсчета осталось четыре года, я поняла, что плечи мои затекли и вообще, пришло время обеда. Вчера я приметила один довольно милый ресторанчик, кажется, самое приличное заведение в городке. Туда и направилась.

Время было далеко за полдень, зал пустовал. Но я все же уселась не за стол, а у барной стойки. Если местные газеты старательно делают из мадам настоящую леди, то сплетни никем не оплачены. Бармен — чернокожий мужчина с седеющими волосами, подал мне меню и предложил аперитив. Я с радостью согласилась.

— Какой милый городок! Обожаю Юг! Сама-то я из Орегона, знаете ли, живу в Портленде, — в искусстве лжи я виртуоз. — Будни мегаполиса так мрачны. Преступность, пробки, плохая экология... А здесь просто рай!

Бармен вежливо улыбался, протирая бокалы.

— Можете ли поверить — живу в доме уже пятый год и до сих пор не знаю, как зовут соседей! Вы же тут, наверное, не то, что соседей — всех жителей знаете?

— Думаю, так и есть, — ответил он.

— Остановилась, кстати, в пансионе мадам Белинды — и уже наслышана о ней... — я выдержала многозначительную паузу, не обозначая точно, о чем именно я наслышана. — Ну, вы понимаете?

Бармен пожал плечами.

— Достойная леди наша миссис Барлоу.

— Да-да, я так и думала. Жду не дождусь, когда познакомлюсь с ней!

Мужчина взглянул на меня хмуро. Потом слабо улыбнулся.

— Вы что-то неправильно поняли. Мадам Белинда умерла в прошлом году. Инсульт, кажется. Еще вина?

ГЛАВА ПЯТАЯ. ДВЕРЬ В ПОДВАЛ ПРИОТКРЫВАЕТСЯ

ШЭННОН

«Твоя подруга? Та пухлощекая блондинка, которая все нос кривила? Ну, помню» — эти слова сладким звоном продолжали звучать в голове.

Когда первый эмоциональный порыв прошел, я, наконец, отцепилась от Дилана, ожидая, что сейчас получу по первое число за новую двусмысленность, которую невольно создала. Но парня обескуражили мои слезы. Посмотрев на окна кофейни, за которыми нас расстреливала взглядом Элли, затем на меня и снова на окна, он сделал выбор:

— Что происходит, черт побери? С тобой все нормально?

— Да-да, — я торопливо утерла щеки рукавом. — Слушай, я обязательно объясню все твоей девушке, но сейчас мне правда надо ехать, дело серьезное.

— Хорошо, но... ты точно в норме? Почему ты разревелась?

Вместо ответа я только порывисто всхлипнула — остаточная реакция истерики, которую мне едва удалось обуздать.

— Что-то случилось с твоей подругой? Потерялась, что ли?

В точку. Я кивнула, изо всех сил пытаюсь загнать слезы обратно.

Он беспомощно развел руками:

— Я ее больше не встречал. Обращалась в полицию?

Ах, если бы все было так просто. Я снова ответила движением головы.

Он помолчал, хмуро разглядывая мой распухший нос.

— Могу чем-то помочь?

Да, сможешь дать свидетельские показания в суде? Но вслух сказала:

— Ты и так очень помог. Я еще заеду, позже. И... прости за Элли. Я постараюсь все исправить.

Я кивнула, прощаясь, и только сейчас заметила, что держу его за рукав. Наверное, подсознательно мне хочется утащить его с собой, чтоб не доказывать свою правоту Марджери в одиночку. Это неудивительно — он кажется мне единственным во всем мире, кто на моей стороне.

По дороге в пансион я думала, как начать разговор с Марджери. С сакраментальной фразы: Попалась?! Я все знаю, сдавай сообщников!. Временами меня пробивало на идиотское хихиканье. Я одернула себя: было бы чему радоваться, Лекси в опасности. Зато я не сошла с ума.

В гостинице стояла тишина. Мои соседки, видимо, так и не возвращались. Я прошла по толстому ковру коридора, ведущего от входной двери в холл. Вспомнилось, как в день приезда (боже, неужто это было всего лишь позавчера? Целая вечность же прошла!) я перестала слышать стук каблучков Лекси, как только мы вошли в дом. Этот темно-красный ковер, покрывающий и лестницу, и коридор второго этажа — и поглощающий звуки шагов. Все для покоя постояльцев? Ха-ха.

За стойкой никого не было, и я стукнула по звонку. Из глубины задних комнат показалась Марджери — сегодня она выглядела усталой и не такой всеоружной, как обычно. Из прически-ракушки вывалились небрежные пряди, поверх юбки все еще повязан фартук, видимо, забыла снять с момента приготовления завтрака. Даже помада на губах не такая

яркая, как обычно. Она подошла к стойке и спросила, чуть улыбнувшись:

— Да, мисс Галлахер?

Тон был мягким, обещающим, что Мардж настроена быть паинькой. Но меня такими штуками не купишь.

— У меня есть свидетель.

— О чем вы?

— Вы прекрасно знаете, о чем я. Этот человек видел Лекси, мою подругу, с которой я сюда приехала. Я не сумасшедшая, не перегрелась на солнце и не мучаюсь галлюцинациями, в чем вы так настойчиво пытаетесь меня убедить. Лекси здесь, приехала сюда со мной.

— Ах, вы все о том же — о своей навязчивой идее. Что же это за свидетель?

— Так я вам и сказала! Но он готов все подтвердить перед кем угодно, если понадобится. Он видел нас — и меня, и Лекси, — вместе в день приезда в городе.

Марджери продолжала ласково улыбаться — ну точь-в-точь ведьма из сказки, заманивающая наивных детишек в свой котел.

— В общем, или вы говорите, где моя подруга, или готовьтесь объясняться с полицией!

— Итак, вас видели в городе с подругой, но сюда она не доехала? Вы правы — нужно бить тревогу. Я прямо сейчас позвоню 911, вы не против? — она сняла трубку телефона. — Мы скажем им, что она пропала из вашей машины по дороге из Пайнвуда в гостиницу — так ведь выходит?

— На что вы намекаете? — я почувствовала, как внутри меня рождается ледяной ветерок и в секунды набирает силу урагана.

— Напекаю? Да что с вами, мисс Галлахер? Я просто указываю на очевидный факт — сюда ваша подруга не приезжала. Мое слово против вашего. У меня тоже есть свидетель — мистер Дэш. Он не говорит, но писать умеет. Вы приехали сюда одна. Ну что, звоним в полицию? Вам ведь нечего бояться? Кто заподозрит невинную студентку, потерявшую подругу?

Я медленно отступала от стойки, не веря своим ушам. В голове мелькали картины, одна за другой: полицейский участок, комната допроса, возможно, полиграф, камера временного задержания... а потом... потом...

— Что с вами, дорогая Шэннон? — ласковая улыбка в тот же миг сменилась хищным оскалом: — А! О своем прошлом вспомнили? Бойтесь, что узнав ваше настоящее имя, у полиции появятся теории не в вашу пользу?

— Кто... кто вы такая?

— Я представилась в самом начале нашего знакомства, Шэннон, милочка. Марджери Розенфелд. А вот кто вы такая — это, конечно, большой вопрос. Так что насчет полиции?

— Что вы знаете обо мне?

— Ровно то, что вы указали в анкете, что же еще я могу знать? — она откровенно издевалась. — Думаю, мне лучше положить трубку. Мадам Белинду не обрадует, если пансион окажется замешан в каком-то скандале. Найдите свою подругу там, где вы ее потеряли, и — ради Бога! — перестаньте пытаться меня разоблачить! Потому что мне скрывать нечего. Если позволите, я вернусь к посуде. Видимо, мы закончили.

Она развернулась и, напевая, скрылась за поворотом, где надо думать, располагалась кухня. Я чуть постояла, не в силах сдвинуться с места, потом машинально направилась к лестнице. Присев на верхнюю ступеньку, откуда Марджери не смогла бы меня увидеть, даже если бы вернулась на ресепшен, я долго отгоняла призраков прошлого. Наконец я поняла,

что обходиться действительно придется без полиции.

Я прислушалась: внизу было тихо. Для верности скинув туфли, я спустилась в холл и прошла за стойку. Телефонный справочник и сам телефон, грязная кружка из-под кофе, скомканные бумажки, испачканный тюбик губной помады — а Мардж не такая строгая и чопорная леди, какой пытается казаться. Так-с, стопка чистых бланков, пачка бумаги, ножницы... Выдвигаем ящик. Вот так, медленно и чуть приподнимая, чтоб не скрежетал. Есть! Внутри лежала коробочка с блестящими ключами. На некоторых наклеены стикеры, другие были без наклеек, но с номером — очевидно, дубликаты номерных. Разберемся. Осторожно задвинув ящик, я поспешила убраться наверх, прихватив коробку.

За дверью своей комнаты я почувствовала себя в относительной безопасности. Высыпав ключи на кровать, начала их судорожно перебирать. Прежде всего — подвал. Хватая один за другим, откидывая те, что с номерными бирками, я вчитывалась в наклейки: «Бельевая», «Гостиная», «Задняя дверь», «Кладовка»... Подвала не было. Проверив еще раз, я в этом убедилась.

Шепотом чертыхнувшись, я принялась складывать ключи обратно в коробку, стараясь особенно не греметь. Нужно вернуть все на место, пока жердь не обнаружила мои художества. Уже в коридоре мой взгляд упал на дверь, противоположную моему номеру. «Бельевая» значилось на табличке. Может, стоит заглянуть? И заодно проверить остальные, пустующие номера, раз уж коробка с ключами — у меня в руках? Подойдя к лестнице, я прислушалась — снизу не доносилось ни звука. Выудив нужный ключ, я открыла дверь.

За ней оказалась узкая и пыльная комната. Сквозь белую полотняную штору, завязанную внизу узлом, едва проникал тусклый свет. Все пространство было загромождено стеллажами с бельем — надпись на табличке не обманула. Стопки махровых полотенец, хлопковых простыней, пестрых покрывал лежали на полках, свисая с краев. Комната казалась запущенной и очень грязной. Да уж, не особо приятно осознавать, что постель мне застелили тряпками из ближайшей груды. Пахло пылью и сухими травами — я читала, что в старину в комоды и шкафы клали стебли вербены или лаванды, для того, чтоб избавиться от прелого запаха. Неужто здесь поступают также? Осторожно, стараясь не потревожить пылевые клубки, я прошла вглубь, к окну, и поворошила стопку салфеток на полке последнего стеллажа. И точно, пожелтевшие льняные куски переложены трухой, которая с десятков лет назад была, видимо, засушенным стеблем лимонника. Сколько же времени не перебирали этот хлам? Пора на выход, пока я не расчихалась.

Вернувшись в коридор, я некоторое время не могла решить, стоит ли мне осматривать все номера подряд, и с чего вообще начать. К слову, пронумерованы комнаты довольно странно — моя, например, несмотря на одиннадцатый номер, была в коридоре первой, следом шли номера девять, семь и пять, которые, как я помнила, не заселены. Напротив пятого номера шел третий, тоже пустой, дальше комната Тэйлор — почему-то под номером два, следом — Кэтрин, номер четыре, пустой номер шесть, бельевая и лестница.

Пройдя мимо собственной комнаты, я открыла дверь номер девять. Что именно я хотела найти — не знаю. Что-то, что наведет на Лекси, а может, ее саму? Помещение оказалось вовсе не готово к приему постояльцев и было похоже на каюту корабля после шторма — мебель расставлена беспорядочно, на столе громоздились тумбочки, кровать съехала со своего места и стояла, незастеленная, по диагонали. Идя по пыльному полу, я натыкалась на всевозможные светильники, ящики, выдернутые из комода, горшки с высохшей геранью — да, если вдруг нагрянут жильцы, Марджери не успеет привести этот номер в порядок даже за

пару дней! Не будут же они ждать в вестибюле неделю? Интересный подход к ведению гостиничного бизнеса...

Я вышла из девятого и направилась в седьмой — удивительно, но картина была такой же: жуткое запустение, грязь, беспорядок. Было заметно, что когда-то эти комнаты знали и лучшие дни: тюли на окнах отделаны дорогим французским кружевом — я видела такие на экскурсии по довоенным особнякам, стены обиты панелью из орехового дерева, витражные бра... Но все покрыто пылью, паутиной и тленом. Мне даже стало обидно за дом — кажется, его разлюбили... То же самое повторилось и в пятом, и в третьем номере. Выйдя из последнего, я была совершенно обескуражена. Три обитаемых номера — мой, мисс Калверт и мисс Эмери. Остальные — заброшены и забыты. Покрывают таким толстым слоем времени, словно последние постояльцы жили там год, а то и два назад. Что это значит — пансион работает только ради нас? Я вдруг вспомнила маленькие детали, казавшиеся мне незначительными, но отчего-то застрявшие в памяти — нечищенный камин с пятнами ржавчины на решетке, свежеекрашенные перила крыльца. Весь этот дом — один сплошной обман, наспех скроенная декорация, причем, скроенная для нас троих — меня, Тэйлор и Кэтрин. Кем и для чего?

Остался неосмотренным последний номер — шестой, дверь наискосок от моей. Даже не знаю, стоит ли туда заходить. Но раз я решила устроить обыск, стоит довести дело до конца.

За дверью стабличкой «б» царил такой же хаос, как и за другими. Сваленные в кучу книги, рядом — разобранная книжная полка, покрытое пожелтевшей простыней высокое овальное зеркало, две кровати. Одна из них — под ярким покрывалом, с белой подушкой. Свежая, непыльная кровать — словно мазок гуашью на сером холсте. Поверх лежал клочок бумаги. Не веря своим глазам я сделала шаг ближе и взглянула на него. Хотя, зачем? — я и так знала, что там написано. Это записка Лекси: «Ушла осматривать окрестности», и ее кровать из нашего номера.

Коробка с ключами вывалилась из рук с жутким грохотом. Секунду спустя дверь распахнулась.

— Шэннон? Что вы тут делаете?

На пороге стояла Тэйлор.

— Зайдите скорее и закройте дверь, — зашептала я. Мисс Эмери так и сделала. — Помогите мне собрать ключи!

Пока мы возились в пыли, я объясняла:

— Пришлось устроить обыск. Этот дом слишком странный. Кроме наших номеров, все остальные — вот в таком состоянии. Да тут сто лет не было постояльцев! Вся эта комедия специально для нас разыгрывается, понимаете? Нас зачем-то собрали тут вместе. Только зачем — не понимаю! Вы знаете эту мадам Белинду?

— Нет никакой мадам Белинды!

Я не успела удивиться — в кармане джинсов завибрировал телефон. Достав трубку, я обомлела. Звонила Лекси. Глядя на светящийся экран, я не могла себе поверить. Да, так и написано: «Лекси». Приняв звонок, проведя пальцем по дисплею, я просипела:

— Алло? — на том конце что-то затрещало, и я, приходя в себя, попыталась реанимировать собственный голос: — Алло? Лекс?

— Шэннон... — отозвалась трубка потусторонним шепотом. — Шэннон... Я в подвале.

Три коротких гудка, возвещающих об отбое.

КЭТРИН

Они думают, что я сошла с ума. Или что хотела привлечь внимание, нарочно закрывшись в подвале. Люди сейчас чего только не вытворяют, у всех свои странности. Но я точно не притворялась. Я не знаю, что это было — может, я и впрямь спятила и поймала глюки. Тот голос — он звучал в моем сне? Или в моих мыслях? Незнакомый голос, так настойчиво зовущий из темноты: «Бекки!». Окончательно очнулась я только тогда, когда летела вниз, пересчитывая ребрами ступени. Адская боль вырвала меня из сонного тумана, завесившего сознание. Наверное, это все из-за прошедшего сеанса. Воспоминания накрыли меня, вернулся забытый кошмар — и вот, я снова схожу с ума. Нормальная терапия, спасибо, мистер Паркер, сэр.

Обо всем этом я думала, сидя в кабинете доктора Тиммонса. Настало утро с его насущным хлебом — я не могла пропустить прием. О произошедшем я не собиралась рассказывать психиатру, иначе мне сидеть на этой кушетке до скончания времен. Скажу, что чувствую себя прекрасно.

— Ваш вид говорит об обратном, — тут же расколол меня док. — Вы вообще спали?

— Немного... — осторожно начала я. — Немного не выспалась. Плохо привыкаю к чужой постели.

— Что-то снилось? — он чуть прищурился, сканируя меня холодным взглядом. Я замешкалась с ответом. Вроде, я решила позволить ему себя вылечить? Чего я больше хочу — окончательно разобраться в себе, стать нормальной или выбраться отсюда? Вспомнив, что мне возвращаться в этот пансион с жутким подвалом, я сделала выбор:

— Нет, ничего особенного не припомню, — я попыталась пожать плечами как можно беспечнее.

— Ну что ж. Продолжим наш вчерашний разговор? Вы подумали над моим вопросом?

Я поежилась. Совсем забыла о его словах на прошлом сеансе. Снова соврала:

— Да. Но я так и не поняла, почему вы задали этот вопрос.

— Но ведь он несложен. Какова ваша роль во всей этой истории? Вы считаете себя случайной жертвой?

— Да, — твердо ответила я. — Вы хотите, чтоб я чувствовала себя виноватой или ответственной за сделанное Эдди Вудоллом?

Доктор Тиммонс откинулся в кресло и долго молчал, чуть улыбаясь своим мыслям.

— Ни в коем случае, — наконец, ответил он. — Но из-за того, что вам внушили (и вы так думаете теперь) будто все произошедшее — случайность и стечение обстоятельств, вы живете в постоянном страхе, ожидая, что подобное повторится вновь. Я же хочу, чтоб вы взглянули на ту сторону вашей жизни под другим углом. Поняли, что в мире нет ничего случайного. Все это должно было произойти именно с вами, и в чем-то — по вашей вине... Спокойно, Кэтрин! — он умиротворяюще поднял ладони, увидев, как я взвилась в кресле. — Поверьте мне. Давайте вспомним еще раз. Расскажите, как все началось — не с того случая на заднем дворе закусочной, а с самого начала. Расскажите мне про Эдди, как вы познакомились и что подумали, когда увидели его впервые. Расскажите про то, что сами хотите рассказать.

О, Господи! Чего хочет от меня этот садюга? Слезливых историй из моего детства? Потрясения грязным семейным бельем? Я расскажу все, лишь бы поскорее свалить отсюда! Начнем все с самого начала? Да пожалуйста!

— Меня зовут Ребекка Фолкнер. Ребекка... Ненавижу это имя. Папа знал это и всегда говорил мне Бекки. Беккии! — позвала я, чуть растягивая гласные, подражая чарлстонскому

выговору отца. — Он умер, когда мне только исполнилось шесть. Этого мало для девочки, не так ли, док? Суть проблемы в том, что в моей жизни было слишком мало папы. Врачи в клинике говорили, что поэтому я доверяю мужчинам, ведь они уходят так внезапно... Бедная маленькая Бекки... С его легкой руки так меня звали школьные учителя, подружки и мисс Дельфина, продававшая сладкие булочки в кондитерской возле нашего дома. Но не мать. Мать всегда звала меня только Ребеккой и одергивала каждого, кто поступал иначе. Ты ведь не кухонная девчонка, Ребекка! Помни о своих корнях, юная леди!. Мне было восемь, и я не знала, как быть юной леди. Видимо, это означало голодать, но гордо отказываться, когда одноклассница делилась со мной школьным завтраком. Как-то я взяла этот несчастный сэндвич и по глупости рассказала потом матери. Она избивала меня. Да, мы бедны, но мы не попрошайки! Неси свой крест с достоинством, Ребекка!. Вот что означало быть юной леди — молча страдать, без надежды на чью-то помощь.

В самый жаркий зной я ходила в школу в черном шерстяном платье с длинными рукавами и глухим воротом. Мать заставляла надевать поверх накрахмаленный белый передник, а волосы стягивала в такой тугий узел, что начинало ломить виски. Именно так, по ее мнению, следовало выглядеть юной леди. Она не покупала мне рюкзака или сумки — и книги, перевязанные веревкой, я носила в руках. Рассказать, как потешались надо мной одноклассники? Или вы сыты такими историями, док? Не думаю, что вы услышите от меня что-то новое. Подростковая жестокость однообразна.

Кажется, мне было лет десять, когда в школе появился новенький. Эдди Вудолл. Я хорошо помню, как впервые он пришел к нам на биологию — домотканые штаны на подтяжках, хмурый взгляд из-под непокорного вихра и Библия среди учебников. Нас сразу окрестили женихом и невестой. Смешно. Он молча сносил все тычки и подколы, все грубые шутки, подзатыльники и разодранный портфель... Мне тоже доставалось, но не так, как ему — все же, я была девочкой. А он был Эдди. Вам так нравится слушать о нем, док? О том самом Эдди, которого журналисты называли Садовником? Об Эдди Вудолле, убившем шесть человек в подвале собственного дома. На моих глазах. Ведь я год сидела в том подвале, прикованная цепью к стене.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПРИЗРАК ПАНСИОНА

Жил-был один мальчик. Один очень несчастный мальчик по имени Эдди Вудолл. Он любил одну девочку, такую же несчастную, как и он. Ее звали Бэки Фолкнер. Но девочка его не любила. Так случается.

Когда Эдди смотрел на Бэки, ему казалось, что он видит свое зеркальное отражение: печальное, задумчивое и одинокое.

Когда Бэки смотрела на Эдди, она тоже словно видела себя со стороны: униженную, угрюмую, ненужную. Поэтому она старалась на Эдди не смотреть.

Но мальчик был рад наблюдать за девочкой, ему стало приятно осознавать, что в этом мире нашлось похожее на него существо, человек, который поймет его маленькую боль, поэтому он старался постоянно находиться рядом.

И девочка стала замечать, что всюду натывается на мальчика, куда бы ни пошла. Он тащился за ней по дороге из школы — молчаливо и на расстоянии. Он находил ее на всех переменах и держался около. А однажды так осмелел, что во время обеда сел за ее стол в школьном буфете. Столы там стояли длинными рядами, и мальчик сел как можно дальше, но все-таки — за тот же, что и она. Днем, по дороге домой, он пошел уже не позади девочки, а рядом. Шагал, пиная огромными начищенными ботинками камни на тротуаре, и украдкой поглядывал на поля шляпки, за которыми скрывалась девочка.

Эту большую, местами прохудившуюся, соломенную шляпу девочка ненавидела. Но мать заставляла надевать ее каждый день, говоря, что юным леди положено носить шляпы, иначе на кожу ляжет загар, а это — первый признак «швали». Девочка одно время украдкой, отойдя подальше от дома, стаскивала уродливый гриб с головы, и на щеках вскоре выступили веснушки. По ним-то мать и отхлестала девочку. А потом принялась что было сил тереть ее лицо жесткой мочалкой, пока не появились кровоподтеки. С того дня девочка не пыталась ловчить и носила шляпу беспрекословно. Но возненавидела еще больше.

— Хочешь, понесу твои книги? — спросил вдруг мальчик, кивнув на перетянутую бечевкой стопку, которую девочка прижимала к боку.

— Нет, — отрезала девочка.

Снова молчание, тягостное, как жаркий полдень.

— Красивая шляпка, — сказал, наконец, мальчик. Девочка остановилась и так гневно взглянула на него, что он остановился тоже.

— Дурак! — ответила она и пошла к дому, впервые торопясь изо всех сил. А мальчик понял, что влюбился.

— Об этом сразу же узнала вся наша школа, а потом и весь городок, — голос Кэтрин Калверт плыл по кабинету, создавая вокруг доктора Тиммонса туманные картинки ее прошлого. Он видел двух подростков, бредущих по тенистой аллее сквозь жаркий полдень — двух непонявших друг друга детей, обиженных всем миром и на весь мир. Он видел, как они шли через это непонимание напрямик к огромной трагедии.

Кэтрин продолжала рассказывать, и психиатр отвел взгляд от призрачных детских силуэтов, посмотрев на нее. Худенькая женщина со стертым с лица возрастом сидела, скинув туфли и поджав босые ноги. Тонкие нити светлых волос перечеркивали глаза, и невозможно было понять ее чувств. Она сама похожа на призрак, — подумал доктор, разглядывая ее острые локти и бледно-голубое платье, висящее на ней, как на вешалке.

— В школе нам проходу не давали. Не знаю, что именно делали с Эдди, но мне изрисовывали шкафчик пошлыми картинками, совали презервативы за шиворот, и без конца придумывали ужасные прозвища... Это было невыносимо. Я так думала. А потом слухи дошли и до матери.

Кэтрин порывисто вздохнула и отвела рукой челку, закрывая глаза. Доктор осторожно сказал:

— Вам трудно говорить о своей матери. Она была суровой женщиной. Вы когда-нибудь чувствовали ее любовь?

— Не знаю. Не помню. Кажется, нет. Это важно? Она была недовольна мной всегда — когда я болела, когда разбивала коленки, когда хватала плохие отметки, и когда хорошие — тоже. Я всегда ощущала себя ее сожалением, усталостью...

— Понимаю. Итак, она узнала, что вас с Эдди дразнят женихом и невестой. Что она сказала?

— Она увидела, как мы в очередной раз идем вместе из школы. Я — впереди, Эдди — на расстоянии. Она выбежала из дома и, прежде чем поволочь меня домой, отчитала Эдди, запретив и близко ко мне подходить. Уже за дверью я попыталась ей объяснить, что только рада от него отделаться, но она и слушать не стала. отхлестала меня по щекам, как всегда, и оставила без обеда. А вечером к нам пришла мама Эдди.

Девочка, наказанная за «поведение, неподобающее для юной леди», украдкой наблюдала из окна своей комнаты на чердаке, как на крыльцо их дома поднялась худая женщина, в строгом черном платье, застегнутом на все пуговицы, от чего острый ворот врезался в шею. Она окинула взглядом чахлый цветник, который, несмотря на упорные старания матери девочки, никак не желал разрастаться и цвести, брезгливо коснулась перил, проверяя их на наличие пыли, и принялась стучать дверным молоточком. Затем девочка услышала скрип половиц внизу — мать вышла из столовой, где заканчивала обед в назидательном одиночестве, и зашагала к двери. Через секунду девочка увидела из окна рыжеватую макушку матери, появившейся на крыльце.

Запертое окно не давало возможности слышать разговор. Но девочка разобрала некоторые фразы, сказанные незваной гостьей: «враги Господа нашего... грязные свиньи-католики... моего сына... мерзкая девчонка...». Мать девочки в долгу не осталась: обозвала миссис Вудолл «голытьбой» и захлопнула дверь перед носом.

— После этого Эдди больше не провожал меня домой. Ему, видимо, тоже крепко досталось. Я помню, как он смотрел на меня — грустно, исподлобья, украдкой. Но не близко подходил и не заговаривал. В старших классах у нас почти не было общих уроков, и я совсем забыла о нем. Даже не думала, что когда-то судьба сведет нас вновь. Наверное, судьба в этот момент злобно хихикала, — Кэтрин и сама горько усмехнулась. — А потом я сбежала из Мидлтауна, как я надеялась — навсегда. Но и эти планы не сбылись.

— Хорошо, — медленно сказал доктор, — спасибо за откровенность, Кэтрин. Наш сегодняшний сеанс помог ли вам взглянуть на Эдди с другой стороны? Увидеть в нем не только монстра, но и... несчастного ребенка? Я не зря называю его именно ребенком, Кэтрин. Вы знаете, что человек остается в том возрасте, в котором его недолюбили? Поэтому внутри каждого живет восьмилетний мальчик, впервые познавший суровость отцовской руки, или шестнадцатилетняя девушка, столкнувшаяся с безответной любовью. Также произошло и с Эдди. Эта неразделенная, по-детски бесхитростная любовь так и осталась с ним до конца жизни, Кэтрин. Любовь к вам. Ни жестокость матери, ни травля

сверстников, ни хрупкость психики — ничего из этого не являлось основополагающей причиной его зверств.

— То есть, вы хотите сказать, это я виновата в том, что он держал меня в подвале на цепи, попутно убивая людей? — голос Кэтрин звенел от возмущения. Она откинула челку, и взгляд ударил доктора Тиммонса, прямой и резкий, как стрела.

— Забудьте навсегда слова «вина», «правда», «боль» и тому подобное. У каждого — своя боль, и чем ее лезвие ближе к сердцу, тем она острее. То же самое можно сказать о вине и правде. Мы сейчас с вами не выступаем в роли вершителей судеб в попытках понять, кто прав, а кто виноват. Мы осознаем, почему это все произошло с вами, и почему не произойдет вновь. Теперь вы понимаете? Все это — не случайность. Вы — не нечаянная жертва, Кэтрин. Наоборот. Во всей этой истории, вы — главный катализатор событий. Я хочу, чтоб вы осмыслили наш разговор. А завтра мы, возможно, закончим.

ТЭЙЛОР

Мадам Белинда умерла в прошлом году... умерла в прошлом году. Умерла в прошлом году. Еще вина?

Эти слова шуршали гравием под шинами, слышались мне в тиканье наручных часов, заглушали мысли, которые бились в голове с такой силой, что ломило виски. Кто? Кто отправил мне письмо с наивной историей, на которую я повелась, как последняя идиотка? Зачем меня хотели сюда заманить? И главное — что мне теперь делать? Собрать манатки и убраться восвояси? Или же остаться и все выяснить?

Подъезжая к пансиону, я уже приняла решение.

Будь на моем месте прежняя журналистка-Тэйлор, которую вся редакция звала Катастрофой, она бы ворвалась сейчас, точно торнадо, в гостиницу и трясла бы Марджери за шиворот до тех пор, пока та синюющими губами не выложила бы всю правду. Или не всю. Но нынешняя Тэйлор-писательница, Тейлор-философ и созерцатель сделает более умный ход — прикинется дурочкой.

Проходя мимо респшпена к лестнице, я изо всех сил старалась принять непринужденный вид, напевая под нос и поправляя волосы. К счастью, старушки Мардж за стойкой не оказалось. Перестав насвистывать, я бросилась наверх, намереваясь поговорить с Шэннон на предмет того, что ей известно о нашей таинственной мадам.

Но на стук в дверь ее номера никто не откликнулся. Подергав ручку, я в растерянности стояла посреди коридора, недоумевая, где она может быть, если ее машина — у крыльца. И тут из комнаты напротив — пустующей комнаты! — раздалось странное бряцание, будто кто-то рассыпал гвозди.

Ну вот ты и попался, загадочный призрак, подбрасывающий платья в шкафы и толкающий людей в подвалы!

Осторожно покрутив ручку, я заглянула в номер. На полу, среди пыльной мебели, смахивающей на обломки кораблекрушения, сидела Шэннон и собирала в коробку ключи. Увидев меня, она словно бы обрадовалась.

— Я устроила обыск! И знаете что? Дом жутко запущен, никакая это не гостиница!

Молодец, девочка! Облегчила мне задачу. Я огляделась — да, номер явно не готов к приему гостей. Так вот почему Марджери отправила ту странную молодую женщину в черном, которая вчера пыталась сюда заселиться!

— Последние постояльцы здесь были лет сто назад! — продолжала Шэннон. — Только наши три комнаты похожи на номера. Вся эта комедия специально для нас разыгрывается,

понимаете?

Понимать это, если честно, радостно. Возможно, у меня есть союзники, и — слава Богу! — Кэтрин не была случайной жертвой, которую спихнули в подвал ради того, чтобы что-то продемонстрировать мне.

— Нас зачем-то собрали тут вместе. Только зачем — не понимаю!

Зачем тут я — почти догадываюсь. Ох и порадуетя Поганец-Ричард, мой редактор, который кипятком писал, после того, как я сказала, что уйду из журналистики на вольные писательские хлеба. «Книжки о маньяках? Не боишься, что один из них тебя как-нибудь прихлопнет?». О чем там спрашивает Шэннон?

— Вы знаете эту мадам Белинду?

— Нет никакой мадам Белинды! — бухнула я.

Она застыла, не донеся по назначению очередной ключ. Но тут раздался звук вибрирующего телефона. Пока она отвечала, я принялась собирать оставшиеся ключи, но разговор продлился недолго.

— Лекс... Лекс! — звала она кого-то в трубку, потом вскочила и бросилась вон. Я побежала следом, прихватив коробку.

— Стойте, Шэннон! Что случилось? Вы куда?

Мне удалось схватить ее за руку буквально на верхней ступени.

— В подвал!

— Что за срочность? Кто такая Лекс?

— Моя подруга, она в подвале. Да пустите меня! Мы приехали вместе, но Марджери, или кто-то еще, или они вместе похитили ее и делают вид, что я сошла с ума! Хотят, чтоб я решила, будто никакой подруги со мной не было! Но она была! Я точно знаю! И сейчас она позвонила и сказала, что ее держат в подвале!

Я оттащила девицу подальше от лестницы и прижала к стене.

Вот так новости. Это объясняет странное поведение девчужки, ее метания туда-сюда, и безумный взгляд, который я пару раз ловила. Исчезнувшая подруга? Нет, я отказываюсь понимать, что эти сумасшедшие пытаются мне сказать!

Шэннон продолжала рваться вниз. Выпусти я ее, и она бы своим упрямым лбом вынесла подвальную дверь! Эх, завидую энергии молодости!

— А ну-ка, спокойно! Я вам верю, Шэннон. Но мы не будем совершать опрометчивых поступков. Вы умница, что обыскали этаж. То, что вы выяснили, подтвердило мою теорию. Правда, я думала, что все это разыгрывается специально для меня, но видимо, нас всех троих сюда заманили. Все это — какой-то жуткий сценарий, понимаете? Возможно, звонок вашей подруги — тоже его часть. Я не знаю, чего они добиваются. Может, чтоб вы закатили истерику у респешена, требуя от Марджери выпустить подругу, или взломали дверь в подвал... А она, например, в ответ вызовет скорую и заявит, что вы с катушек слетели.

Шэннон глядела на меня круглыми глазами, но вроде бы, немного успокоилась.

— Да, она и пытается выставить меня сумасшедшей... Но зачем ей это?

— Мы все узнаем. Но не позволим им дергать нас, как марионеток за нитки.

— Но Лекси! Что, если она действительно там? Запертая в этом жутком черном подвале?

Я подумала секунду. Да, тянуть время было бы опасно.

— Мы заставим Марджери открыть подвал и показать там все. Чтоб она не выкинула что-нибудь у нас за спиной. Пошли!

Мы спустились вниз, и, прежде чем вызванивать Мардж, Шэннон аккуратно вернула коробку с ключами на место. Я стукнула по звонку.

Марджери появилась внезапно, возникнув, как привидение, в проеме одной из задних комнат. Вот бы и там обыск устроить!

— Мисс Розенфельд, не будете ли вы так добры, — начала я без долгих предисловий в надежде, что жердь не успеет собраться с мыслями и отразить напор, — показать нам подвал. Мы — все вместе — его осмотрим.

— Зачем это? — с вызовом отчеканила карга.

— Затем, что странные дела творятся в пансионе. Произошедшее с мисс Кэтрин нас очень расстроило и напугало. Сегодня утром я сказала ей, что надо бы заявить в полицию. На бедняжке ведь живого места не осталось — ну еще бы, ребрами ступени пересчитать! А уж про психологическую травму и говорить нечего! И за это должен кто-то ответить — да-да, дорогая мисс Розенфельд. Я слабо верю в вашу версию с лунатизмом, но даже если это и так, то, по крайней мере, хотелось бы убедиться, что дверь в подвал снова не откроется сама собой, и никто из нас больше туда не рухнет. Ну, не стойте столбом. Помочь вам найти ключ?

Марджери порывисто шагнула к стойке. Кажется, она сейчас мне врежет.

— Да как вы смеете, мисс Эмери! Я, по-вашему, держу там монстра на веревочке, который выходит ночью и утаскивает в свое логово несчастных постояльцев?

О, блестяще исполнено! И-и-и Оскара получает...!

— Не нужно изливать на мою бедную голову весь ваш праведный гнев, — поморщилась я. — Так или иначе, в вашем пансионе едва человек не погиб. Что это было: покушение, несчастный случай, нарушение норм безопасности — не ясно. Ну, раз вы отказываетесь дать мне — нам! — возможность разобраться, предоставим это дело полиции. Идемте, Шэннон, прокатимся до участка.

Отчаянно блефуя, я развернулась в сторону выхода, взяв Шэннон под руку.

— Стойте!

И Оскара получает Тэйлор Эмери, аплодисменты!

— Не думаю, что хозяйка будет рада узнать о вмешательстве полиции. Я попробую убедить вас, что подвал абсолютно безопасен. Мы не скрываем там никаких чудовищ.

— Если это так, то никакой полиции, разумеется, — заверила я.

Она кивнула и достала из кармана связку ключей. Мы отправились к двери под лестницей. Марджери, выбрав нужный ключ, отомкнула замок и благоразумно подперла дверь тяжелым стулом. Да уж, не хотелось бы, чтоб сквозняк или другая «случайность» закрыла нас всех в этом жутком месте. Спустившись на пару ступеней вниз, наша провожатая пошарила рукой по стене, в следующую секунду щелкнул выключатель и глубоко внизу замерцала одинокая лампочка.

Я обернулась, желая ободрить Шэннон. Девушка на меня не смотрела: бледная, встревоженная, со сверкающими от нетерпения глазами, она вглядывалась поверх моего плеча в едва разбавленную мерцанием лампочки мглу. Я взяла ее за руку и повела вниз, осторожно нащупывая ступени.

Достигнув подножья лестницы, мы очутились в сером низком помещении, довольно просторном, учитывая, что там и тут проглядывали высокие полки с разным хламом и предметы интерьера, накрытые простынями, из-за чего об их истинном назначении оставалось только догадываться.

Марджери стояла под лампой, в круге желтого света, и глядела на нас презрительно.

— Ну, обыскивайте! — она кивнула головой в сторону одной из полок: — Здесь у нас коробки с разными инструментами, хозяйство мистера Дэша. Вот это — сломанная сушилка, там дальше — прохудившаяся старая ванна. Желаете в нее заглянуть?

— Вы совершенно зря пытаетесь язвить, дорогая мисс Розенфельд!

— И в мыслях не было, дорогая мисс Эмери! Ну, не стойте столбом. Вы хотели осмотреть подвал — вперед!

Я, отпустив руку Шэннон, двинулась вглубь, стараясь не задеть рукавами белой блузки пыльные полки. Пройдя сквозь строй стеллажей, обнаружила проход, за которым — длинный коридор, заглянув в который, я уткнулась в кромешную тьму. Разумеется, подвал пансиона не может быть так мал.

— Тут не обойтись без света, — пробормотала я, роясь в карманах в поисках мобильного. Марджери, похоже, услышала мои сетования и, подойдя к одной из полок, откопала маленький электрический фонарик. Я одобрительно кивнула и включила подсветку телефона.

— Вперед! — бодро воззвала я, и мы пошли гуськом по коридору. Марджери — впереди, за ней Шэннон, я — замыкающей.

Оставлять Мардж без присмотра я не собиралась, главной целью всей эскапады было посмотреть на реакцию жерди. Не думаю, что мы найдем тут подругу, как бы этого не хотелось Шэннон — бедная девочка! Очень сомневаюсь, что похитители Лекси любезно предоставили ей возможность сделать звонок. Это все — очередной ход, приманка в мышеловке, на которую мы, надеюсь, не клюнули. Возможно, «они» рассчитывали, что Шэннон одна пойдет в подвал, и просчитались. По крайней мере, я в это верю.

— Шэннон! — обратилась я к девушке. — Будьте внимательны. Не дайте себе свалиться в какой-нибудь люк или стукнуться головой о балку.

Она оглянулась и кивнула, поняв намеки.

Освещая серые бетонные стены мобильником, я думала о том, какой шаг следует предпринять дальше. Схватить жердь за грудки и вывалить ей на голову тот факт, что мадам Белинды не существует, и я все знаю? Интересно, что она ответит? Еще есть Шэннон и ее история. Девочка не похожа на лгунью, я ей верю. Зачем «они» делают с ней это? Похищенная девушка — такой поворот не редкость в моих книгах. «Они» пытаются разыграть один из сюжетов? О, Боже Всемогущий, только не шайка сумасшедших фанатов, пытающихся воспроизвести зверства какого-нибудь маньяка и желающих, чтоб я написала о них книгу! Сегодня же пинком отправлю Шэннон в полицию — пусть заявляет о пропаже подруги, пока на нас не посыпались трупы! Так, а это что за проход?

Справа от нас в стене зияла прямоугольная дыра. Шэннон заглянула туда, вслед за лучом фонаря Марджери и вскрикнула. Я бросилась к ней. Испуг понятен — эта комната была уставлена огромными, в человеческий рост, куклами — некоторые сломаны, без рук или без голов. Голые или обмотаны каким-то тряпьем. Марджери хмыкнула:

— Всего лишь манекены. В послевоенное время, чтобы хоть как-то держаться на плаву, бабка мадам Белинды держала ателье.

Они пошли дальше, а я замерла, разглядывая это жуткое зрелище.

Огромные трубы, со свисающими обрывками изоляционных лент, тянулись по потолку. Безмолвные куклы, словно трупы, ради издевательства поставленные на ноги, глядели полустертыми глазами прямо на меня. Святые угодники, а это еще что?! Луч мобильного

высветил в углу манекен, одетый в черное платье, к левой стороне которого приколот белый цветок. Какая мерзкая картина! Вид ужасен — на кукле всклокоченный парик из белых волос, лицо размалевано яркими румянами и красной помадой. Я истерически хихикнула — напоминает нашу старушку Мардж.

Подходя ближе, я лихорадочно соображала — зачем он здесь? Я явно не должна была найти его... Еще шаг и еще... Странно — это мягко сказано. Манекен, наряженный в точно такое же платье, что я нашла накануне в своем шкафу. Свежий, живой цветок белой лилии.

Между мной и платьем оставалось меньше пары шагов, когда кукла с всклокоченными волосами расплылась в жуткой улыбке и медленно подняла руку, прижимая палец к губам.

Молчи, Тэйлор.

Но я заорала, что было мочи. Луч экрана заплясал по стенам и потолку, мобильник шлепнулся на пол с противным треском. А после я осталась один на один, в темноте, с кошмарной размалеванной — живой! — куклой...

ДЕВУШКА С ТАЙНОЙ ВСЕГДА ИНТЕРЕСНЕЙ

— У меня в ушах до сих пор стоит ее крик...

Я, отложив чеки, машинально потянулся к тоненькому запястью, подрагивающему на столике, но вовремя одумался. Что, черт возьми, за телячьи нежности? Чувак, возьми себя в руки! Она с тобой драматической историей делится!

Шэннон по другую сторону барной стойки растерянно провела ладонью по виску.

— Мы сразу же вернулись к ней. У нее телефон разбился и еще привиделось что-то... То ли кукла, то ли призрак. Так и не поняла толком. Она утверждает, что кукла была живой, представляешь? Что она улыбалась и шевелилась!

— Ты видела эту куклу?

Шэннон пожала плечами:

— Видела кучу: в этом подвале живет целая армия манекенов — возможно, ей показалось. Но там не было ничего, намекающего на присутствие Лекси. Ничего. Мисс Эмери заявила, что ей нужно побыть одной и все обдумать, заперлась в своей комнате с кофейником и горой печенья. А я... не могу оставаться одна в этом месте...

И ты примчалась сюда, как мило. День выдался препаршивый. Элли всю смену воротила нос, передергивая острыми плечами, стоило мне к ней обратиться. Задолбала, честное слово! Так и тянуло сказать какую-нибудь мерзость, типа: детка, тебе ли задаваться при таких маленьких сиськах? Не сказал уж, естественно. В общем, теперь я на нее злой, пошла она.

Смена заканчивалась, как Рон, этот прыщавый хлюпик, ткнул меня в бок:

— Эй, Дилан! Твоя истеричка сероглазая явилась. Она правда от тебя залетела, что ли? Ну ты и встрял, братан.

Я поднял голову от счетов — к стойке шла Шэннон, и живот у меня как-то так радостно ухнул, я аж улыбнулся. Элли от ярости покраснела, как помидор — это мне тоже понравилось.

Третий раз ее вижу — и все время у нее видок, как будто она только что уходила от преследователей и забежала в бар глотнуть водки с тоником, чтобы перевести дух. Брови нахмурены, волосы взлохмачены... Какие же милые кудряхи — так и тянет запустить руку и потрепать. Оттого, что цвет шоколадный, кажется, что они им же и пахнут. Вот бы понюхать.

— Привет, — бросила она небрежно, как будто всю жизнь только и делала, что

приходила ко мне на работу в конце смены. — Можно мне какого-нибудь сэндвича или картошки? Страшно голодная.

Я кивнул Рону, чтоб он метнулся, этот придурок оскалился и скрылся на кухне, кидая «понимающие», по его мнению, взгляды.

— Нашла свою подругу? — спросил я, прекрасно видя по ее нерадостному взгляду, что нет.

И она начала рассказывать какую-то путаную историю, называя кучу имен, возвращаясь к началу и прыгая с одного на другое. А смотрел на движения. У мамы моей была такая кошка, тоже шоколадно-коричневого окраса, очень мило она лапки вылизывала, мне нравилось наблюдать. Шэннон на нее похожа, когда вот так ладонями лицо трогает. Захотелось даже погладить. Дилан, опомнись, чувак!

Выпить пива, что ли. Хоть чем-то руки занять.

— Почему ты не пойдешь в полицию? Они проведут профессиональное расследование с обыском, допросом и прочей делюгой. Твоей подруги нет уже двое суток!

Мне показалось, что она слегка вздрогнула.

— Марджери намекнула, что сделает Лекси что-то плохое, если я вплету полицию.

Если она и врет, то очень убедительно. Я покрутил стакан по столешнице.

Она порывисто вздохнула и снова спряталась в ладони. Потом, словно вынырнув из своих переживаний, оглянулась:

— Ну, позовешь Элли? Не хочу разрушать ваши отношения.

Отношения? Ха-ха! Я глянул в сторону строптивой девчонки, которую мечтал вытащить на свидание вот уже неделю. Та яростно скидывала с подноса тарелки с пастой недоуменным посетителям.

— Не стоит, — усмехнулся я своей новоиспеченной знакомой. — Мы не в отношениях.

Отношения — скука смертная. Не собираюсь тратить все лето, бегая за Элли — ее вредность того не стоит. Молодость и так-то отстойно проходит — никаких приключений. Хоть бы байкеры подрались по пьяни, ей-богу! Так что выбирая между Элли с ее маленькими сиськами и Шэннон с ее запутанными историями про призраков, я остановлюсь на призраках.

— Как вы вообще оказались в Пайнвуде?

Она криво улыбнулась:

— Историю изучать приехали. Я пишу исследование по Гражданской войне, а Лекси — по повседневности второй половины XIX века. И вот, некий полковник Хэмптон соблаговолил открыть для нас собственный семейный архив...

— Старик Хэмптон? Наш граф Дракула? Да ты блин шутишь! — я рассмеялся, не сдержавшись. Момент был не очень подходящий для веселья, да. Но девушка, похоже, оживилась.

— Почему ты так о нем?

Я наклонился ближе, она интуитивно ответила таким же жестом. Вот так-то! Я тоже кое-что интересное знаю!

— Примерно с месяц назад он разогнал всех слуг, заперся в своем полурассыпавшемся особняке и почти перестал появляться на людях. А уборщица, которая приходит раз в неделю убирать дом, говорит, что он держит в комнате жуткого монстра! Эта комната заперта на ключ, и никому нельзя туда входить, кроме старухи Фитцпатрик. Прямо как в Синей Бороде!

Шэннон недоверчиво поморщилась:

— Я была там. В Коттонхилле нет ничего необычного... — тут она осеклась, словно сама себе не поверила.

— Что? — спросил я, пытаюсь заглянуть ей в глаза. Но девушка упорно их отводила. Отвернувшись к окну, она задумалась, но ненадолго:

— О, Боже! Это она!

Я тоже уставился в окно. К вечеру город оживал, поэтому непонятно, что именно называлось «О, Боже!»: редкие машины, праздно шатающиеся поденщики с ближайших ферм. Стадо подвыпивших байкеров у входа в закусочную, молодая женщина в длинном черном платье, выходящая из цветочного магазина, парочка влюбленных, собачники.... Только я собрался задать вопрос, как она заявила:

— Мне пора! — и вспорхнула из-за столика, точно птичка с ветки. Секунда — и звякнул колокольчик над входной дверью. Я проводил ее взглядом и тут же уперся в синие ледышки Элли, жаждущей выяснения отношений. Ну нафиг, срочно ретироваться!

Я едва успел плюхнуться на соседнее сиденье, как Шэннон завела мотор.

— Ты чего? — возмутилась она.

— А ты? — я не остался в долгу. — Нельзя вот так срываться с места! Что случилось?

Она тронула машину к северной части города.

— Эта женщина в черном, — наконец, ответила она, — преследовала меня все утро. Она странные вещи говорила. Проследим теперь мы за ней.

И мы поехали за темно-красным старым «фордом» в сторону кладбища.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ТЭЙЛОР УСТРАИВАЕТ ПИКНИК У БОЛОТА

Дилан Эванс никогда не мнил себя героем, и, надо признаться, у него были для этого все основания. Потому что если ты родился в захолустье типа Пайнвуда, где до ближайшего приличного города двести миль по лесу, в котором, наверное, до сих пор можно встретить трапперов, жующих опоссумов, то и геройство будет столь же локального характера. Если твой папаша — простой рабочий на лесопилке, мать — домохозяйка, и перспектив попасть в колледж никаких, то работа барменом в кафе под названием «Веселая кружка» может считаться пиком карьерных возможностей. Прекрасно это понимая, Дилан гордо подбивал счета, протирал пивные стаканы и украдкой продавал мимо кассы просроченные кексы, радуясь халявному доллару в кармане. Нет, само собой, мечты у него были. О блондинистой официанточке Элли, о покупке подержанного байка, на котором он будет рассекать в случае зомби-апокалипсиса с той же Элли за спиной. Но, помечтав, он смотрел на мир из-за барной стойки, понимая, что, скорее всего, все самое интересное в его жизни уже произошло.

А потом по другую сторону возникла Шэннон Галлахер. Со своими леденящими кровя недорассказанными секретами, пропавшей подругой, подвальным привидением и расширенными глазами.

Устроившись на пассажирском сиденье ее машины, следовавшей за странной женщиной в черном, Дилан ощутил приятный холодок внутри и понял: приключения нашли, наконец-то, его задницу. Он вспомнил, что подобное чувство возникало у него год назад, когда они с другом удирали по проселочным дорогам на угнанной тачке от толпы пьяных байкеров.

Год для молодости — это целая вечность. Подумав об этом, Дилан решил держаться к Шэннон поближе.

— Она едет на кладбище, — заявил он.

Шэннон, нервничая, что машин на дороге все меньше и меньше, и прятаться от «форда» уже не за кем, с надеждой спросила:

— Ты уверен?

— Уверен. Через сотню метров пойдет грунтовка, ведущая напрямиком к лесопилке. Не туда же она направляется с букетом цветов? Можешь притормозить, мы ее не потеряем.

Оставив машину на обочине, они вышли на дорогу. Дилан махнул рукой вперед:

— Вон кладбище. Видишь ограду? Ворота чуть дальше, отсюда не видно. Мы зайдем с северной стороны, там забор повален. Быстрее!

Шэннон доверила ему свою руку, и они бросились через дорогу, сквозь деревья. Забор и правда был шербат — в невысоком кирпичном ограждении там и сям зияли бреши, делая его похожим на расческу с выломанными зубьями. Через один из таких провалов Дилан помог перебраться своей новой знакомой.

Кладбище в Пайнвуде было единственным, а потому очень старым. Заброшенные могилы, за которыми давно некому было ухаживать, соседствовали со свежесеченными шикарными памятниками. Кустарники и деревья, посаженные чьими-то заботливыми руками лет сто назад, вымахали и разрослись.

Продираясь сквозь кусты дикой вишни и заросли кизила, Шэннон жалобно шепнула:

— Ненавижу кладбища! А это так вообще какой-то заповедник!

— А мне тут нравится, — ответил Дилан. — Тихо, спокойно, никаких пьяных

придурков и полиции. Я сюда иногда прихожу с приятелем выкурить... сигаретку.

— Лучше молчи, не хочу об этом знать! И мой гражданский долг предупредить тебя, что даже самые безобидные...

Высказаться Шэннон не успела, уткнувшись носом в джинсовую спину Дилана. Он тут же пригнулся и утянул девушку вниз. Осторожно выглянув из-за его плеча, Шэннон увидела объект их внимания — женщина как раз склонилась над надгробием, укладывая на черную плиту скромный букетик. Долго поправляла цветы, будто о чем-то задумавшись, провела ладонью по камню, постояла, чуть склонив голову, и направилась к воротам. Ее пребывание у неизвестной могилы заняло не больше десяти минут.

— Ты знаешь, кто там похоронен? — вопрос прозвучал прямо в ухо. Дилан вздрогнул и едва заметно покраснел.

— Нет. Сейчас посмотрим.

Как только женщина в черном скрылась из виду, новоявленные следопыты вынырнули из травы и пошли к могиле.

Легкий ветер, поднявшийся к закату, разметал мелкие цветы по надгробной плите. Над плитой стоял квадратный камень из серого мрамора.

— «Альберт Барлоу-Эдисон», — прочитала Шэннон. — Он умер в прошлом году...

— А, Берт Барлоу, — отозвался Дилан. — Да, он погиб в аварии, в Атланте, месяца через три после смерти своей матери, — указал он на черное надгробие позади серого камня. Проследив за его жестом, Шэннон взглянула на тисненую золотом надпись и не поверила своим глазам.

— Что?! Белинда Барлоу-Эдисон? — Шэннон не верила своим глазам. — Та самая мадам Белинда? Хозяйка пансиона?

Дилан кивнул.

— Она мертва... Но письмо?! И Марджери говорила... О, Господи!

Дилан в недоумении переводил взгляд с могилы на схватившуюся за голову Шэннон. Внезапно она вспомнила:

— Тэйлор сказала мне тогда, в номере.... Нет никакой мадам Белинды... А потом позвонила Лекси, и она не успела дорассказать. Вот черт!

— Ты мне объяснишь, что происходит? — не выдержал Дилан.

— Меня все время пытались убедить, что мадам Белинда жива! Марджери заявила, что она в отъезде и скоро вернется. В своем письме полковник Хэмптон писал о ней, как будто они ВСЕ ЕЩЕ друзья... Его экономка сказала, что письмо странное! Вот что ее удивило — что о мадам там написано КАК О ЖИВОЙ!

— Кому это нужно?

— Хороший вопрос. Господи, как же я хочу развязать язык Марджери!

— Это та страшная управляющая?

— Да. Ты ее знаешь? Она из местных?

— Никогда о ней не слышал. После смерти мадам пансион почти год стоял закрытым. Потом появилась ты со своей подругой, я только тогда узнал, что он снова работает. А мальчишка-разносчик из супермаркета сказал, что привозил туда продукты, мол, там всем командует какая-то незнакомая важная леди.

— Мы должны узнать, кому сейчас принадлежит пансион.

— Барлоу владеют им больше ста лет, пансион фактически самое старое здание в городе. После смерти мадам он, наверное, перешел к ее сыну, — Дилан кивнул на плиту под

букетом у их ног.

— Но он тоже умер. Кто унаследовал пансион? Может, эта женщина в черном — дочь мадам?

— Не было у нее дочерей. Только Берт.

— Жена? Возлюбленная? Почему-то же она положила букет на его могилу!

— Не знаю. Вообще его смутно помню. Я был в классе четвертом, когда он школу закончил и уехал в колледж в Атланту. Сюда вообще, по-моему, не приезжал. Месяца через три, как умерла мадам, он погиб. Автомобильная авария.

— Надо выяснить, кому принадлежит пансион, — повторила Шэннон. — Как это сделать? В управлении городским хозяйством должны быть записи. Или в архиве...

— Я попробую что-нибудь нарыть!

— Хорошо. Тут где-нибудь есть интернет? Может, найдем что-нибудь в сети. Заодно и Марджери пробили бы.

— В кафе есть вайфай. Поехали!

В пансион Шэннон вернулась поздним вечером. Совместные поиски ни к чему не привели. Сайт городской администрации не вывешивал реестров недвижимости. После долгих разборов перекрестных ссылок выяснилось, что нужно делать запрос, ответ на который займет неизвестно сколько времени. На официальном сайте мотеля «Уайт Лилис Гроус» владелицей значилась Белинда Барлоу, и последняя статья (о семейных скидках) была опубликована больше года назад. На поиск по имени Марджери Розенфилд не вышло ни одной ссылки. Но Дилан был полон энтузиазма и заявил, что выяснит все возможное. Они условились, что если он увидит вновь женщину в черном, то снова проследит за ней и даст знать Шэннон. Для этих целей они обменялись номерами.

«Да и вообще премило поужинали» — думала Шэннон, улыбаясь.

В последних лучах закатного солнца, едва пробивающихся сквозь горизонт, дом выглядел мрачно и величественно. Шэннон даже замерла, стоя у машины. Сейчас, в наступающей со всех сторон темноте, он показался ей по-настоящему искренним. Дневной свет смягчает страхи и сомнения, но темнота показывает любую суть обнаженной. Ночью нет места радужным иллюзиям и мечтам, когда ты остаешься один на один со своей жизнью, ошибками, прошлым, одиночеством — нужное подчеркнуть. Вот и сейчас, выйдя из машины, Шэннон поняла вдруг, что этот бармен, Дилан Эванс, разделил на короткий вечер тяжесть ее чемодана с проблемами, но перед лицом дома и ночи она остается одна. Пансион приоткрыл свое истинное лицо — он казался не пугающим, не таинственным, не [мрачным], а затаившимся. Готовым к схватке.

И тут она поняла, что внедорожника, принадлежащего Тэйлор, нет на стоянке.

«Она испугалась того, что произошло в подвале, и бросила меня!» — было первой мыслью. Шэннон словно выросла в землю. Ей тут же захотелось сесть обратно в машину, поехать в город, найти Дилана и уговорить его пожить в пансионе вместе с ней. Она больше не в состоянии справляться со всем этим одна.

«Ладно, сначала выясним, где мисс Эмери», — подумала она. Глубоко вдохнула, словно вместе с воздухом в легкие поступал не только кислород, но и силы, и пошла к дому. Хруст гравия разорвал тишину вокруг, и дом словно насторожился.

В холле горели настенные бра, что создавало приятное ощущение уюта и тепла. Марджери стояла на своем месте за стойкой, словно часовой.

— А, вот и вы, мисс Галлахэр! — воскликнула она вместо приветствия. — Ну слава Богу! А я уже начала переживать. Время к одиннадцати...

— Где Тэйлор? — Шэннон было не до лицемерных излияний.

— Мисс Эмери уехала не так давно. Не знаю, куда.

— Но она вернется? — голос девушки стал заметно тоньше и был готов прорваться в трагический шепот. Марджери удовлетворенно хмыкнула.

«Она как этот мерзкий клоун у Кинга, Пеннивайз, питается моим страхом!» — возмущенно подумала девушка и внутренне содрогнулась, представив Мардж с накладным носом, в рыжем парике и со связкой воздушных шариков. Этакое смеющееся зло. Картина получилась жуткой.

— Разумеется, вернется. Сказала, что скоро будет. Хотя нет, она ничего не сказала, но это подразумевалось.

В этот момент из гостиной, где по утрам пили кофе, вышла Кэтрин. Шэннон подумала, что сегодня она выглядит гораздо свежее, чем вчера. Может, ее сделка завершилась успехом?

— Добрый вечер, Шэннон, — улыбаясь, сказала она. Та в ответ кивнула, здороваясь. — Хотела вас поблагодарить за то, что просидели со мной всю ночь. Вашими заботами — вас и мисс Эмери — я чувствую себя очень хорошо.

— Как ваша сделка? — любопытствовала Шэннон. Может, Кэтрин скоро уедет отсюда. От такой мысли стало неудобно, точно в этом было что-то неправильное.

Мисс Калверт мгновение недоумевала.

— Моя сделка?... Она еще не до конца согласована. Думаю, завтра — послезавтра все разрешится.

Они вместе поднялись наверх, и сдержанно распрощались до утра:

— Доброй ночи, — сказала Шэннон.

— И вам. Надеюсь, мисс Эмери не задержится допоздна.

— С ней все будет в порядке, — ответила Шэннон и тут же захотела себя стукнуть: фраза прозвучала слишком поспешно и раздраженно. Но злилась девушка не на Кэтрин, а на собственное беспокойство.

— Конечно, с ней все будет в порядке! — бормотала она уже в номере, стаскивая покрывало с постели. — Черт побери, Бог не может допустить, чтоб еще и она испарилась!

Подумав, что упоминание Бога и черта в одном предложении не лучшая молитва, Шэннон забралась под одеяло, не снимая футболки и джинсов. Неизвестно, что может случиться в этом настороженном доме. Вдруг придется вскакивать и мчаться куда-то, сломя голову.

— Шэннон, проснись!

Девушка открыла глаза, пытаясь закрыться рукой от света ночника. В луче фонаря, бьющем прямо в лицо, она разглядела Тэйлор. Сон тут же улетучился.

— Мисс Эмери? Где вы были? Что случилось?

— Вставайте, нам нужно идти. О, вы уже одеты? Как предусмотрительно! Кэтрин, дорогуша, не подержите бутылку?

Послышалось звяканье стекла, голос Кэтрин что-то пробормотал в ответ. Шэннон выбралась из кровати, мечтая ополоснуть лицо прохладной водой. Но в планы мисс Эмери не входило даже малейшее промедление.

— Идем вниз как можно тише! — скомандовала она и выключила фонарь, подойдя к двери. В коридоре наощупь они направились к лестнице. Тэйлор, возглавлявшая маленький

отряд, каждый шаг оглядывалась и жестом призывала к бесшумности. Шэннон распирало любопытство и, спускаясь, она уже открыла рот, чтобы прошептать Кэтрин, которая шла второй, сакраментальное: «Что происходит?». Но мисс Эмери в этот момент в очередной раз обернулась и прижала палец к губам. Они ступили в холл, увязший в темноте. Прощмыгнув мимо ресепшена, точно мышки, они повернули в гостиную. Эта ночная эскапада напомнила Шэннон, как они в детстве с девчонками в летнем лагере сбегали на ночной пикник. И похоже, не ей одной было странно — жутковато, но весело — потому что Кэтрин выдала нервный смешок, наткнувшись на столик.

На веранде ждала уличная прохлада и звуки леса. В глубине чащи угукали совы, тиканье цикад слышалось со всех сторон. Спустившись в сад и пройдя сквозь густой аромат маттиолы, мисс Эмери, Кэтрин и Шэннон вступили в лес. Когда Тэйлор и здесь не остановилась, Шэннон, наконец, решила подать голос:

— Мисс Эмери! Погодите хоть минутку! Куда мы идем?

Та повернулась, не сбавляя шага:

— Подальше от пансиона! Не волнуйтесь, мы скоро вернемся. Просто хочу быть уверенной, что нас никто не будет видеть и слышать, когда я расскажу вам кое-что. Вперед!

— А мы точно не заблудимся? — пробормотала Кэтрин.

— Мы идем по тропе, я ее сегодня специально изучила! Еще чуть-чуть — и болото!

— Болото?! — в один голос повторили остальные и тут же встали, как вкопанные, боясь сделать следующий шаг в топь. Тэйлор пришлось вернуться и потащить их обеих за руки.

Вскоре они свернули с тропы за густой куст терновника, и мисс Эмери снова дала знак молчать и прислушалась. Лесу было все равно. Он продолжал жить своей ночной жизнью: тихо шелестеть ветвями, ронять сосновые иголки, гудеть совиным голосом и ловить макушкой черные облака.

— Кажется, все тихо, — резюмировала Тэйлор и принялась продирается сквозь заросли, треща ветками, точно медведь в малиннике. «Надеюсь, тут не водятся медведей!» — подумала Шэннон, ломаясь следом. Тем временем их предводительница, выбравшись из кустов, уселась на поваленное дерево.

— Ну что, девушки, отметим ночную вылазку? Откупоривайте виски, дорогая! Он, конечно, дешевый, но другого нет. Я украла бутылку на кухне у нашей милой Мардж. У нее там их целый батальон, навряд ли заметит. А, впрочем, какая разница? Она ведь водит нас за нос, да, мисс Галлахер? Почему бы и нам не ответить хоть такой-то малостью?

Резкий запах алкоголя смешался с прелью и тяжелым ароматом ночных цветов.

Из карманов куртки мисс Эмери вытащила две чайные чашки, прихваченные, видимо, по дороге через гостиную.

— Я не пью, — сказала Шэннон. Тэйлор ответила с усмешкой:

— Как знаете. Но не будьте так уверены. Сегодня ночью без виски никак.

— Может, наконец, расскажете?

Тэйлор наполнила чашку и отдала Кэтрин. Сама сделала глоток прямо из горлышка.

— Два дня назад каждая из нас по той или иной причине оказалась в этом пансионе. Я приехала за материалом для книги. Шэннон — вести исследование. Вы, Кэтрин — заключать сделку. Казалось бы, ничего особенного или странного. Но с каждой тут же начали происходить невероятные, ужасные вещи: Шэннон потеряла подругу. Кэтрин столкнули в подвал. Меня пытаются напугать, — она снова глотнула из бутылки и поморщилась. Вытерев рот ладонью, продолжила:

— Мы с Шэннон — не сговариваясь, и движимые каждая своей целью — выяснили, что в нашем приезде не было ничего случайного. Пытаясь узнать хоть что-то про хозяйку пансиона, я откопала любопытную вещь: наша дорогая мадам Белинда, которая, по словам Марджери, в отъезде, уже год как мертва. Шэннон, в надежде найти свою подругу, обыскала дом и поняла, что это никакой не пансион! Тут нет и не будет постояльцев, кроме нас! Я сама лично слышала, как Марджери отказала клиентке в номере, заявив мол, свободных номеров нет. Зачем? — она окинула взглядом слушающих ее женщин, но ответа у тех не было. Пришлось отвечать самой:

— Да затем, что кому-то нужно держать нас тут вместе. Но что нас троих может связывать? Студентку из Атланты, бизнес-леди из Трэнтона, и меня — писательницу? Мы никогда раньше не встречались. Но, когда я увидела вас, Кэтрин, в первый день, в гостиной за завтраком, ваше лицо показалось мне знакомым. Теперь я вспомнила, что видела его в газете. Нечеткая, отвратительного качества фотография, переснятая из школьного альбома. Лицо, которое полиция, правозащитники и психотерапевты тщательно скрывали от журналистов и всех любопытствующих. Та фотография, добытая каким-то везунчиком, крапающим статьи криминальной хроники, облетела всю страну. Я вырезала ее и повесила над столом. Вы были мне очень близки, ведь я писала о вас книгу. О вас и вашем мучителе. Который наряжал своих жертв в черные платья с приколотой живой лилией. Пейте, Шэннон! Я расскажу вам одну историю.

— Не надо! — сдавленным голосом сказала Кэтрин. — Не надо... Я сама ее расскажу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. РЕБЕККА

Здравствуйтесь, меня зовут Ребекка Фолкнер, и лучшее, что я умею делать в жизни — так это разочаровывать собой себя и всех окружающих.

В момент появления на свет я разочаровала врачей, родившись девочкой. В момент, когда взяла карандаш в левую руку вместо правой и криво написала первую букву — учительницу младших классов. В тот день, когда фальшиво сыграла гамму — мисс Делатур, наставницу по фортепиано. Я разочаровывала матерей своих одноклассниц, когда, приходя на день рождения их дочек, дралась с Розы Блекуотер, потому что та дразнила меня пугалом. Мадам Соколову — на занятиях по балету своими неуклюжими па. Молочника — неулыбчивостью, соседку по парте — кислым яблоком, парней в старших классах — отказами в свидании.

Только теперь я понимаю, что единственный человек, которого я действительно разочаровывала — это моя мать. Она убедила всех врачей и сестер в больнице, что у нее родится мальчик и только мальчик. Она заявила учительнице, что ее дочь — будущий гений, и уже умеет писать. Она привела меня на уроки по фортепиано и балету — ведь именно этим может заниматься настоящая леди, не уронив достоинства. Она неустанно твердила всем вокруг, какая я вежливая и манерная, воспитанная и эрудированная.

Проблема в том, что я такой не была. И всякий раз, убеждаясь в моих неудачах, мать говорила: «Ты разочаровала меня, Ребекка. Как же я от этого устала».

Однажды меня, в виде наказания за очередные синяки противной Розы Блекуотер, заставили участвовать в конкурсе стихов. И дали самое длинное в мире стихотворение — «Если...» Киплинга. На удивление, я выучила его очень быстро. И на конкурсе заняла второе место. Мне понравилось стоять на сцене, немного возвышаясь над всеми, понравилось видеть глаза зрителей, в которых читалось нетерпение. В тот момент я впервые оправдала чьи-то ожидания. Но мать сказала лишь три слова, взглянув на мою грамоту: «Почему не первое?».

Когда я заикнулась, что хотела бы ходить в школьный театральный кружок дважды в неделю после уроков, мать схватила одной рукой за голову, а другой — за сердце:

— Что? Театральный кружок? Хочешь лицедействовать на подмостках? Лучше это время уделить занятиям музыке.

Окончив старшую школу, я сбежала из городка — подальше от оценивающего ока добрых соседей, насмешек одноклассников и матери, которая от меня устала. Я залезла в ее тайник, забрала всю наличность и уехала — перерезав страну поперек, в Лос-Анджелес, разумеется — город, где сбываются все мечты. Все, кроме моей.

Это были самые безумные четыре года в моей жизни. Время вокзальных ночевок, бегства от отчаяния, голодных дней и бесконечных унижений. Каких только отказов я не слышала от агентов! Слишком смазливая. Слишком некрасивая. Слишком взрослая. Слишком молодая. Слишком худая. Мне удалось получить пару ролей — в рекламе сигарет, зрительницы, задающей один вопрос в дневном ток-шоу на канале «Lifetime». Но в остальном — только шаталась по прослушиваниям, по агентствам и киностудиям, да торчала в аптеке Буллока — месте, где изо дня в день собирались такие же неудачники, как и я.

Сейчас я горько смеюсь, вспоминая это время, и думаю, что это самые счастливые четыре года в моей жизни. Сидя там, в аптеке Буллока, и держа в руке бумажный стаканчик

с порошковым чаем из автомата, я была в своей шкуре и в своей тарелке. Вокруг были люди, которые принимали меня, как равную, такую же, как и они сами. Мы жаловались на подлых агентов, делились сплетнями из Голливуда, советовались, как лучше пройти пробы.

Но долго это длиться не могло. Деньги закончились, не хватало ни на чай из автомата, ни на комнату над аптекой, ни на что.

В тот день, когда я вернулась, стояла страшная жара. Я помню, как вошла во двор родного дома, как калитка сухо стукнула мне вслед. Мать копалась в своем цветнике, спрятавшись от солнца под огромной соломенной шляпой. Знаете, как она меня встретила? Молчанием. Она подняла голову на звук шуршащего гравия. Посмотрела на меня тяжелым взглядом, а я увидела, как она постарела. Впервые я ощутила чувство вины, мне захотелось подойти близко и обнять ее, попросить прощения, объяснить, почему я это сделала, сбежала, бросила. Но, посмотрев на меня, как на крест, который ей вновь придется тащить на плечах, она снова присела у клумбы. А я ушла прочь.

Я снова уехала, но на этот раз не в Лос-Анджелес, а в соседний городок, и не с мечтой стать актрисой, а с полупустым чемоданом и без единого цента в кармане. Меня приютила старая приятельница отца — миссис Дельфина. Чуть полноватая, веселая женщина с вечно всклокоченными белыми волосами, с которыми не могли справиться ни бигуди, ни щипцы для завивки. Она всегда была добра ко мне, с самого детства. Теперь она держала кафе на окраине городка, как раз на шоссе, что вело в Миддлтаун — мой родной город. Я пошла туда официанткой, радуясь возможности зарабатывать и не жить при этом с матерью. Нет, я навещала ее, разумеется, раз в неделю, в один из своих выходных. Всякий раз она успевала упрекнуть меня в ее разрушенных мечтах и преждевременной старости. Так прошло еще года четыре.

Однажды, ранней осенью, как раз перед вечерним наплывом посетителей, кто-то окликнул меня, назвав так, как никто меня не называл очень давно:

— Бэки?

Подумав, что мне послышалось, или что это не мне, я продолжила натирать стаканы, не поднимая головы. Но мужской голос повторил громче:

— Бэки!

Оторвавшись от работы, я взглянула на говорившего — по другую сторону бара, облокотившись о столешницу, стоял полный мужчина с бледным, одутловатым лицом, как будто недавно переживший тяжелую болезнь типа почечной недостаточности. В больших и красных руках он мял нелепое кепи из серого флиса, белесые волосы напоминали разворошенный сноп сена, выгоревшего на солнцепеке. Я всматривалась в его лицо, фигуру и не могла понять, отчего этот человек кажется мне знакомым. Наконец по прозрачным голубым глазам я узнала его.

— Эдди-вонючка? — и тут же осеклась. — Ой, извини. Эдди Вудолл. Как поживаешь?

Его не смутило помянутое мной обзывательство, приклеенное к нему в школе. Он расплылся в широкой улыбке, довольный, как ребенок, которому дали конфету среди буднего дня.

— Да-а, — протянул он, продолжая улыбаться. — Ты здесь!

Я кивнула, вспоминая его несчастную влюбленность, и как я ненавидела его все младшие классы за то, что отравлял мне жизнь своей дурацкой привязанностью. «Это все в прошлом, — подумала я. — Мы повзрослели. Столько времени утекло».

— Да, я теперь здесь, — я вежливо ответила на его улыбку и снова принялась за работу.

Он не уходил и ничего не заказывал, продолжая растягивать губы и мять кепку.

— Как... как ты поживаешь? — чуть заикаясь, спросил он, наконец. Я ответила, что хорошо, и задала тот же вопрос. Мне было неловко, что он не уходит, и неловко от молчания между нами.

— Я тоже хорошо. Купил ферму на северной окраине у Теплового ручья.

— О, отличная, должно быть, ферма.

Он счастливо глядел на меня и кивал. А меня вдруг передернуло от мысли, что Эдди — единственный в этом захолустье, кто жаждал моего возвращения. От этой мысли сделалось так зябко, что мне тут же захотелось выставить его вон и запретить подходить ко мне и близко, напомнив, что нам не разрешают видеться. Я перестала улыбаться и, холодно кивнув, сказала:

— Рада была поболтать, Эдди.

В подсобке я долго стояла, прислонившись к стене, и утирала слезы. Я не понимала, почему меня так встревожила мысль о том, что Эдди Вудолл ждал моего возвращения.

Когда я вернулась в зал, Эдди там уже не было. Зато миссис Дельфина засыпала меня вопросами, мол, что от меня хотел этот псих?

— Почему вы так о нем? — удивилась я, возобновляя перетирание посуды.

— А как еще? — невозмутимо ответила она. — Псих и он, и его мамаша. Заставила парня жениться на приличной, по ее мнению, девице, так та и года не продержалась, сбежала куда-то на север, и даже восточки не шлет. Уже лет восемь! Аманда Вудолл — помнишь эту рьяную католичку? — все пытается ее вернуть, говорит, церковь не одобряет разводов, первый брак — он же и единственный перед Господом! Можно подумать, Богу или Папе есть дело до развода Эдди Вудолла! А Аманда и так попадет в ад за свою заносчивость! Как будто она, в отличие от всех, гадит цветочками! Попомни мои слова — мы ее в раю не встретим!

Я рассмеялась над грубоватыми шутками моей хозяйки, но на душе все равно было паршиво. Его торжествующее «Ты здесь!» звучало как «Я нашел тебя!». Так оно и было.

На следующий день он снова появился в кафе, уселся за барную стойку и радостно заказал пива. Я с тоской подумала, что он вознамерился сидеть возле меня всю смену, и придется теперь с ним разговаривать. Решив, что лучше прослыть стервой, чем жертвовать собственным комфортом, я сухо кивнула, подала ему пива и занялась привычной работой, не обращая на него ни малейшего внимания.

Как я и предполагала, он досидел до конца смены, выпив пару стаканов самого крепкого пива. После, улучив момент, когда я, протирая стойку, приблизилась к нему, схватил меня за руку и сказал:

— Бэкки. Ты любишь... поесть?

Я рассмеялась, выдернув руку:

— А что, так заметно?

Он не понял шутки и заметно занервничал, постукивая опустошенной кружкой по столешнице.

— Я... просто хотел предложить поесть... То есть, если ты хочешь, конечно. Гхм! В общем, не хочешь ли ты как-нибудь пообедать вместе со мной?

Он зачем-то пригубил кружку, но, поняв, что ничего из нее не выпьешь, смутился еще больше. А я не могла стянуть с лица насмешливую улыбку. Его попытки пригласить меня на свидание напомнили о школьных днях, о том, как мы выросли, и что теперь плевать, что

скажут люди: одноклассники, учителя или даже наши матери. Он землевладелец, разведен, рубашка, вон, шелковая. Но я все равно видела в нем только Вонючку-Эдди, неудачника, отбрасывающего на меня тень своего невезения. Мне хотелось только одного — срочно избавиться от его внимания.

— Эдди... — начала я, пытаюсь придумать причину настолько весомую, чтоб ее надолго хватило. — Ты хороший парень, но... лучше нам не встречаться.

— Почему? — он резко подался вперед, будто от безысходности, отчаяния желая схватить меня и удержать рядом. Кружка отъехала и врезалась в тарелку с арахисом, громко звякнув. К нам повернулась добрая половина посетителей. Нужно было срочно это прекращать.

— Твоя мать против. Ты же помнишь?

Эдди изменился в лице — недоумение на его лице сменилось каким-то оупением. Словно он вживую увидел перед собой Аманду в ее строгом черном платье, с плотно сжатыми губами — вечно холодную и осуждающую, возмнившую себя глазом Бога на грешной земле.

— Моя мать? — чуть слышно повторил он. А я поняла, что ударила в нужное место — то есть, в самое гнилое.

— Ну да. Мисс Аманда. Она запрещала нам общаться.

— Мы взрослые, — наконец, очнулся он. — Я больше не боюсь матери.

Я едва сдержала улыбку, отвечать следовало на полном серьезе:

— Ну а я боюсь. Она такая строгая. Не хочу, чтоб поливала меня грязью на каждом углу за одно несчастное свидание с тобой.

Он хотел что-то возразить, но я не стала слушать. Сославшись на работу, я ушла из-за бара в зал и принялась убирать со столов. Когда я в следующий раз посмотрела на тот край стойки, где сидел Эдди, я увидела, что там никого нет.

Задняя дверь вела из подсобки к мусорным бакам, бочкам для дождевой воды, которой мисс Дельфина поливала клумбы, и облезлой деревянной скамье, на которой мне было позволено устраивать перекуры. Солнце клонилось к закату.

Я присела и достала сигарету из кармана фартука. Вот-вот закончится рабочий день, я закрою кафе, пойду домой, где мисс Дельфина уже приготовила, наверное, жаркое, как обычно по воскресеньям. Я буквально почувствовала его запах и даже прикрыла глаза, забыв закурить. Потом мы будем пить кофе на крыльце, и она расскажет мне сплетни, которых набралась за день, а я расскажу, что произошло в кафе. Вместе посмеемся над детской любовью Эдди Вудолла. На запах кофе придет соседка — миссис Доннован, и они с Дельфиной примутся играть в вист, а я поднимусь в свою комнату, где из окна, прикрывшись книгой, буду наблюдать за домом соседа — он сюда недавно переехал. Майк, кажется. Я сразу на него глаз положила, да и он ко мне равнодушен — вот-вот позовет на свидание!

Но ничего из этого не случилось. Ни в тот день, ни во все последующие. Больше никогда в жизни я не увидела ни Майка, ни миссис Доннован, ни Дельфину. Все кончилось, когда мой рот и нос зажали влажной тряпкой, пропитанной мерзкой, резко-пахнущей дрянью, от которой меня тут же повело. Последнее, что я почувствовала — как на голову надели холщевый мешок, скрывший от меня солнце на долгие-долгие месяцы...

— Эдди! Ну-ка сейчас же иди сюда ты, придурок!

Я что было силы заколотила тяжелой ржавой цепью — такой заматывают створки амбарных ворот, а концы скрепляют здоровенным замком. В моем случае одна скоба обхватывала запястье, другая — чугунную спинку кровати. Кровать — старинная, широкая, покрытая застиранной простыней, — стояла посреди пустой и пыльной комнаты. По диагонали от меня, за грязной шторой, скрывалось окно, но дотянуться и выглянуть я не могла, как бы ни старалась — цепь не пускала.

Вот уже несколько часов — два? пять? — я сидела в этой комнате, пытаюсь докричаться до психа, который приволок меня сюда с заднего двора закуской. Я не помню, как здесь оказалось. Когда очнулась — то уже лежала лицом вниз на этой вонючей кровати, прикованная цепью к спинке у изголовья. С трудом подняв затекшую шею, я увидела Эдди — он стоял рядом и смотрел на меня тусклыми глазами, похожими на грязный лед над рекой, каким он становится ближе к весне.

Виски нещадно ломило, я попыталась встать, и руку, охваченную железной скобой, резко вывернуло, от чего я рухнула обратно на покрывало.

— Эдди, что я здесь делаю? Что ты натворил? — пробормотала я заплетаящимся языком.

— Мы вместе, Бэки. И моя мать об этом не узнает, не бойся, — ответил он бесцветным голосом.

— С ума сошел? Немедленно отцепи меня! Ты представляешь, что тебе за это будет? Это же преступление — похищение человека!

— Не бойся, — повторил он тем же голосом, словно внутри него включилась магнитофонная запись. — Никто не узнает.

И ушел. Я услышала, как повернулся ключ в замочной скважине, и по ту сторону заскрипели половицы.

Сначала я угрожала. Когда вечером он принес тарелку с едой на жестяном подносе, я выбила ее ногой из его рук и заорала, что засажу его до конца дней, что он совсем сбрендил и вообще, конченный психопат.

Наутро я убеждала, что все поняла и уверена — нам суждено быть вместе, и никто, даже его мать, не сможет нас разлучить. Да-да, мы будем парой, как он и мечтал всю жизнь, пусть только отпустит меня, и я подарю ему столько свиданий, сколько его душе будет угодно!

К вечеру я умоляла. Я плакала, что рука затекла, мне больно и страшно, и если он не отпустит меня, я умру. Да-да, я умру, а чтоб это случилось поскорее, я объявляю голодовку. В подтверждение я снова опрокинула поднос. Разве он хочет, чтоб я умерла?

Следующий день я молчала, изображая умирающую. К вечеру взяла тарелку с едой и сказала: «Спасибо». Жуя вареные овощи и не чувствуя вкуса, я попыталась достучаться до его разума.

— Эдди, ну я не хочу быть с тобой, понимаешь? Ты очень хороший, и мне жаль, если я тебя когда-то обижала. Я вижу, какой ты ранимый. Но приковав меня к этой чертовой кровати, ты ничего не сможешь изменить, понимаешь? Я не люблю тебя, Эдди! Слышишь меня, гребаный ты псих?! Я тебя ненавижу, ублюдок!

В него полетела тарелка. Лениво отклонившись, он ответил:

— Мы вместе, Бэки. Ты скоро привыкнешь. Не бойся, никто не узнает.

Что я чувствовала, лежа в темноте посреди этой пустой комнаты? Я не помню. Наверное, страх. А еще злость. Но в большей мере — я не чувствовала реальности. Мне казалось, что все это происходит не со мной. Что сейчас я проснусь в своей комнате, в доме

Дельфины и пойму, что все произошедшее — просто дурной сон.

«Он одумается, — убеждала я себя. — Это какое-то временное помешательство. Может, полнолуние? Вроде, психопаты — или шизофреники? — реагируют на луну. Он очнется и отпустит меня. Это же Вонючка-Эдди, совершенно безобидный и тихий парень, мы учились с ним в младших классах. Я даже заявлять не буду. Мы вместе посмеемся над этой глупой ситуацией и все».

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Потом врачи в клинике объяснили мне, что такое «стокгольмский синдром».

На третий день по коридору слышались шаги — резкие, уверенные, быстрые — другие. Не Эдди. Я подскочила на своем тюремном ложе: наконец-то! Ну естественно, меня ищут: Дельфина не могла не забить тревогу, да и к маме я должна была приехать еще вчера. Меня ищут, и — слава Богу! — нашли!

Дверь открылась.

На пороге стояла фигура в черном платье, на правой стороне которого сияло белое пятно — эмалированная брошь в виде цветка. Некогда статная фигура теперь слегка оплыла, пояс платья врезался в тело, перетягивая его, как кусок копченой ветчины. Я сразу же узнала и фигуру, и платье и жесткие выбеленные пряди, никак не желающие держаться в тугом пучке на затылке.

— О, слава Богу, мисс Аманда! — закричала я, сползая с кровати и подбежав к ней настолько близко, насколько позволила цепь. — Только посмотрите, что ваш сын со мной сделал! Только посмотрите! Он с катушек слетел! Я хочу домой, немедленно, прямо сейчас!

Она молча разглядывала меня, не сделав и шага — по-прежнему оставаясь в дверном проеме. Переведя взгляд с цепи на кровать, потом на отхожее ведро под ней, потом снова на меня, и, напоследок, на окно, она на секунду закрыла глаза.

— Ну что же вы стоите? Вы освободите меня? Прошу вас, я никому не скажу, обещаю! Мисс Аманда! Моя мама там с ума сходит... Прошу вас...

Она выглядела раздосадованной. Как будто увидела, что в ее цветник залез опоссум и роет там норы. Паразит, доставляющий неудобства.

— Мама! — голос Эдди, прозвучавший откуда-то из-за спины миссис Вудолл, казался ужасно испуганным. Аманда, бросив на меня полный злобы взгляд, резко развернулась и закрыла дверь. Минуту спустя в замочной скважине повернулся ключ.

Эдди пришел к вечеру. Я сразу заметила, что он был куда бледнее обычного, а движения его стали суетливыми и нервными. Он пнул грязную тарелку, попавшую ему под ноги, измерил комнату мелкими шагами, и, наконец, остановился передо мной.

— Мама узнала, — голос его дрожал. — Она разозлилась.

Я ответила спокойно и тихо, взвешивая каждое слово:

— Ну что поделать, Эдди. Раз она против, мы не можем больше...

— Нет! — вскрикнул он так отчаянно, словно его лишают жизни. — Нет! Нет!

Трясущейся рукой он вытащил из кармана темно-зеленую бутылку и открутил крышку. Послышался уже знакомый мне резковатый запах. Тот самый, который вырубил меня на заднем дворе закусочной.

— Что ты задумал? — я попыталась увернуться, когда он пошел на меня, на ходу опрокидывая горлышко в носовой платок, сложенный в несколько слоев.

— Я спрячу тебя. Не бойся, она тебя больше не найдет. Никто не найдет. Никто не узнает.

— Открой глаза, милая. Вот так.

Я вновь почувствовала тупую боль в висках. Вроде, глаза открылись, но все еще ничего не видят. Кто-то легонько хлопал мне по щеке.

— Мама? — спросила я почему-то.

— К сожалению, нет, милая.

Когда боль немного отступила, я поняла, что лежу в помещении, погруженном в темноту, чернее которой никогда не видела. Спустя пару секунд, я разглядела очертания крутой лестницы и низкий потолок. Запах подвала и прели — все ясно, подвал. Голос, говоривший со мной, принадлежал полноватой женщине с пышной, но растрепавшейся прической. Когда глаза окончательно привыкли к темноте, я узнала ее.

— Миссис Маккензи? Что вы здесь делаете?

Я попыталась устроиться поудобнее, и на руке звякнула цепь, длинной змеей уходящая куда-то в черный мрак.

— Он приволок меня сюда, — ответила несчастная владелица цветочного магазина. — Зашел в лавку и ткнул носом в какой-то вонючий платок. Дальше не помню. Очнулась уже здесь, рядом с тобой. Ребекка, милая, он что, чокнутый?

— Почему меня не хватились? — мне было не до обсуждений проблем Эдди. Все это переставало казаться сном. Надежды, что он одумается и отпустит меня, тоже становилось все меньше.

— Все решили, что ты снова сбежала. В Лос-Анджелес или Нью-Йорк, — ответил миссис Маккензи. — Ты не пришла с работы, Дельфина поехала в кафе. Оно оказалось закрытым, а на стойке записка, мол, не ищите меня.

Я застонала в отчаянии. Сумасшедший Эдди? А по-моему, он очень даже умен.

— Вы не прикованы? — я начала лихорадочно соображать. — Осмотрели подвал? Ну так осмотрите! Вдруг есть какое-то окно или еще одна дверь. А та, к которой ведет лестница — может, ее получится выбить?

— Нет, я уже пыталась — это все равно, что стучать кулаками в кирпичную стену! — голос миссис Маккензи затрепетал.

— Ребекка, что он с нами сделает?

Ответить я не успела. Загрохотали засовы и замки, секунду спустя дверь, в которую упиралась вершина лестницы, открылась. Щелчок — и над проемом загорелась тусклая лампочка, окруженная решеткой. Эдди медленно спустился, неловко перебирая высокие ступени.

Пройдя вглубь, к углу, куда мы с миссис Маккензи забились, прижавшись друг к другу, он остановился и посмотрел на меня долгим, полным ожидания взглядом, каким смотрят на море или на полнолуние. Желания кричать, как я его ненавижу, не осталось. Я почувствовала, как по ногам потекла горячая жидкость.

Эдди, словно очнувшись, перевел взгляд на мою сокамерницу и швырнул в нее какое-то тряпье.

— Надеть платье.

Несчастливая женщина отползла от темного кома, как от гадюки. И дрожащим голосом ответила:

— Нет...

Эдди нагнулся, поднял кусок черной ткани и снова кинул ей на колени.

— Надеть платье.

— Делайте, что он говорит! — хотела сказать я, но голос изменил мне, слова превратились в сипящий звук.

Трясущимися руками миссис Маккензи расстегнула собственную блузку. Пуговица за пуговицей выскальзывали из непослушных пальцев. Эдди равнодушно ждал. Мне казалось, рядом с ним стояло время, занеся над нами косу. И захотелось крикнуть: да скорее же, дура ты старая, не то он нас прибьет!

Она натянула платье, едва оставаясь в сознании. Мы обе понимали, что происходит что-то ужасное и непоправимое. Эдди поднял ее и прислонил к стене, потому что ноги женщины подкашивались. Из нагрудного кармана куртки — в таких ходят все местные фермеры — он достал какой-то небольшой белый предмет. До меня донесся сладкий запах. «Так пахнет смерть» — почему-то всплыл образ лилий, падающих на гроб. И я разглядела, что предмет в руках Эдди — головка лилии, и брошь в виде этого цветка носит на правой стороне мисс Аманда. И тут я начала понимать.

Эдди между тем приколол цветок на платье, проткнув иголкой один из нежных лепестков. И замер, любуясь тем, что получилось. Миссис Маккензи стояла перед ним, не смея дышать.

— Вот видишь, мама, — сказал он ей. — Бэки все-таки осталась со мной. А ты не верила.

— Эдди... — плача, начала было несчастная цветочница. — Я не твоя...

— Молчите! — прошипела я. — Соглашайтесь со всем. Уговорите его...

Эдди ничего не слышал. Он смотрел на полноватую женщину в черном платье со растрепанными светлыми волосами. А ведь она и впрямь немного напоминает Аманду.

— Ты больше не помешаешь нам, мама. Я тебя не боюсь. И мы с Бэки будем вместе. Даже если ты против.

Маккензи не могла вымолвить ни слова, скуля и захлебываясь слезами.

Эдди отошел в сторону — в соседнем углу стояла обшарпанная тумбочка, над которой возвышалась странная конструкция. Неужели, патефон?

— Я поставлю тебе песню, которую ты так любишь. Ты всегда говорила, что под нее тебе перестает груститься.

Конструкция кряхтела, скрипела, и, наконец, запела. «На цыпочках... по тюльпанам». А Эдди наклонился, подняв что-то тяжелое, что лязгнуло, проехав по бетонному полу. Молот для забоя скота. Таким фермеры раскаивают черепа быков и свиней.

Я закричала, а может, это кричала миссис Маккензи, но крик был истошный, пластинка хрипела и все скулила про тюльпаны и цыпочки. Лязгающее движение молота по полу прекратилось, но я не видела ничего, я давно уже зажмурила глаза. Крик заглушил все — и песню, и рыдания миссис Маккензи, и свист металлического набалдашника в воздухе, и глухой треск.

А потом все стихло. И я услышала голос Эдди:

— Теперь она не помешает нам быть вместе, Бэки.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ТРИКС КЕНДАЛЛ УХОДИТ ОТ ПОЛИЦИИ

— Первый двигатель истории — это ненависть. Второй — мода. Третий — война. Но ненависть, все-таки, главный.

Трикс бросила взгляд на говорившую, а потом — по привычке — в окно. Вид был довольно безмятежным: позднее утро в маленьком провинциальном городке на востоке Луизианы, улицы пустынные, пара машин припаркована у хозяйственного магазина напротив кафе, в котором и происходил разговор.

— Вы так не думаете? — женщина, сидящая напротив нее, ответа, казалось, не ждала. «И слава Богу! — подумала Трикс. — Какого хрена ей тут вздумалось философствовать? Это точно подстава. Она тянет время. Ждет, когда приедет группа захвата? Так, пора валить».

— Посудите сами. К чему привели добрые или благородные поступки? Мать Тереза повернула колесо истории? Или, может, принцесса Диана своей благотворительностью изменила мир? Знаете хоть одного Далай-ламу, чью деятельность стоило внести хотя бы в школьный учебник? Нет? И я не знаю. А вот Гитлера знают все. И Саддама Хусейна, и Аль-Каиду. Ненависть, дорогая. Всюду ненависть. Крестовые походы — ненависть христиан, революции — ненависть нищих, войны — ненависть побежденных... Ненавидеть — это нормально. Это естественно. И поступки, движимые ненавистью — всегда ведут к прорыву.

Трикс вежливо улыбнулась, кивая, и поднялась, выждав паузу в монологе странной тетки.

— Поищу дамскую комнату, — сказала она самым сладким голосом, который был в ее арсенале.

И мозг сразу же лихорадочно заработал. Трикс встала из-за стола и окинула взглядом помещение кафе, мысленно рисуя его схему — совсем как на картинках, показывающих, куда бежать в случае пожара. У нее сейчас не менее экстремальная ситуация.

Главный вход, скорее всего, уже перекрыт, он, как сторона отхода, автоматически отпадает. Окна большие, но открывается только верхняя часть, теоретически, запрыгнув на стол, она смогла бы выбраться, но на это уйдет куча времени. Неторопливо проходя мимо бара, Трикс спросила у барменши, где здесь туалет, хотя и так прекрасно видела указатель. Одного взгляда хватило, чтоб увидеть за спиной молодой девушки, стоящей за стойкой, широкую кухню — почти пустую, всего один повар и низкорослая официанточка, выгружающая посуду в мойку. Там точно должен быть второй выход, и она, кажется, видит дверь за стеллажом. Секунда, чтоб выбить дверцу барной стойки и ворваться на кухню, вторая — расталкивая всех, кто там есть, и, опрокидывая за собой полки, добежать до черного выхода. Там наверняка стоят машины персонала, и она в два счета сможет завести любую тачку без ключа.

И в тот момент, когда она уже, внутренне подобравшись, готова была ломиться за стойку бара, к заветной дверке подошел охранник и лениво попросил барменшу налить ему чашку кофе.

— Хорошая работа у охранников, а, Чак? — беззлобно подшутила девушка.

— Ну так идем ко мне сменщицей! — огрызнулся охранник.

Трикс, пытаясь унять панику, ревушую внутри, как мотор реактивного самолета, бросилась в туалет. Грязноватое, темное помещение, но над последней кабинкой — узкое

окно с толстым стеклом. Открытое!

Повесив сумку на шею, Трикс закрыла дверь кабинки на шпингалет и забралась на крышку унитаза. Так, теперь подтянуться на боковой стенке... Еще немного...

— Что это вы делаете, дорогая?

Повиснув на стенке, точно коврик, Трикс едва не разревелась.

— Слезайте оттуда, вам это ни к чему. Я знаю, о чем вы подумали. Со мной нет никакой полиции. Есть только деловое предложение, от которого мы обе будем в выигрыше, поверьте.

Дело, к которому они готовились целых полгода, не выгорело. Трикс так до конца и не поняла, что именно пошло не так. В прошлом году она разослала резюме по банкам небольшого промышленного городка в Северной Каролине. Положительный ответ поступил из двух, и они выбрали тот, что дальше от цента — небольшой, но с единственным офисом. Должность была скучнейшей, менеджер младшего звена. День за днем она стояла у входа, как швейцар, подсказывая глупым клиентам, к какому окошку идти, где лежат бланки, и когда будет готова чековая книжка, выслушивала жалобы и угрозы, да и начальство гоняло, как рабыню на плантации. Трикс предвкушала развязку, как ребенок — рождество. За время работы она изучила помещение банка от и до, составила его схему, выяснила, у кого хранятся ключи от хранилища, где расположены камеры и какие у них углы обзора. Все было готово.

Когда настало решающее утро, она, как всегда, стояла рядом с напарницей у своей стойки возле входа, в ожидании открытия. Менеджеры включали компьютеры, запускали систему. Все шло как обычно, но у Трикс в сознании вдруг начали отчаянно звонить звоночки. Старший менеджер сегодня любезна с ней, как никогда. Улыбнулась и спросила, как у Трикс дела. Хотя от этой гримзы, как правило, не дождешься ни одобряющего взгляда, ни ободряющего слова.

— А это еще кто? — шепотом спросила она у напарницы, кивнув на двух здоровенных мужиков в деловых костюмах. Та пожала плечами:

— Новенькие. Менеджеры по работе с клиентами, миссис Дейл сказала, сегодня у них первый день. Красавчики, да? Видишь, как волнуются.

Волнуются? Спокойны, как индейские вожди. Спокойны и собраны. Хмурые лица, здоровенные кулаки, стрижка ежиком. Менеджеры по работе с клиентами? Белые сорочки вздулись, обтягивая мышцы. И вообще, рубашки сидят как-то странно. Как будто под ними бронежилеты.

И в этот момент она увидела, как на другой стороне улицы припарковалась машина Риччи. Сегодня все должно было закончиться, они выбрали утро, потому что в это время меньше всего клиентов. Риччи и ребята уже выходили из машин. И шли прямо в засаду.

Трикс, стараясь выглядеть спокойной, пошла в глубину зала, туда, где за серой дверью с надписью «Вход только для персонала», шел длинный коридор, ведущий в административные помещения. По коридору она уже бежала: кабинет старшего менеджера — нет окон, туалет — решетки, комната отдыха — стоп! Окно там было сломано, и пока его меняли, рабочие сняли решетки! Трикс бросилась туда.

В комнате торчала Джуди, вечно опаздывающая, она только разделась и красила губы перед зеркалом. Трикс закрыла дверь, повернув собачку замка.

— Что это ты делаешь? — удивленно спросила девушка и получила по голове тяжелой пепельницей.

Когда Трикс распахивала окно, она услышала в зале громкий голос Риччи:

— Всем не двигаться, это ограбление!

А потом началась стрельба.

Позже, постепенно, в течение месяца, выбираясь из штата на угнанных тачках, автобусом, автостопом, Трикс узнавала новости, читая газетные передовицы. Из участников банды, совершившей налет, в ожесточенной перестрелке погибли восемь человек: три грабителя, два полицейских под прикрытием, один офицер полиции снаружи (его убил Риччи, вырвавшейся из здания) и двое сотрудников банка — миссис Дейл и Джуди. Миссис Дейл Риччи взял в заложники, и прикрывался как щитом, пока не дошел до машины. Он застрелил ее и выпихнул из тачки, выехав из города.

И теперь полиция трех штатов шла по его следу. А по ее следу, кроме полиции, шел еще и Риччи. Трикс была уверена — он думает, что это она сдала их копам.

Снова и снова убегая, меняя машины, парики, гримируясь в туалетах придорожных кафе, Трикс понимала, что ее все глубже загоняют в угол, из которого она скоро не сможет выбраться. Она уже практически долбится лбом в его стены.

В этот городок она приехала ночью, остановившись в пустынном мотеле на окраине. Деньги из сумочки Джуди стремительно таяли, а все кредитки она давно выбросила. Трикс сбегала из мотелей, не заплатив, крала батончики и готовые гамбургеры в супермаркетах, тратилась только на необходимое — бензин.

И вот утром, осторожно выглянув из-за двери своего номера, она увидела эту странную женщину. То есть, тогда она не нашла в ней ничего странного. Двери номеров мотеля выходили прямо на улицу, вместо коридора — дощатая терраса под навесом. Женщина стояла у офиса, где располагался ресепшен, и выглядела немного растерянной. Трикс, бросив на нее взгляд, пошла к машине. Она решила позвонить из автомата своей сестре в Дакоту. Это было, конечно, очень рискованно, да и сестра ее не жалуется, но иного выхода просто не оставалось. Ей нужно где-то осесть. Тогда-то женщина ее и окликнула:

— Доброе утро, дорогая мисс! Вы едете в город? Будьте любезны, подбросьте и меня!

Сначала Трикс хотела холодно и не очень вежливо отказать, но потом подумала, что компания этой пожилой леди будет неплохим прикрытием.

Сидя на пассажирском сиденье, женщина, забыв представиться, рассказала, что она тут проездом, едет домой — в Джорджию. Вынуждена была остановиться в мотеле, потому что под капотом ее машины «что-то сильно стучало». Она заехала в сервис, и ей сказали, что ждать придется до утра, ведь рабочий день к концу подходит, представляете, каковы грубияны!

— Впрочем, сейчас слишком рано, механик сказал, к полудню. Могу я угостить вас обедом, дорогая? Должна же я как-то отплатить за вашу любезность.

Трикс снова хотела отказать, и снова быстро передумала. Она так долго сидела на сухом пайке из батончиков и чипсов, что ей казалось, желудок завязан узлом. Мысли о крем-супе из морепродуктов и сочном ростбифе с картофелем и зеленым горошком заставили ее едва ли не застонать от голода.

— Я с удовольствием, — ответила Трикс и припарковалась у вовремя подвернувшегося кафе.

А потом начался этот странный разговор о ненависти.

Вернулась за столик Трикс совсем обескураженной. Пожилая дама добродушно улыбалась:

— Попробуйте яблочный пирог, дорогая. Он тут потрясающий! — последнюю фразу она произнесла громче и помахала рукой барменше. Та улыбнулась в ответ и вежливо поблагодарила.

Трикс отломил чайной ложкой маленький кусочек.

— Давайте начистоту, — сказала между тем дама. От такого начала у Трикс мурашки побежали по плечам размером с бегемотов. — Я знаю, кто вы. Ваши фото во всех газетах, в разделах криминальной хроники. На них, конечно, мать родную не узнаешь, но мне повезло не ошибиться. Я распознала вас вчера на заправной станции, проследила за вами и выждала, пока появится удобный момент для разговора.

Проследила, выждала? Она спецагент на пенсии? Как Трикс, самой жизнью наученная убежать и подмечать все подозрительное, могла не заметить слежки и подвоха?

— Вы нужны мне, дорогая, а я нужна вам. Вы бежите, ищите, где спрятаться, не так ли? Так я предоставлю вам такое место, еще и денег заплачу. А вы поможете мне отомстить людям, которых я ненавижу. Да, ненавижу! Я добрая христианка, но считаю, что ненависть — абсолютно нормальная эмоция, которую не стоит в себе подавлять. Выбирая между искренностью, хоть и греховной, и богоугодным, но лицемерным всепрощением, я отдаю предпочтение искренности. Есть три человека, которых я ненавижу и хочу им отомстить. А вас я прошу помочь мне в этом.

Трикс поняла, что вляпалась в какое-то жуткое дерьмо. Эта сумасшедшая хочет, чтоб она грохнула трех человек? А если отказать — как она себя поведет? Будет шантажировать, что сдаст Трикс полиции?

— Я не убиваю людей, — осторожно начала она. Леди всплеснула руками:

— Да что вы, Бог с вами! Я и не прошу вас об этом, какой ужас!

Ее возмущение было таким искренним, что у Трикс немного отлегло от сердца.

— А как же тогда я должна вам помочь?

Женщина наклонилась ближе, перегнувшись через стол. Ее светлая челка, крупным завитком изогнувшаяся надо лбом, почти касалась бровей Трикс.

— Вы поможете мне разыграть один веселый спектакль, дорогая.

Трикс, смотрела в ее темно-серые глаза, и видела в них себя — дешевый парик, темные очки, украденные в «Уал-Марте», подняты вверх, тонкие губы, нервно сжатые. Она увидела себя, бегущую от всего мира, готовую жрать с помойки и отсасывать бензин на парковках, лишь бы убежать. И поняла, что согласна на что угодно, лишь бы получить хоть какую-то передышку.

— Договорились, — ответила она. И собственное отражение в темно-серых глазах медленно отодвинулось.

— Ну тогда позвольте рассчитаться за наш обед и ваш номер. Поедем, времени у нас мало, да и до Джорджии нам ехать добрых четыре сотни миль!

— Вы не сказали свое имя, — решила спросить Трикс.

— Ох и правда! Это так невежливо с моей стороны, прошу прощения, дорогая. Белинда Барлоу! — и она протянула пухлую ручку с маленькими, ухоженными ноготками, покрытыми розовым лаком.

Трикс осторожно пожала ладонь, прикосновение к мягкой коже было неприятным, как будто ее рука коснулась жирной сороконожки.

— А вас как мы будем называть? — сладко спросила Белинда Барлоу. От этого «мы» Трикс передернуло. Ладно! Она потерпит подобные ужимки ради убежища. Мысленно

перебрав имеющиеся у нее на руках фальшивые документы, Трикс остановилась на той личности, которой обзавелась относительно недавно, и которая не успела сильно запятнаться.

— Марджери Розенфилд.

Белинда одобрительно улыbnулась:

— Очень подходяще!

МАРДЖЕРИ

Эти курицы сбежали ночью из пансиона и думали, что она их не заметит. Наивные, как дети, ей-Богу! Она шла за ними, не задев в кромешной темноте ни одного угла, не сдвинув ни одного стула. Когда она поняла, что беспокойные постоялицы направились в лес, то следить за ними желание пропало. Боялась она ночного леса, такая вот фобия, ну вас всех к черту. Вернулась в дом, сварила кофе и с наслаждением выпила большую чашку, сдобрив ее кусочками зефира в виде рыбок, устроившись прямо на террасе. Ночь была теплой и замечательной — сад благоухал, сверчки стрекотали, заглушая угрожающий шум леса. Она ждала. Вернулись эти овечки нескоро — чего они там блуждали, искали эту Лекси, что ли? Ну неужели ни единая так и не догадалась, в чем дело? Будь Марджери одной из них, она давно бы раскусила весь этот цирк. Впрочем, вроде у кого-то из них хватило ума устроить элементарный обыск — она прекрасно слышала, как кто-то возился у стойки ресепшена, а потом носился, как стадо гиппопотамов, наверху.

Ага, возвращаются. Марджери замерла, предвкушая, как сейчас выльет на них ушат холодной воды, обнаружив свое присутствие. Постоялицы вывалились из зарослей, что-то бурно обсуждая. Она слышала голос неугомонной Тэйлор Эмери:

— ...я точно помню! Вы уверены, что он мертв?

Кэтрин — этот набор костей в мешке из бледной кожи — что-то тихо ответила. Шаги зашуршали по гравию садовой дорожки. Они приближались к веранде, но остановились, заканчивая разговор.

— Это все понятно, но каким боком здесь Шэннон? Дорогуша, вы уверены, что ваша Лекси никак не связана с этой историей? Может, завлекли сюда ее, а вы тут волею обстоятельств?

Ох, ну и дура же ты, мисс Эмери! Марджери едва не рассмеялась, но вовремя взяла себя в руки, замерев на стуле.

— Не знаю... — пролепетала бедняжка-Шэннон. Почему-то по отношению к этой каштанововолосой худышке Марджери всегда хотелось присовокуплять слово «бедняжка». Да уж, досталось ей из-за этой истории с потерянной подружкой. Белинда — черт бы побрал эту «милую» старушку! — знала болевые точки тех, кому мстила, и давила на них виртуозно.

Когда они подошли вплотную к веранде, Марджери произнесла громко и чопорно:

— Доброй ночи, леди. Надеюсь, прогулка по лесу вас не сильно утомила?

А потом смаковала эффект: Тэйлор отпрыгнула на добрый фут, выругавшись, как последний ниггер в подворотнях Гарлема, Шэннон громко вскрикнула, а Кэтрин едва не лишилась чувств и была вынуждена вцепиться в перила. Наконец, они осознали, что происходит. Тейлор первая:

— Черт побери, Марджери! Что вы сидите тут, как сова в ночи?

— А вы почему бродите по лесу, как глупые школьники в шаблонном фильме ужасов?

— Хотели поговорить подальше от ваших ушей, вот почему! — выпалила она, но товарки тут же зашикали. Она добавила, обращаясь уже к ним:

— А что такого? Мы же решили выяснить правду! Что еще остается? Карты на стол, как говорят в Англии! — и, быстро поднявшись на веранду, встала напротив Мардж.

— Мы все знаем!

Да ладно? Что-то не верится, судя по той ахинее, которую они несли, пока не обнаружили присутствие еще одного слушателя.

— И что именно?

— Нет никакой мадам Белинды. Ты, или вы — не знаю, есть ли у тебя подельники, — собрали нас здесь специально, и это как-то связано с историей Эдди-Садовника.

О чем это она? Марджери, как всегда перед взрывоопасной ситуацией, внутренне подобралась, усилием воли подавляя звоночки, в один миг разошедшиеся не на шутку.

— Что это вы несете, мисс Эмери? Как это — нет никакой мадам Белинды? И причем здесь Эдди-Садовник?

— Ага! — завопила Тэйлор, ткнув в Марджери пальцем. — Так вы знаете, кто он такой?

Черт, черт, черт! Срочно отставить панику! Иначе проколется там, где сама не ожидает. Чтобы урвать время и прийти немного в себя, Марджери аккуратно задвинула стул, с которого поднялась, когда приветствовала женщин, и обошла стол, встав подальше от Тэйлор с ее указующим перстом.

— Помню пару статей. Какой-то — как там говорится? — серийный маньяк, верно? Убил много народу, лет десять назад. Это же происходило в соседнем штате, где-то на границе, и нас, как и всю Джорджию, эта история, естественно, беспокоила.

— Допустим. Но вы же не станете утверждать, что мадам Белинда жива?

Марджери чувствовала, как у нее задрожали руки. Не далее, как вчера утром она получала сообщение от своей хозяйки с краткой инструкцией, что следует припугнуть Шэннон наличием в ее прошлом темной тайны. Какой именно — не говорилось, да и Марджери это мало интересовало. Не могла же мадам умереть за один день?

— О чем вы? Только вчера я с ней связывалась по телефону. Она передавала вам наилучшие пожелания и заверила меня, что придет через пару дней.

Тэйлор делано рассмеялась, повернувшись к своим новоиспеченным подругам.

— Ну тогда — звоните в Ватикан! Наличие рая отныне неоспоримо! Хватит дурить нам головы, мисс Розенфилд! Шэннон собственными глазами видела ее могилу. Я наводила справки в городе, и тоже узнала, что она мертва. Умерла от сердечного приступа больше года назад. Вы и над надгробным камнем будете стоять на своем?

Но стоять Марджери была уже не в состоянии. Она вернулась к своему стулу, отодвинула и села. Шумно вздохнула. Ей вспомнилось, как чуть больше недели назад хозяйка показывала ей пансион, гордо называя его «фамильным гнездом», рассказывала его историю, отвечала на вопросы о манекенах в подвале, занавесках из французского кружева, даже о немом садовнике — выдавала целые семейные легенды! Может, есть две мадам Белинды? Ну неужто эти курицы настолько тупы, чтоб перепутать?

— Так, — сказала она, наконец, выставив вперед ладони, словно желая остановить поток информации, который нагоняла на нее Тэйлор, — допустим, это правда. И женщина, нанявшая меня, никакая не мадам Белинда.

В принципе, почему бы и нет. Она же, Марджери, скрыла имя. Хозяйка также не была обязана его называть.

— Но причем здесь Эдди-Садовник?

Постоялицы переглянулись. Решают, стоит ли посвящать ее?

— Говорите, раз уж начали! — заорала она вдруг, неожиданно для себя самой. Вязкое, противное ощущение, что ее обманули и нещадно использовали в какой-то страшной истории, разливалось по нутру, леденя кровь.

— Эта женщина, — Тэйлор указала на бледный мешок с костями, который так и стоял, вцепившись в перила, как потерпевший кораблекрушение — в борт спасательной шлюпки, — Ребекка Фолкнер. Та самая, которую Эдди Вудолл держал в подвале целый год, убивая на ее глазах женщин, похожих на его мать. Я писала книгу об этом маньяке, о чем мне довольно навязчиво здесь напомнили. Каким боком тут мисс Галлахер, пока неясно. Но совершенно очевидно одно — кто-то, а я все еще склонна думать, что это вы! — собрал нас здесь, всех, кто имел отношение к тем событиям, и пытается что-то показать, или отомстить, или... в общем, я не знаю. Лучше вы нам скажите!

Вместо ответа, Марджери поднялась и подошла к Кэтрин вплотную.

— Зачем вы это сделали, мисс Розенфилд? Мы раскусили вас, не так ли? Так давайте уже перейдем к делу. Что вам от нас нужно? Это же не случайность, что мы встретились здесь, а потом Кэтрин упала в подвал, а я получаю платье жертвы в шкафу! И та женщина среди манекенов... Она тоже...

— Да замолчите вы! — воскликнула Марджери так отчаянно, что Тэйлор моментально закрыла рот. Марджери все еще продолжала изучать Кэтрин. Наконец, она произнесла:

— Ты — та девушка, которую этот урод держал в подвале? Это правда?

Кэтрин молчала, лишь смотрела в глаза, отчего Марджери стало не по себе. «У нас одинаковый взгляд, — подумала спрятанная глубоко внутри мисс Розенфилд Трикс Кендалл. — Затравленный и усталый. Только я научилась его маскировать, а она — нет. Вот и встретились, кто бы мог подумать».

Внезапно Мардж расмеялась — безудержно и истерично, от такого смеха на глаза обычно наворачиваются слезы горечи.

— Обманула меня! — наконец, проговорила она, продолжая хохотать. — Обманула! Меня! Да я собственную судьбу сотню раз вокруг пальца обводила, а эта старуха обманула меня!

Она сдернула с носа очки в черной оправе с заостренными внешними углами, нервно растрепала волосы, всегда стянутые в суровый узел на затылке, и приоткрыла свою истинную внешность — молодой женщины, чуть за тридцать, с красивыми, но слишком правильными и оттого совершенно незапоминающимися чертами лица. Идеальная внешность для мошенницы.

ТРИКС

Иногда мне кажется, что большую часть своей жизни я провела выглядывая в окно. Или из-за угла. Всегда осторожничая и скрываясь.

Как пишут работники социальной опеки в заведенных делах, Я была ребенком — как пишут работники социальной опеки в заведенных делах? — из неблагополучной семьи, от которой, рано поняв, насколько она «неблагополучная», я сбежала на городские улицы. На этот побег меня подвигнул мой тогдашний бойфренд — Джонни, в иерархии местного наркобизнеса он играл роль мелкой сошки — торговал метом в северных районах города, и я взялась ему помогать. Когда его замели, мне удалось уйти и лечь на дно, а после — бежать из штата. Так началось мое бродяжничество.

Меня принял в Северной Каролине один общий друг, Джонни полностью доверял ему. Он устроил меня на работу в свою закусочную, через которую тек наркотрафик. Я стала его

девушкой.

Вскоре выяснилось, что у меня способность к копированию почерка, какое-то время я занималась подделкой чеков и другим мелким мошенничеством. После того, как я однажды перед своим новым покровителем изобразила девицу его друга — глупую жеманницу, оказалось, что у меня есть и актерский талант. Мы как раз перебрались в Таллахасси, Флорида, и мой бойфренд отправил меня в бар при крупном отеле — там останавливались приезжие бизнесмены и иностранцы. В мою задачу входило завести знакомство, флиртовать, обещая большее, а после уводить из бара якобы в свою квартиру, но в действительности я вела их в темный переулок, где моего «клиента» уже поджидали Тим и его подельники. Я не брезговала ни обманом, ни подлогом, ни шантажом, ни воровством. Но я никогда не продавала себя. Свое тело. Я не проститутка. Я не стала такой, как моя мать.

Зато я научилась врать и изворачиваться, притворяться, различать копов не по значку, а по взгляду. Я сама могла бы пойти работать в полицию — чувствовала вранье по интонации, определяла барыгу по жестам.

Какое-то время все шло хорошо. Я уже подумала о том, что скоро мы накопим достаточно денег, уедем к морю и купим там маленький домик с беседкой и забором из белого штакетника. Завяжем с мошенничеством и воровством, я устроюсь на нормальную работу в какой-нибудь милый цветочный магазин, а Тим откроет, например, автомойку. И проживем спокойной жизнью, может быть, даже заведем ребенка. Которому я подарю счастливое беззаботное детство. Но этого не произошло.

До сих пор не знаю, кто именно нас тогда сдал. Но, как и в последний раз, накануне встречи с мадам Белиндой, накрыли нас основательно — с грохотом и фанфарами. Тим спас меня, помог мне убежать, но сам не вырвался. Я уехала одна, с небольшой суммой наличных, на старой дребезжащей тачке. Моей целью стал Новый Орлеан, Тим сказал, что там меня укроют, как и он когда-то. Я ехала к границе штата.

Стоял жаркий летний полдень, когда я проезжала мимо маленького пыльного городишки, который казался старым и высохшим стариком, греющим на солнце свои кости. Дребезжание моей тачки становилось все громче, и я поняла, что мне срочно нужен либо автомеханик, либо новая машина. В городе я нашла какой-то безлюдный бар, где чернокожий бармен подсказал:

— Есть один вариант. Только утром я слышал от одного нашего фермера, что ему срочно понадобилась продать машину. Его ферма находится в трех милях от города, по Старому шоссе, — и он кивнул в сторону окна, ограничив этим жестом всего-то всю западную сторону Америки.

Проскитавшись по окрестностям добрый час, я нашла, наконец, указатель с названием фермы — «Саннибрук».

— Не иначе, хозяйку фермы зовут Ребеккой*, - пробормотала я, поворачивая к дому. Впрочем, ветхое строение, показавшееся, наконец, в зарослях кизила, домом называть не стоило. Оно выглядело заброшенным уже лет сто — крыша провалена, половина окон — выбиты, перила разломаны.

Изо всех сил молясь, чтоб хозяин оказался дома и действительно желал продать свою тачку, я заглушила мотор и подошла к двери. В отличие от общего впечатления ветхости и запущенности, дверь была крепкой и новой. И запертой. Сколько я не колотила молоточком, мне не открыли.

Но я не собиралась сдаваться, да и выбора у меня не было: нужно во что бы то не стало

найти другую машину, иначе не видать мне Нового Орлеана, как своих ушей. Я спустилась с крыльца по шатким ступеням и окинула дом взглядом. Все-таки, он очень большой. Хозяин мог ведь и не слышать моего стука.

Я вернулась к двери и пошла вдоль по террасе, опоясывающей дом. Когда она была выкрашена в белый цвет, как и стены, насколько я могу судить. Но теперь грязные ошметки краски топорщились, как короста на старой ране. Заглянув в пустую глазницу окна, я увидела внутреннюю обстановку — она соответствовала внешнему виду. Мебель, казалось, стояла, как ей вздумается, а само помещение не убрали с момента постройки. Окно вело в маленькую комнатку, похожу на чуланчик — полки, заваленные пыльной посудой и банками с консервированными овощами. Мне уже начало казаться, что бармен зло пошутил надо мной, отправив на нежилую ферму. Я, не особенно терзаясь сомнениями касаясь степени нравственности своего поступка, залезла внутрь. Не думаю, что хозяина, не позаботившегося даже о том, чтоб заколотить досками разбитое окно, сильно заботит неприкосновенность его частной собственности.

Из чулана я вышла в широкую кухню — такую же грязную, но зато я поняла, что дом, все-таки, обитаем. На столе у раковины стоял поднос с недоеденной, но свежей пищей.

Выйдя из кухни, я оказалась в широком холле — пыльном и пустом. Лестница вела вверх, но подниматься по щербатым ступеням желания не было.

— Хэлло! — закричала я, поняв голову в сторону верхнего этажа. — Здесь есть кто-нибудь? Я хочу купить у вас машину!

И мне ответили, но не сверху, как я ждала, а прямо из-под моих ног — словно из самой преисподней:

— Пожалуйста, леди, выпустите меня! Меня зовут Ребекка Фолкнер, и он держит меня на цепи в подвале! Помогите!

Трикс имеет в виду роман Кейт Дуглас Уиггин «Ребекка с фермы Саннибрук»

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. КАЖДЫЙ СЛЫШИТ ТО, ЧТО ХОЧЕТ

РЕБЕККА

В этой бесконечной ночи, в этом кошмаре, в этом подвале, полном призраков, меня спасало только одно — память. Я вспоминала детство, отца, мамины уроки, укоры и наставления. Школу — вслух читала выученные для конкурсов стихи, Лос-Анджелес — вновь и вновь мысленно прогоняла сцены и роли, которые мне так и не удалось исполнить. Каждый раз, выходя из забытья, которое и сном-то нельзя назвать, я говорила себе: «Меня зовут Ребекка Фолкнер, мне двадцать лет, я родилась в городе Миддлтаун, Алабама, в шесть лет пошла в школу имени Кеннеди» и дальше — все, что я могла припомнить из своей биографии.

Единственное, что я по-настоящему делала — это пыталась не сойти с ума.

А ведь еще были и они. Женщины под пятьдесят, со светлыми волосами, завитыми в крупные кудри. Они появлялись в подвале — незнакомые, но похожие друг на друга. Позже я узнала, что Эдди, в надежде замести следы, стал похищать их в дальних городках и даже в соседнем штате. Они приходили на подгибающихся ногах — испуганные, заплаканные, причитающие — и все до одной надеющиеся на спасение. Сначала я рассказывала им свою историю, спрашивала, какой сейчас день и месяц, и считала, сколько времени я уже сижу в этом подвале — и они думали, что им уготована та же участь, что и мне. Жизнь в заточении, но все же жизнь. Я не смела разрушать их чаяния. Я просто не могла говорить, что их ждет.

Вторую звали Абигейль Бирс, она работала в почтовом отделении, в маленьком городке на самой границе штата. У нее было четыре дочери и пять внуков и внучек. Она рассказывала о них, называя по именам, пока мы сидели рядом, прислонившись к подвальной стене. Она говорила, что дочки ее с ума сойдут, когда выяснится, что ее похитили. «Мне срочно нужно позвонить — твердила она. — Как думаешь, он разрешит мне позвонить? Когда он придет?». Я думала, что меньшее, чего ей нужно желать, так это того, чтоб «он» пришел.

Но он приходил. Никогда он не держал их рядом со мной больше двух-трех часов. А однажды даже спросил: «Бэкки, мама не обижала тебя?». Я, цепляясь за его штанину, ползала на коленях и уверяла, что мы очень подружались и я не хочу с ней расставаться.

— Твоя мама замечательная, Эдди, она такая добрая, пожалуйста, позволь ей уйти. Я обещаю, что останусь с тобой что бы ни случилось, только не трогай ее, — я плакала и верила, что действительно так и поступлю, что мне уже все равно, пусть сидеть мне до конца жизни в этом подвале, лишь бы он никого не убивал из-за меня.

— Нет, Бэкки, — ответил он. — Она не позволит нам быть вместе, ты же знаешь.

И шел в угол за молотом.

А я, глядя в непонимающие, полные ужаса глаза, начинала шептать:

— Все будет хорошо, я обещаю, я обещаю, обещаю...

С каждой новой жертвой монолог Эдди делался все длинней. Он говорил этим незнакомым, плачущим женщинам о своих обидах, несчастливом детстве, о том, как любил ее, свою мать, а она его — нет. И он больше не в силах это терпеть. Слушая его, я понимала, что из нас всех смерти заслуживает только один человек. И это — не Эдди.

Однажды во сне я увидела, как надо мной склонилась мисс Дельфина — моя подруга и

хозяйка кафе, где я работала. Самый лучший человек из всех, что я знала. Единственная, кто был добр ко мне. Она сказала, улыбаясь и глядя мои волосы:

— Проснись, милая.

Я так часто видела сны, где все хорошо, и этот кошмар позади, но, просыпаясь, с горечью понимала — мои сны не сбывались. В этот раз все было иначе. Сон сбылся. Но я пожалела о нем сильнее, чем о несбывшихся. Потому что теперь в моем реальном ужасе оказалась и Дельфина.

— Миссис Ди? — я подскочила, звеня цепью. — Нет, нет, нет! Боже, как же мне вас уберечь! Мы должны бежать! О, господи, что мне делать?

— Бэки, дорогая! Я так рада...

— Чему? — слез было уже не сдержать. Она тоже встала и бросилась меня обнимать.

— Тому, что нашла тебя! Я не верила, что ты сбежала. Хотя твоя мать всем так и сказала. Мол, Ребекке снова захотелось легкой жизни. Так ты все это время была здесь?

— Все это время? Сколько уже прошло?

Она положила руки на мои плечи и заставила сесть на пол у кирпичной стены.

— Год и месяц. Я уже думала, что не увижу тебя. Как ты тут оказалась?

Но ответить я не успела — дверь в подвал открылась, в глаза брызнул свет и тут же погас. Тяжелые шаги перебирали ступени деревянной лестницы. Он здесь. Дельфина в ужасе смотрела в темноту, туда, куда не доставало надоедливое мигание желтой лампочки, раскачивающейся под потолком. Всякий раз, когда она начинала едва заметно вздрагивать, я вздрагивала тоже — это означало, что Эдди проходит от кухни к подвальной двери.

Он вошел в круг света, и Дельфина недоуменно прошептала:

— Эдди Вудолл? Но Бэки...

— Молчите, молчите, ради Бога! Не отвечайте ему. Мы... я уже все перепробовала — и соглашаться, и подыгрывать, и переубеждать, и противоречить... Я попробую докричаться до его разума!

Я также велела ей не надевать платье, которое он всякий раз приносил с собой. Платьями в буквальном понимании эти отрезки тканей не были — не мог же он опустошать всякий раз гардероб Аманды! — грубо сшитые по краям балахоны из дешевого черного крепа. Но неизменным оставался приколотый к ним цветок живой лилии.

Все проходило по старому сценарию: он бросил ей черный комочек ткани. Но она швырнула его прочь. Так повторялось снова и снова, я все это время хватала его за плечи и, разворачивая к себе, повторяла:

— Это миссис Дельфина, помнишь, в кафе? Это не твоя мать! Она не твоя мать!

Но он больше не был живым человеком. Чудовище, которому нужно убить и успокоиться на какое-то время, решив, что главная проблема в его жизни решена. Пока мамаша снова не выведет его из себя, и ему не понадобится новая несчастная на роль громоотвода.

Наконец, отшвыривания платья и мои стенания вывели его из себя. Он схватил молот и принялся колошматить все, что подвернулось ему под руку — патефон с ненавистной мне пластинкой, стеллажи, забитые хламом, смел инструменты с верстака. Мы с Дельфиной забились в угол, я прикрыла ее, надеясь, что он, боясь поранить меня, не ударит своим молотом по ее голове. Но он все равно до нее добрался. Выдернул из моих объятий, отшвырнул в противоположный угол и замахнулся.

— Бэки! Обещай мне... — успела крикнуть Дельфина. Но я ответить не успела. Он

ударил снова и снова. Снова и снова. Лишь только когда он остановился, я прошептала:

— Я обещаю, я обещаю, я обещаю....

Вы знаете, что бетон впитывает кровь, как губка? И на нем остаются отвратительные бурые следы? Они кажутся сырыми и пахнут, как морозильник, который отключили, чтобы разморозить. Этот запах пропитал стены, потолок, мои волосы, осел мерзким привкусом на губах и языке. Все, что осталось после Дельфины — это запах тающего льда и ржавые пятна на сером подвальном полу.

Я не помню, сколько прошло времени. В подвале не было окон, я отмеряла дни по подносам с едой, а недели — по душе: Эдди в такие дни тащил меня на цепи в верхнюю комнату, заталкивал в ванную и ждал тут же. Стоит ли говорить, что мылась я за считанные минуты? По таким вот своеобразным подсчетам, я поняла, что после смерти Дельфины прошел примерно месяц. Период между жертвами всякий раз сокращался, мой мучитель явно входил во вкус. Всякий раз я ждала его появления с нарастающим ужасом — того и гляди притащит новую несчастную. И вот однажды я услышала, как наверху кто-то ходит. Время было немногим позже завтрака — а это означало, что Эдди только-только ушел из дому и до вечера не появится. Он, конечно, мог и вернуться, чего никогда не случалось, но оставался маленький шанс на то, что это кто-то, кто может мне помочь. Смешно, но я даже не помню, что говорила. Помню только, что очень волновалась. Не могла понять — правда ли, что я слышу шаги и голос наверху, или мне это кажется. Я перестала различать реальность и забытье. Когда шаги наверху затихли также внезапно, как и появились, я подумала, что это галлюцинации, я выдаю желаемое за действительность.

Прошла целая вечность, наверху было тихо, и я поняла, что помощи ждать неоткуда. Я подумала о том, что надежды больше нет, такое отчаяние охватило меня, что я решила в следующий раз сама броситься под его молот, попытаться отобрать его и убить этого подонка. Или он меня, или я его.

Дверь распахнулась, и подвальную мглу прорезал луч фонаря. И я услышала то, о чем мечтала и во сне, и в реальности, желанное, долгожданное сочетание букв.

— ФБР!

ШЭННОН

— Так вот почему последняя жертва Садовника никак не увязывалась с его почерком, — произнесла Тейлор. — Она не была одета в черное платье, и к груди не был приколот цветок лилии... Он просто не смог заставить ее надеть.

Я молчала, глядя на светлеющее небо. Мы все вчетвером сидели на веранде, за круглым столиком, в центре которого стояла бутылка виски, который не спеша цедила Тейлор. Я и Кэтрин (или мне следует называть ее Ребеккой?) не пили, а Трикс предпочла бурбон.

— Я бежала из этого дома, как ошпаренная, — подала голос Трикс-Марджери. — Мотор чавкал и ворчал, но я добралась до какого-то сервиса. Не знала, что делать. Пока они чинили мою тачку, я сидела в дурацком, отвратительном кафе на пять столиков и пыталась изгнать из сознания этот голос. Ваш голос, мисс Калверт. Бэки. Я так и слышала эти слова «пожалуйста, помогите». И еще «он держит меня на цепи». Я пила кофе, но не чувствовала его вкус, я больше не думала о том, что мне нужно бежать и спасаться, о том, что моя жизнь — череда сплошных проблем и несчастий. Я думала, что там, за пару миль, стоит полуразрушенный дом, в подвале которого сидит женщина, прикованная цепью... О, Боже! Я вскочила и кинулась к телефону. Набрала 911 и сказала, что звоню из Миддлтауна, и на ферме Эдди Вудолла «Саннибрук» в подвале держат девушку. И бросила трубку.

— Я знаю, — едва заметно улыбнулась Ребекка. — Меня спас анонимный звонок. И все эти десять лет я думала, кем же была эта женщина. Честно говоря, была уверена, что это мать Эдди, Аманда, что это она приходила на ферму, услышала меня и в ней наконец-то разыгралась совесть. Но теперь я знаю правду и могу сказать то, что обязана: я никогда этого не забуду. Говорят, за спасение жизни не благодарят. Я всегда буду помнить то, что вы для меня сделали.

Рассвет неумолимо наступал. Тейлор перешла с виски на кофе и несвежие булочки, оставшиеся с прошлого завтрака. Меня глодали вопросы и сомнения, но я боялась подать голос, боялась привлечь внимание к себе. Теперь они знают участие каждой в этой истории: Кэтрин-Бэки — жертва, Трикс-Марджери — спасительница, Тейлор — рассказчица. Они обязательно начнут гадать, какая же роль отведена мне, как я связана со всей этой жутью. Я не умею врать, но и сказать правду не готова. Они перестанут мне верить.

Но мисс Эмери все равно обо мне вспомнила.

— Шэннон!

Я вздрогнула, словно меня уличили в преступлении.

— Боже, как же мы могли о вас забыть!

Ну вот, сейчас начнется.

— Марджери, — повернулась она к Трикс, — где Лекси? Подруга Шэннон, ведь не привиделась же она ей, в самом деле?

Марджери бросила на меня испуганный взгляд.

— Нет, — медленно ответила она. — Лекси действительно приехала вместе с Шэннон. Но я получила указание от мадам — сообщение на телефон. Она написала, что Лекси в курсе происходящего и участвует в затее. Боюсь, ваша подруга подставила вас, Шэннон. Она просто уехала ночью.

Я не могла поверить своим ушам.

— Бред собачий! — бухнула я, интуитивно вскакивая, будто готовясь броситься в бой.

— Мадам Белинда сказала, когда ехали в пансион, что вы — страшная предательница. Заявила, что вы, Шэннон, отняли у нее веру, и она намерена показать вам, каково это. Она про каждую из вас сказала. Тэйлор — лгунья. Кэтрин — погрязла в блуде. Это ее слова, мисс Калверт, не мои.

А я судорожно переваривала информацию и не хотела сдаваться:

— Лекси уехала? Но на чем? Мы на одной — моей! — машине.

— Я не знаю. Возможно, ее увезла Белинда. Я не стала ждать, пока ваша подруга уедет, ушла спать. А вам в чай я подсыпала снотворное — так мне велела мадам.

— Ну и подлость, Марджери! — воскликнула Тейлор.

Я пыталась прийти в себя. И все равно не могла поверить в то, что Лекси оказалась заодно с неведомым призраком, который мне — всем нам! — за что-то мстит. Ведь это я сама предложила Лекси со мной ехать. Она и согласилась не сразу, только после уговоров!

— Не может этого быть! То есть, вы сами не видели, как она уходила из пансиона?

— Честно признаться, нет. Вы так уверены в своей подруге? Но что же тогда произошло с ней — убита, или ее где-то держат? Не представляю, где, но точно не в доме. И почему Белинда не посвятила меня в свои планы, не попросила помочь?

— А вы бы пошли на такое? — Тейлор, как кобра, сделала выпад в сторону Марджери. Та дернулась в сторону и отрицательно замотала головой, как будто хотела отогнать даже мысли о подобном.

— Я мошенница — да! Воровка — да! Но не убийца, мисс Эмери! Я таких мразей знала и то не смогла бы их убить. А тут — безвинная девушка!

— Лекси жива, она мне звонила! — твердо заявила я. Не могу думать о том, что с Лекси могло произойти что-то страшное. — Она сказала, что ее держать в подвале!

— Кстати о подвале, — оживилась Тейлор. — Как Кэтрин там оказалась? Тоже с вашей помощью? Галлюциногенный чай? Или более прозаично помогли — попросту, толкнули?

— Нет! — возмущенно ответила Трикс-Марджери. — В этом я тоже не участвовала! Сама была в таком же шоке, когда мисс Калверт — Бэкки! — оказалась в подвале.

Я помнила ее реакцию — да, она выглядела потрясенной. Но — боже, она же дурила нас все это время! Как и Кэтрин. Могу ли я вообще кому-то из них доверять?

— Налью себе еще кофейку, — пробормотала Трикс. — Кто еще будет?

Она ушла, и Тейлор торопливо зашептала:

— Как вы думаете, ей можно верить? А вдруг, снова что-то не договаривает? Вымышленное имя, вымышленное прошлое, мошенница и преступница! Все, что она нам плела до сегодняшней ночи — сплошное вранье! Но, с другой стороны, я помню, что платье мне подбросили, когда мы все вчетвером были внизу, а в подвале я совершенно определенно видела женщину — живую, в таком же платье, как и жертвы Садовника! Она находится здесь — в этом пансионе, та, которая выдает себя за мадам Белинду, которая владеет сейчас этим домом. И Мардж единственная из нас, кто ее видел!

В этот момент раздался голос самой Мардж:

— Шэннон! У вас там наверху мобильный трезвонит!

Я зашла с веранды в дом, Марджери шла мне навстречу с подносом, уставленным кофейными чашками. Мы остановились напротив друг друга, словно два дуэлянта.

— Я помню ваши угрозы, — сказала я тихо. — И я думаю, что вы заодно с той, которая называет себя мадам Белиндой.

Она слабо улыбнулась, с едва уловимым раскаяньем.

— Все, что я тогда сказала — от первого до последнего слова — было продиктовано Белиндой. Это она велела припугнуть вас прошлым, в случае, если вы зайкнетесь о полиции. Она была уверена, что вы попытаетесь меня напугать, но к копам не пойдете. Ее предсказания сбылись. Что такого ужасного вы натворили? Я не осуждаю, так как тоже не безгрешна, — она горько усмехнулась. — Но лучше бы вам рассказать остальным. Может, пойдем, кто на самом деле эта мадам.

Я медленно подошла ближе. Нас разделал только поднос, который она держала в руках.

— Докажите, что вы на нашей стороне. Не говорите ничего о том, что вы меня в чем-то подозреваете. Поверьте, я ни в чем не виновата. Но пока не готова рассказывать о своем прошлом.

Она смотрела на меня, все также едва улыбаясь. Наконец, ответила:

— А вы совсем не так наивны, какой пытаетесь показаться. Да, маленькая мисс Шэннон?

И мы разошлись.

В комнате и правда надрылся мобильный, который я с трудом откопала в кресле под завалами одежды и полотенец. Звонил Дилан.

— Шэннон, я выяснил, кто владеет пансионом.

Неужели! Я радостно вскрикнула:

— Правда? Кто?

— Жду в кафе, можешь приехать прямо сейчас?

— Да, еду.

Я торопливо натянула джинсовую курточку и схватила сумку. Спускаясь по лестнице, я поняла, что не хочу говорить эту новость другим женщинам. Среди всей этой лжи неясно, кто по какую сторону баррикад. Но какой бы придумать благовидный предлог для отлучки?

Предлог был готов, когда я вышла в холл. Марджери по другую сторону стойки клала телефонную трубку на рычаг.

— Звонили из Коттонхилла, — сказала она, заведя меня. — Полковник Хэмптон вернулся в город и готов вас принять.

Тут она увидела, что я одета, ремешок сумки перекинут через плечо, а в руках зажаты ключи от машины.

— Да, знаю, — соврала я. — Он только что звонил мне на сотовый. Я скоро вернусь.

И бросилась к выходу.

— Шэннон! — окликнула Мардж, когда я уже распахнула дверь. — Будьте осторожны.

Я кивнула, хотя нутро у меня похолодело от такой заботы, и вышла.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. МОНСТР

Дилан ждал меня у входа в кафе «Веселая чашка», нетерпеливо прохаживаясь по тротуару. Я невольно отметила, что мне хочется вздохнуть с облегчением, что вот он, человек, на плечи которого я могу переложить часть своих неприятностей, и даже рассчитывать на помощь. Он явно обрадовался, увидев мою машину, и я улыбнулась в ответ.

Он не дал мне выйти — сам быстро устроился на пассажирском сиденье.

— Привет! Как дела? Ничего не произошло?

— Столько всего, что даже не верится, что мы не виделись с прошлого вечера. Но сначала ты.

Он кивнул в сторону центральной части города:

— Поехали, я покажу. В мотель.

Я хотела кокетливо пошутить, но потом поняла, что вряд ли это будет хоть сколь-нибудь уместно.

— Как ты узнал, кто владелец? И ты скажешь мне, наконец, имя?

— Лили Саммерс, — ответил он и повернул голову, ожидая реакции. Но я только недоуменно нахмурила брови:

— Кто это?

— Сейчас расскажу. Подруга моей матери работает в юридическом отделе Городской палаты, именно она сказала мне имя владелицы. Она дочь полковника Хэмптона и вдова Берта Барлоу — сына мадам Белинды, который погиб в аварии чуть меньше года назад. Та женщина в черном, которую мы видели на кладбище. А вчера вечером она зашла в кафе пообедать. И я отправил Рона проследить за ней. Она остановилась в мотеле.

Я некоторое время молчала, переваривая информацию.

— Лили Саммерс. Она явно не в себе — несла какую-то чушь, что я хочу забрать ребенка, который живет в доме полковника. Если она сумасшедшая, это многое объясняет. Неизвестно, что еще пришло ей в голову. Но при чем здесь Садовник?

Теперь пришла очередь Дилана недоумевать

— Какой еще Садовник?

Я вкратце объяснила, что происходило этой ночью в пансионе. Дилан никогда не слышал об этой истории.

— Значит одна из постоялиц — его жертва, вторая — ее спасла, третья — об этом написала. И некто собрал их всех в гостинице явно не случайно, — задумчиво резюмировал он. Я молча ждала резонного вопроса. Дилан тут же его задал:

— А причем здесь ты?

В этот момент мы повернули на парковку перед невзрачным двухэтажным зданием и остановились. Но Дилан не торопился выходить из машины, ожидая ответа. Если он услышит правду, то вылетит из нее, как пробка из бутылки и будет бежать без оглядки. Потому что я — монстр.

— Не знаю, Дилан, — сказала я и посмотрела в его глаза со всей проникновенностью, на какую только была способна.

Мы не стали заходить в комнату администрации, потому что Дилан знал номер, в котором жила Лили Саммерс. Двери номеров смотрели на открытую галерею. Перед белой створкой с цифрой «6» Дилан остановился и взглянул на меня. Я нетерпеливо кивнула, и он

постучал.

Лили Саммерс открыла почти сразу и вежливо обратилась к Дилану, не заметив меня, стоящую чуть в стороне:

— Чем могу помочь?

Я сделала шаг вперед, и женщина поменялась в лице. Взгляд синих глаз словно поледенел, но я почувствовала, как между удивлением и холодной злостью в них промелькнул страх.

— Вы? — процедила она. — Что вам здесь нужно?

Раз она виновата во всей этой заварухе, то задавать вопросы буду я. Мягко отстранив Дилана, я подошла ближе и сказала:

— Мне кажется, нам многое следует выяснить.

Она не торопилась с ответом, измеряя меня взглядом, от которого я похолодела. Затем молча пригласила нас войти, распахнув дверь и сделав чуть заметный жест рукой. Мы вошли в неуютную, полутемную комнату с узкой кроватью, порванными жалюзи и лампой, накрытой желтым абажуром. Лили остановилась посреди номера, нерешительно взглянув на один-единственный стул, и развернулась к нам.

— Итак? Вы все-таки приехали сюда за моим ребенком?

О каком ребенке она постоянно твердит? Вроде, в истории Эдди-Садовника ни о каком младенце речи не заходило. Каким же боком Лили Саммерс со всем этим связана?

— Послушайте, Лили... — начала я осторожно. В сериалах именно так разговаривали с сумасшедшими — медленно и тихо. — Я вам обещаю, что расскажу все, что знаю о ребенке в Коттонхилле. Но ответьте мне сначала на один вопрос. Хорошо?

Услышав слово «Коттонхилл», женщина прижала руку к груди — совсем как в фильмах с Вивиан Ли 30-х годов. И у нее это получилось очень элегантно и естественно.

— Хорошо, — выдохнула она.

— Вы — хозяйка пансиона «Уайт Лилис Гроус»? — спросила я и вдруг поняла, что ответ на мой вопрос уже сказан названием. Изящная блондинка по имени Лили.

— Да, — кивнула она, глядя недоуменно. — Причем здесь пансион? Вы хотите получить его за ребенка? Берите, он не нужен мне. Я прямо сейчас расторгну договор аренды и перепишу все на вас!

— Договор аренды? — оживилась я, подлетев к Лили. Она отпрянула.

— Он перешел мне после смерти мужа. Я не умею управлять. Вы же там живете? Он вам понравился? Оставьте мне моего ребенка, и забирайте пансион!

— Кому вы отдали право аренды? — допытывалась я.

Она наморщила лоб:

— Не... не помню, как ее зовут. Эту женщину. Нужно позвонить агенту. Агент нашел ее, арендаторшу, — тут она резко вскинула голову:

— Как мой ребенок? Вы обещали объяснить!

Мы с Диланом переглянулись. Сказать мне было особо нечего, и я начала лихорадочно собирать в одну кучу те крохи информации, которые имела.

— Я была в доме вашего отца, полковника Хэмптона. Ребенок определенно там есть, и его тщательно скрывают. Я слышала его плач. Миссис Фитцпатрик, домоправительница, тут же выставила меня вон.

— Полковник распустил всех слуг, — выступил с подмогой Дилан. — О ребенке все знают, но его никто не видел. Ходят слухи, что он... какой-то монстр, с жуткими дефектами.

Я бросила на него страшный взгляд, мол, придержи язык! Но Лили смиренно опустилась на стул:

— Да, он то же самое говорил.... - прошептала она.

— Кто? — я опустилась перед ней на корточки.

— Мой отец. Сначала он сказал, что мой ребенок умер. Но я... я знала, что он жив! А отец — он чудовище, просто чудовище! — она расплакалась. — Подкупил всю больницу, или запугал! Все говорили, что я родила мертвого ребенка....

— Почему? Зачем полковнику — вашему отцу! — устраивать такое?

Она часто вздрагивала, утирая слезы маленьким платочком. Немного успокоившись, Лили рассказала свою историю. Она начала довольно банально:

— Я никогда не любила его.

КЭТРИН

Мардж принесла нам кофе и сказала, что Шэннон уехала по вызову полковника, чему мы были немало удивлены: разве изучение личных архивов не было всего-навсего приманкой? Марджери подлила масло в огонь:

— Темная история с этой пропавшей подругой. По-моему, не стоит доверять малышке Шэннон. Может, они все вместе подстроили, с этой... хм... Лже-Белиндой?

— А кто переставил мебель в комнате? — вспомнила вдруг Тэйлор.

— Я, — призналась моя спасительница. — Когда вы все уехали тем утром, я вытащила кровать из номера Шэннон, уволокла ее в соседний номер и обстрипала все так, будто комната эта — на одного. Представляю ее реакцию! — в голосе Марджери сквозило довольство, и Тейлор тут же присолила:

— Вот ведь подлость!

— Ну извините! — взвилась Марджери. — Я выполняла распоряжение начальства. Думала, что дальше психологического давления не пойдет!

— Пока и не зашло! — отчеканила мисс Эмери, отрубая каждое слово. — Но что-то нам от этого не легче.

Тут до нас донеслась телефонная трель, и я незаметно выдохнула. Не хочется мне, чтоб мы между собой поругались. Мои подруги по несчастью явно не доверяют Марджери, а я готова смотреть на нее щенячьими глазами за то, что она для меня сделала. Не дай бог придется выбрать сторону!

— Мисс Калверт, — позвала Мардж из холла. — Это вас!

Звонил доктор Тиммонс, я не пришла на прием. Забыла совершенно! А что, уже девять утра? В трубку я извинилась за прогул и спросила, могу ли я приехать вот сейчас, через полчаса. Он разрешил и был очень добр.

— Кстати, Кэтрин! — окликнула вездесущая мисс Эмери. Она уже стояла, опершись о стойку ресепшена, и слушала мой разговор. — В вашей сделке нет ничего подозрительного?

Я поняла, что не готова рассказывать о сеансах психотерапии.

— Да, точно, — медленно ответила я, будто что-то вспоминая. — Клиент был удивлен, когда я пришла к нему с предложением, и теперь, кажется, тянет время. Поеду, заберу макеты. К чему пустая трата времени, правда?

По дороге к доктору я думала о том, являются ли мои лечебные разговоры с психиатром инсценировкой. Не похоже. Может, узнав о том, что мне предстоит проверка на работе, наш мститель подогнал всех остальных под меня? Я поняла, что пытаюсь себя успокоить, невозможно так быстро организовать все, что с нами произошло. Мысль была на редкость

неприятной. Сегодняшний сеанс станет последним, я не позволю крутить собой, как марионеткой.

Об этом я сходу заявила доктору Тиммонсу, едва за мной закрылась дверь кабинета.

— Пришли последний раз? — спокойно повторил он, не меняя расслабленной позы. Я быстро села напротив, понимая, что не удастся просто сказать «пока, док!» и убраться восвояси.

— Объясните хотя бы мотивы своего решения.

— Я сегодня не спала всю ночь, — призналась я. — Я рассказала о том, что со мной произошло соседкам по номеру в гостинице. И поняла, что могу спокойно говорить и обсуждать это, точно сюжет фильма пересказывать, что могу взглянуть на ситуацию отстраненно, понять, что двигало Эдди. Я даже почти перестала его ненавидеть, — конечно, я лгала, но в то же время, восхищалась своей убедительностью. Черт возьми, эта поездка и впрямь изменила меня! С одной стороны, я стала более решительной, с другой — начала открываться и доверять людям.

— Воооот! — торжествуя поднял палец доктор. — Наконец-то, очевидный прогресс. Я вижу живого человека, а не спрятавшуюся в раковину улитку! Это прекрасно, Кэтрин! Вы приняли себя, перестали воспринимать себя, как жертву. Можно ли сказать, что это чувство не вернется? Как вы думаете?

Я старалась отвечать уверенно и спокойно:

— Думаю, да. Я чувствую себя вынырнувшей из вязкой топи и осознавшей, что мир вокруг меня не только враждебен, но и прекрасен. И мне не терпится наверстать время, которое я провела прячась от этого мира. Хочу сегодня уехать домой, в Трентон. Вы ведь напишете мне характеристику?

Он чуть улыбнулся:

— Ну я же обещал. Сделаем так: пока я буду оформлять ваши документы, вы напишете прощальное письмо.

— Вам? — удивилась я.

— Нет, той, прежней Кэтрин. А может, Ребекке? Решайте сами.

Он предложил мне устроиться на кушетке поудобнее, вручил тетрадный лист на планшетнике и синюю ручку. А сам уселся за рабочий стол.

Прощальное письмо, что за бред? Ладно, напишу, лишь бы отвязаться. Не терпится вернуться в пансион, интересно, что там выяснили Марджери и Тэйлор. Я строчила, не особо заботясь о содержании. В принципе, меня здесь больше ничего не держит, могу уехать хоть сегодня, и плевать, что там задумала эта Лже-Белинда! Но могу ли я бросить остальных? Да и жить спокойно, зная, что где-то есть человек — или даже несколько! — одержимые историей Эдди?

— Я закончила! — заявила я и протянула листок Тиммонсу.

— Минуту, я только распечатаю заключение. Распишитесь здесь. А письмо оставьте себе. И перечитывайте время от времени, если вами завладеют старые страхи.

ШЭННОН

— Ты уверена, что хочешь пойти одна? — Дилан вцепился мне в руку, сжав ладонь. Как будто на войну провожает, ей-Богу!

— Не хочу, но нужно одной, — ответила я, скрыв насмешку. Мы остановились у подъездной аллеи «Коттонхилла». Беседа с Лили закончилась ультиматумом. Я должна пробраться в дом, раз уж имею туда приглашение, и выяснить, что за «монстра» она родила.

А в ответ она скажет имя арендатора. Вовремя поняла, за какой информацией мы охотимся!

«Я никогда не любила его, — начала она.

— Кого? — тут же переспросила я. — Отца? Ребенка?

Она взглянула на меня, как на сумасшедшую.

— Да что вы! Разве можно не любить родного отца? И собственного ребенка?

Поверь, дорогая, очень даже! Но свои мысли я оставила при себе.

— Я говорю о своем муже, Берте Барлоу. Я не любила его и не хотела выходить замуж за этого человека. Нет, Берт был хорошим, очень достойным, но не моим, вот и все. У меня уже был возлюбленный.

Мы с Диланом переглянулись. Честное слово, я будто в романе одной из сестер Бронте. Так и сказала — «возлюбленный».

— Но отец и слушать не стал. Такова традиция наших семей, и точка. Мы на протяжении ста лет друг на друге женимся, — она хихикнула, как девчонка, но леди тут же взяла верх. — Кэйд Барлоу, сын Большого Берта, отца-основателя города, женился на моей прапрабабке, Лили Хэмптон. Сестре своего фронтового друга. Оттого и название пансиона понимаете? И этот обычай — обвенчать детей чуть ли не с колыбели. Мы с Бертом и до и после свадьбы были чужими. Я уехала в Атланту, он остался при матери. Она сильно болела, ну а мне не хотелось торчать возле умирающей старухи! — она тут же зажала рот ладонью и бросила на нас испуганный взгляд. Потом принялась уверять, что очень уважала мадам Белинду.

— В Атланте я встретила своего любимого, — продолжила она с мечтательной улыбкой. — Ничего не могло нас разлучить! Я призналась Берту, что люблю другого, заявила, что прошу развод. Отец звонил и грозил, что убьет меня, но муж отнесся с пониманием. Он был истинным джентльменом, бедный Альберт. Мы не успели развестись. По дороге в Атланту он погиб. Разбился. На встречную полосу выехал пьяный водитель. Он умер мгновенно — сказали мне. Не мучился. Вскоре я поняла, что беременна. Приехала в «Коттонхилл», чтобы поделиться счастливой новостью. Отец обрадовался. Убедил меня остаться до родов, мол, деревенский воздух мне полезен, да и в доме полно слуг, не следует мне напрягаться. Я послушалась, не хотела огорчать отца. Я так радовалась, что помирилась с ним! Думала, вот рожу ребеночка и познакомлю со своим избранником. Отец поймет и примет нас. Ведь Берт умер, и ничего другого не оставалось, правда?

Мой наблюдающий врач сказал, что следует делать кесарево, ибо при моем хрупком телосложении у меня слишком крупный плод. Когда назначенный день настал, отец привез меня в больницу. Он сам радовался, как ребенок, хотя и готовился стать дедушкой.

Но... когда я очнулась... О, боже!

Лили расплакалась. Продолжение было очевидным.

— Вам сказали, что ребенок умер? — нарушила я тяжкие рыдания.

— Я в это не верю! — горячо откликнулась она. — Позже пришел отец. Он сказал, что я родила чудовище. Что он отказывается от меня, я ему больше не дочь. Лишает меня наследства, и чтоб я не смела появляться в его доме. Не оскверняла порог.

Тишина повисла на долгую мучительную минуту. Что могло произойти, чтоб полковник стал так жесток к собственной единственной дочери?

Лили резко вздохнула, словно очнувшись.

— Я сдала пансион — наследство мужа — в аренду, и вернулась в Атланту. Вышла замуж за своего возлюбленного. Его зовут Дик. Ричард Саммерс, — она снова улыбнулась.

Даже звучание его имени вызывало у нее счастливую мечтательность.

— А потом мне позвонила одна девушка, из прислуги. Она приходила помогать миссис Фитцпатрик по дому трижды в неделю, была моего возраста, мы подружились. Она рассказала, что уже два месяца ее не пускают убирать верхние комнаты, а в последний раз она слышала плач младенца. Я навела справки через школьных подруг — оказывается, город кипит от слухов и сплетен: я родила монстра, которого мой отец держит в клетке на чердаке! — она горько рассмеялась. — Разумеется, я тут же примчалась в Пайнвуд! Но отец не пустил меня на порог и велел убираться из города. Я дождалась, пока отец уберется на свое любимое побережье и попробовала уговорить миссис Фитцпатрик. О, боже, каких оскорблений я только не услышала! Но она же и невольно подтвердила мои надежды, проболталась, что не видать мне «это чудовище», потому что ему уже подбирают подходящую семью. Как раз после этого разговора я вернулась в машину и долго плакала, а потом появились вы, — Лили уперлась в меня взглядом.

— Почему вы не остановились в пансионе? — повернула я разговор в нужное русло. Она рассеяно ответила:

— Таковы условия соглашения... Странно, конечно, но она заплатила наличными, за полгола вперед. И сказала агенту, что у нее пара настоятельных просьб: не разглашать ее имя и не приезжать в пансион, пока он у нее в аренде. Я совсем потеряла голову, когда увидела вас, выходящей из «Коттонхилла»! Проследила и решила снять комнату в «Уайт Лилис». Мне было плевать на эти дурацкие условия. Но не было комнат. Значит, пансион пользуется успехом? Пока Белинда болела, там все пришло в кошмарное запустение, брр! Грязь и паутина.

— Кто эта «она», миссис Саммерс? — осторожно ввернула я.

Лили уже открыла рот, но тут спохватилась.

— Зачем вам это знать?

Ой, дорогуша, твоя психика и так балансирует на грани, не нужны тебе еще и наши монстры!

— Кажется, нынешняя хозяйка — аферистка. Называет себя мадам Белиндой и превратила ваш пансион в дом на улице Вязов.

Лили смотрела на меня с недоумением, а потом рассмеялась.

— Не хотите говорить, но сами готовы всю подноготную у меня вычистить?

И поставила свой ультиматум.

Вспомнила я весь этот разговор уже под зарослями кизиловой аллеи, направляясь к дому полковника. Не мешало бы подумать о том, как пробраться на второй этаж под бдительным оком Коттонхилльского дракона.

Остановившись на подходе, я окинула дом взглядом — огромный. Выход один: под предлогом поиска туалетной комнаты «заблудиться» в коридорах и этажах. Тем временем, я уже стояла перед дверью. Мне открыли прежде, чем я нажала на кнопку звонка.

— Добрый день, мисс Галлахер! — возвестила дракониха.

— Миссис Фитцпатрик! — отпрянула я, удивленная.

— Я увидела вас из окна. Прошу.

Я зашла в уже знакомую прихожую и проследовала за домоправительницей в холл. Вот и лестница. Но миссис Фитцпатрик вела меня не на второй этаж, разумеется. Чуть дальше, сквозь раздвижные створки, виднелась гостиная — я была тут в предыдущий раз, когда показывала письмо.

— Придется подождать, — заявила миссис, указав мне на стул. Сама она осталась стоять столбом в чинной позе — со сложенными на черном переднике руками. — Мы думали, вы придете на два часа раньше.

Ой, уж прямо-таки два часа? Но я только неопределенно развела руками, глупо улыбаясь.

— К полковнику Хэмптону пришел врач. Он всегда приходит во вторник, до полудня. Вам придется немного подождать.

— О, разумеется! — с готовностью ответила я. Чуть помедлив, добавила:

— Такая жара, хотя нет еще и двенадцати. Я бы с радостью выпила что-нибудь прохладительное. Например, свежий лимонад...

Я старалась смотреть на нее со всем простодушием, на какое только была способна. Если завредничает, придется попросить напрямую — принесите мне хоть стакан воды. И за это время сгонять наверх, лестница-то вот она, напротив, через коридор. Она смерила меня таким взглядом, что умирай я и впрямь от жары — махом бы освежилась.

— Конечно, — процедила она и умелась из гостиной. Подкравшись к дверям, я прислушалась: шаги стихали в глубине дома, и я бросилась наверх, перескакивая через ступени. Резиновая подошва кроссовок пружинила и словно подкидывала меня. О, боги, сколько же здесь дверей! Я, влетев как на крыльях на второй этаж, растерянно остановилась. Придется заглядывать в каждую.

Но тут я заметила, что дверь ближайшей из комнат приоткрыта. Конечно, если они держат ребенка, слуг повыгоняли, и все заботы на плечах Фитцпатрик, то детская не должна располагаться слишком далеко. Логичнее вообще устроить ее где-нибудь на первом этаже, но это слишком рискованно. Между тем я уже заходила в комнату.

Ничего не говорило о присутствии тут ребенка. Ни обоев со сказочными персонажами, ни игрушек, ни облачков из ваты. Ничего, кроме пеленального стола со строгой стопкой белых простынок и колыбели.

Я осторожно подходила ближе, внутренне готовясь увидеть уродливое создание. Рассказ Лили навел меня на одну мысль: генетический груз. Мутация, которая случается при близкородственном скрещивании. Если Хэмптоны и Барлоу постоянно женились друг на друге... О, Господи!

Я заглянула в колыбель.

Лили ошиблась.

Ребенок не был девочкой.

Явно мальчик. Судя по голубому комбинезону. Крепкий. Здоровый, судя по всему. Раскинув в сторону ручки-ножки, он спал, сопя аккуратным носиком.

Абсолютно нормальный чернокожий малыш.

Я успела слететь вниз, на первый этаж и даже почти выбежать из дома. Но меня окликнула Фитцпатрик:

— Мисс Галлахер? Куда же вы?

Я оглянулась, виновато улыбаясь:

— Срочный звонок. Мне нужно.... - что же мне нужно? Ехать в университет? Встретиться с профессором? Что может быть важнее полковника, ради которого я приехала? — Простите, я приеду позже, обязательно!

Выбегая за порог, я подумала, что помедли я хоть немного, стакан с лимонадом полетел

бы в мою голову.

Я неслась по аллее, как ошпаренная. Быстрее сообщить все Лили и узнать имя! Я чувствовала, как покалывает ладони и ступни от волнения — разгадка близка!

Я увидела, что Дилан развернул машину в сторону города и уже включил зажигание. Плюхнувшись на пассажирское сиденье, я едва успела закрыть дверь, как тачка сорвалась с места. Я удивленно взглянула на Дилана, который заорал:

— Он гонится за тобой?!

Машину швыряло по пустой дороге, как щепку в бушующем море. Дилан вцепился в руль и гнал, как ненормальный.

— Кто? — воскликнула я.

— Ребенок-монстр!

Я расхохоталась, согнувшись пополам. Удивленный Дилан сбросил скорость, потом и вовсе остановился. А я смеялась и смеялась, даже не пытаюсь успокоиться, где-то подсознательно понимая, что смех мой вот-вот перейдет в истерику.

— Ты бежала, что я мог еще подумать? — обиженно бубнил Дилан.

— Что за мной мчится полковник с ружьем, Фитцпатрик с миксером, но не ребенок-монстр же!

Я выдохнула, немного успокоившись. И велела ехать в мотель.

— Ты его видела или нет?

— Видела, видела!

— У него хвост, да?

— Дилан, он совершенно здоровый, хорошенький малыш. Чернокожий.

— Что?! — парень смотрел на меня круглыми глазами. — Но Берт Бардлоу — белый! Черт, я же знаю!

— Значит, ребенок не от Берта Барлоу.

— Понятно! Думаешь, этот Дик Саммерс, ее нынешний, черный? Ясно, почему полковник так отреагировал! Он же их тех старых перечников, которые наряжаются в траурный костюм в день падения Викасберга! В Коттонхилле на заднем крыльце — флаг Конфедерации.

Да, мне тоже стало все понятно. Полковник — мастодонт, человек старой закалки, каждый год 4 июля переживающий поражение южан в Геттисбергской битве. То, что его единственная дочь спуталась с чернокожим, стало для него ударом.

— Знаешь, это не наше дело. Пусть сами разбираются. От Лили нам нужно только имя.

И мне кажется, я его уже слышу. Просто боюсь признаться самой себе.

КЭТРИН

Когда я вышла из такси, время приближалось к полудню. Я пообедала в городе, здраво рассудив, что Марджери было не до готовки, и даже захватила с собой пару сэндвичей для Тэйлор. Несмотря на те странности, которые с нами происходят, мне хотелось обнять весь мир, творить добро и всем улыбаться.

Женщин я нашла в гостиной, они пили чай, а Тэйлор что-то писала в блокноте.

— А, Кэтрин! Вот и вы! Присаживайтесь, мы тут составляем список тех, кто был связан с Эдди Вудоллом. Вы знаете имя его жены? Он же был женат, мы об этом совсем забыли.

Я не помнила, как ее звали.

Тэйлор обрадовалась сэндвичам и горячо поблагодарила меня.

— А детектив, который вел дело, его фамилия была Райли или Браун? Черт, вот бы мне

сейчас мою книгу! Но в местном книжном ее нет, я успела съездить! И интернет-кафе закрыто, у них какие-то проблемы с провайдером.

Я вдруг почувствовала страшную усталость. Боже, мы ведь не спали всю ночь! Видимо, до этого мои силы поддерживали адреналин и напряжение, а теперь я успокоилась, расслабилась и мой мозг попросту выключался. Но не могла же я завалиться спать, когда все заняты расследованием!

— Они оба были в этом деле, — ответила я на вопрос Тэйлор. — Его вел детектив Райли, а Браун — это агент ФБР. У него был напарник.

Я чувствовала, что буквально валюсь с ног.

— Давайте так: я приму душ, спущусь и помогу вам со списком.

Горячий душ меня взбодрит, проверено.

Тэйлор махнула рукой:

— Конечно, дорогая, идите, мы подождем.

На ватных ногах я поднялась на второй этаж и открыла дверь своего номера. Подошла к трюмо, положила на него сумочку и папку с заключением доктора Тиммонса. Посмотрела на свое сонное отражение и буквально окаменела от ужаса.

Он стоял прямо за мной. Призрак женщины в черном платье с белым пятном лилии на груди.

Призрак стремительно приблизился, и в следующую секунду я почувствовала на шее шершавую веревку. Горло сдавило. Я хрипела, пытаюсь оттянуть удавку. Страшная боль. Я слышала, как хрустнули горловые косточки и поняла — это конец. Пыталась ударить душившего меня призрака, но смогла лишь вскинуть руки. Последнее, о чем я подумала — как же мы сразу не поняли. Все буквально лежит на поверхности.

Глаза заволкло красным туманом.

Я вырывалась из своего подвала навсегда.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТЬ. ХОЗЯЙКА ПАНСИОНА

ТЭЙЛОР

Все мы здесь умрем. Я уже не сомневаюсь в этом. Собираю вещи, но не верю, что этот дом даст мне уехать. Мы привязаны к этому месту точно веревками. На одной из них сегодня повесилась Кэтрин.

Утром, когда они с Шэннон уехали каждая — по своим делам, мы с Марджери уселись в гостиную на первом этаже и принялись обсуждать версию за версией. Для начала я попросила Марджери принести телефон, на который лже-мадам присылала ей сообщения. Я прочитала их все — распоряжения, где расселить каждую из нас, что ответить и как себя вести.

«Они захотят посмотреть подвал — покажи».

«Пригрози Шэннон, что раскроешь ее прошлое».

«Будь бдительна этой ночью!» — последнее, что она написала.

Теперь номер был недоступен. Марджери написала: «Жду дальнейших указаний» — но отчет о доставке так и не пришел.

— Мне всегда казалось, что она где-то рядом, и что она так хорошо вас знает, что предугадывает каждый шаг, — пробормотала Мардж. — Но теперь я не сомневаюсь, что она не просто рядом, а буквально где-то здесь.

После этих слов мы пошли осматривать первый этаж. Комната Марджери была в конце коридора, тянущегося из холла вглубь дома. Рядом — просторная кухня, отлично обустроенная современной техникой. Из кухни задняя дверь вела в лес. Вторая дверь — в довольно запущенную подсобку. Видимо, во времена былой популярности, когда в пансионе было много посетителей, здесь хранились запасы продовольствия. Теперь все полки и лари покрылись пылью и паутиными зарослями. Тут же расположился ряд моек и стиральная машина. Пройдя сквозь строй стеллажей, мы уперлись в перегородку. К нашему изумлению, за ней начиналась узкая лестница с высокими ступенями. Марджери клялась, что не знала о ее существовании, и вообще не заходила сюда. Стиралка, — более новая! — стоит и в кухне.

— Ну в принципе, наличие лестницы логично. Если в гостинице жило много постояльцев, должен быть черный ход для персонала.

Мы поднялись на два пролета и уткнулись в тонкую деревянную дверь. Я повернула круглую ручку, и дверь отворилась. Мы оказались в коридоре второго этажа. С обратной стороны дверь была оклеена обоями, что делало ее на фоне стены совершенно незаметной.

— Вот как она перемещалась незаметно для нас... — пробормотала я, оглядывая дверь. — При таком количестве выходов: из кухни, из гостиной и парадный — она могла приходиться в дом с любой стороны.

Мы вернулись в гостиную по обычной лестнице. Осознание, что по черному ходу ходила сумасшедшая мстительница, вызывало жуткое чувство.

Марджери тоже было не по себе — дрожащим голосом она предложила выпить чаю. Я была бы не прочь и позавтракать, о чем не преминула сказать. Марджери притащила засохший кекс, заявив, что в город за свежей выпечкой ей было ездить недосуг, а заказать продукты в местном магазине она забыла. Пришлось довольствоваться чаем.

— Нужно составить список.

— Какой список? — не поняла Мардж.

— Не знаю. В любой непонятной ситуации я составляю список. Мы можем перечислить все, что с нами произошло, все странности. Все, что мы помним об истории Эдди. Всех, кто может иметь отношение к этой истории.

— Давайте попробуем.

Марждери притащила с ресепшена блокнот и ручку, я раскрыла на чистой странице и написала: «Список № 1. Произошедшие события:

1. Исчезновение Лекси;

2. Кэтрин толкнули в подвал;

3. Мне подбросили платье в шкаф;

4. Выяснилось, что Белинда Барлоу умерла, и кто является хозяйкой пансиона — не понятно;

5. Я вижу женщину в черном платье в подвале;

6. Выясняется, что нас троих связывает история Эдди-Садовника (какое отношение к этому имеет Шэннон — не понятно)».

— Вот это, кстати, хороший вопрос! — заявила Мардж, читая мой список с другой стороны стола.

— Возможно, цель — Лекси? — размышляла я.

— Но мадам ясно дала понять, что хочет наказать Шэннон. Она назвала ее предательницей, — напомнила Марджерри.

— Она вам много чего говорила, — отмела я. — Черт его знает, что из ее слов — правда, и какова ее истинная цель. Кто же эта мадам? Единственное, что приходит мне в голову — это подражатель. У серийных маньяков, если они к тому же растиражированы и пропиарены прессой, появляется куча поклонников. Самые отчаянные пытаются повторить преступления, следуя почерку своего кумира.

— Но то, что происходит с нами, не похоже на... как вы сказали?.. Почерк Эдди-Садовника.

Я была вынуждена признать, что теория с подражателем слабовата.

— За что она нам мстит? Может, за жертв Эдди? Родственница какой-нибудь из них? Горе сводит людей с ума и толкает на необъяснимые поступки.

— Напишите все эти версии, — кивнула Мардж на блокнот.

Когда мы взялись перечислять всех, кто каким-то образом фигурировал в этой истории, вернулась Кэтрин. Я рада была ее видеть — она самый ценный свидетель всей этой истории. К тому же, она захватила вкуснейшие сэндвичи с тунцом.

Покуда Кэтрин принимала душ, мы, наконец-то, позавтракали. Это заметно приободрило. Марджерри вспомнила, что не осмотренной осталась сторожка садовника — мистера Дэша. От упоминания этого имени я даже подпрыгнула:

— Кстати об этом жутком типе! Что о нем известно?

— Ой, ну что за шаблоны! — проворчала Мардж. — Он безобидный старик, да, вид у него, как у привратника дома с привидениями, но по-моему, он совершенно не при чем.

— Его наняла Белинда?

Она пожала плечами:

— Кажется, он служил еще старым хозяевам и остался приглядывать за домом. Насчет него никогда не было никаких указаний. Он во всем этом не участвовал.

Я хмыкнула:

— А пансион, по-вашему, не дом с привидениями? Одного призрака я здесь точно

видела!

Марджери промолчала. Думаю, она чувствует себя виноватой перед нами за то, что невольно оказалась соучастницей мадам. И это правильно.

— Одного не могу понять... — сказала она. — Как эта Лже-Белинда узнала, что я — это я? Как?

Ответа на этот вопрос у меня не было. Как и на множество прочих.

— Что-то Кэтрин долго не возвращается, — заметила я. — Надо бы закончить со списками и пойти осмотреть сторожку... Кэтрин! — закричала я, для пущей верности задрала голову к потолку.

— Может, спать легла? Вид у нее был, мягко говоря, не бодрый.

— Не время спать! — возвестила я и встала из-за стола. — Заодно переоденусь, такое чувство, что от блузки воняет болотом.

Дверь в номер Кэтрин была открыта. Я остановилась в коридоре, ожидая, что она сейчас выйдет — забыла, наверное, что-то, вернулась в комнату. Но изнутри не доносилось ни звука. Я приблизилась. Сквозь приоткрытую створку мне было видно зеркало — круглое, в черной раме. На комодe под ним лежала сумочка, к ней был прислонен лист бумаги — она нам записку оставила, а сама куда-то смоталась, что ли? Я распахнула дверь.

Кэтрин не уехала. Она осталась навсегда в этом странном доме, осталась его призраком, страшной легендой.

Ее тело свисало с потолочной балки, а на комодe перед зеркалом лежала прощальная записка.

ШЭННОН

Она ждала нас. Мне кажется, с той минуты, как мы с Диланом ушли из ее номера в старом мотеле, она не сдвинулась с места — так и осталась стоять посреди комнаты, обхватив себя за предплечья. На наш стук она ответила:

— Войдите.

Когда за нами закрылась дверь, она нетерпеливо бросилась ко мне:

— Ну? Мой ребенок там? Ты его видела?

Я кивнула, не зная, обрадует ли ее моя новость или огорчит.

— Он не монстр, — поспешно ответила я, желая ее успокоить. — И это мальчик. — Я невольно улыбнулась. Лили вскрикнула:

— О, Боже! — и дала волю слезам, припав к моему плечу. Пришлось обнять. Дилан неловко мялся у двери, и когда я оглянулась на него, он кивнул в сторону двери, мол, можно ему выйти? Я сделала страшное лицо: только попробуй!

— Но почему же отец так поступает со мной? — Лили между тем немного успокоилась. Я собралась с духом:

— Он чернокожий.

Повисла секундная тишина. Лили, отпрянув, смотрела на меня круглыми глазами. Неожиданно она рассмеялась, да так радостно, что у меня отлегло от сердца.

— Это ребенок Дика! Боже, какое счастье!

И рассказала нам: да, ее нынешний муж черный, она не могла признаться в этом отцу, справедливо предполагая, что полковник никогда не примет ее избранника.

— Я так устала от этих предрассудков! Все детство я слушала о корнях, семейных ценностях, традициях края, судьбе Юга! Ненавижу этот штат, и собственный родной дом! С Диком я познакомилась во время учебы в колледже, в Атланте. Он был как глоток свежего

воздуха — такой свободный, без чванства, напускной манерности и лицемерной лести. Но я уже была — как там выражался отец? — обещана Берту Барлоу. Словно я ваза какая-то или картина, ей-Богу!

Она ходила по комнате, вываливая все свои детские обиды и разочарования.

— Теперь все будет хорошо, — твердо сказала она. — Я ни за что не отдам своего ребенка. Мне нужно позвонить Дику, — она бросилась к столику и схватила мобильный телефон. Казалось, о нашем присутствии было благополучно забыто.

— Лили! — остановила я ее. — Ваша очередь оказать нам услугу. Вторая часть сделки, помните?

Она кивнула:

— О, конечно! Я позвонила риелтору, чтоб убедиться. Вот, записала имя.

Вырвав листок из записной книжки, она протянула его мне. Я взглянула.

Как же мы сразу не поняли. Все ведь буквально лежит на поверхности.

На бумажном клочке дрожащая рука Лили нацарапала: «Аманда Вудолл».

ТЭЙЛОР

Самоубийство? Черта с два!

Я смотрела на сидящего передо мной полицейского и едва сдерживала желание вцепиться ему в рукава форменной рубашки и хорошенько потрясти.

— Она не выглядела как человек, который поднялся в комнату за тем, чтоб через секунду повеситься, — в сотый раз повторяла я.

Этот неудачник с изрытой оспой мордой пожал плечами:

— Ваша подруга сказала, что мисс Калверт казалась уставшей и потерянной.

— Но когда человек устает, он ложится поспать, а не лезет в петлю! — грохнула я. Коп поморщился:

— Послушайте, мисс Эмери. Моя жена ваша большая поклонница, все книжки прочитала. Я знаю, что вам везде мерещатся маньяки и убийцы.

С невозмутимым видом строча рапорт, он продолжил:

— Вы намекаете на убийство, но тогда под подозрением окажетесь вы и домоправительница. Кто еще мог быть в доме?

— Вы понятия не имеете, что тут происходит! — злобно прошипела я и поднялась из-за стола.

— Не оставите автограф для жены?

— Нет! — буркнула я, а он все не унимался:

— К тому же, записка, мисс Эмери. Она написала предсмертную записку.

Да, мы ее читали. Как и заключение психиатра, доктора Тиммонса.

Когда я увидела ее, висящую, то заорала громче, чем тогда, в подвале. Марджери прибежала, прыгая через ступеньки. Она проявила больше самообладания, чем я. Тут же бросилась в ванную, нашла ножницы, вскочила на столик и перерезала веревку. Но Кэтрин уже ничего не могло помочь — ни наши причитания, ни мои молитвы, ни неумелые попытки оказать первую помощь.

Когда приехала «скорая» и тело несчастной мисс Калверт окружили санитары, я вспомнила о записке.

«Сегодня я хочу попроситься со всем, что было в моей жизни — плохим и хорошим. Вообще-то, хорошего было мало. Так или иначе, это все теперь не имеет значения, потому что меня больше нет. Я хочу стереть с лица земли Ребекку Фолкнер, да и Кэтрин Калверт

тоже. Ненавижу их обеих — слабых и позволивших сотворить с собой такое. Прощайте!».

А рядом, в строгой коричневой папке, лежало заключение психиатра, говорившее о том, что Кэтрин Калверт прошла реабилитационный курс и успешно завершила его. Подписал доктор Роберт Тиммонс.

Она снова нас обманула — не было никакой сделки. Она здесь лечилась у психиатра.

— Может, она сама все устроила? — шептала мне Мардж, когда мы вместе наблюдали, как тело Кэтрин вывозят в черном мешке из номера. — А когда поняла, что мы близко подошли к разгадке, покончила с собой?

— Все это очень странно, — пробормотала я скорее сама себе. — Как-то не вяжется с общей картинкой.

— Почему? Она не ожидала, что вы узнаете ее.

— Зачем ей это делать? Если не хотела быть узнанной, то почему тыкала нас носом в историю Эдди? Зачем эти платье и подвал? Не знаю... Нужно позвонить Шэннон. Надеюсь, она в безопасности.

Шэннон потеряла дар речи от такой новости, сказала, что скоро приедет в пансион и заверила, что будет осторожной.

— Неужели эта маньячка, Лже-Белинда, прокралась на второй этаж и все обстряпала так тихо, что мы не услышали?

Мне нечего было ответить. Я могла только беспомощно наблюдать, как полиция замечает дело под самоубийство.

Вскоре дом затих. Мы сидели все там же — за столиком в гостиной, словно ничего не произошло. Словно и не жило на свете несчастной Ребекки Фолкнер, поплатившейся жизнью за то, что в нее влюбился неуравновешенный псих.

— Я, пожалуй, завтра утром уеду. Все это слишком далеко зашло.

— Бросаете нас? — ошеломленно спросила Марждери. Я почувствовала легкий укол совести.

— Вас здесь никто не держит.

— Мне некуда ехать, — отрезала Мардж. — Да и Шэннон не оставит свою Лекси.

— Уже давно пора обратиться в полицию по поводу ее пропажи. Вы же теперь не пытаетесь выставить мисс Галлахер сумасшедшей и признаете, что Лекси действительно сюда приехала три дня назад.

Марждери пожала плечами:

— Разумеется. Только, по-моему, не очень-то Шэннон жаждет иметь дело с полицией.

— Вы снова включили свою пластинку? Эта девочка и мухи не обидит!

— Не сомневайтесь, вы от нее оччень многого можете не ожидать. У меня нюх на всякие темные истории.

— И где был ваш нюх, когда Белинда — или кто она там! — вас завербовала? — я предостерегающе закрылась рукой, когда Мардж выкатила глаза и набрала побольше воздуха, дабы выдохнуть на меня поток оправданий: — Давайте оставим этот разговор!

Она тут же сдулась. Глаза неожиданно наполнились слезами:

— Мне жаль Кэтрин. После того, как я узнала, что она — та самая Бэки Фолкнер которую я спасла, я чувствую себя ответственной за нее. И вот... - она не смогла договорить.

— Так... — прошипела я, поднимаясь. — Не могу больше тут сидеть. Где-то же в этом чертовом городишке должен быть вай-фай!

Я поднялась на второй этаж, зашла к себе, стараясь не глядеть на распахнутую дверь

номера Кэтрин, и, спустя минуту, уже подходила к машине.

После долгих кружений по центру этого захолустья, когда я уже устала объяснять библиотекарше, бармену в ресторане, механику на мойке и Бог знает какой еще куче народу, что такое «вай-фай», я наконец, припарковалась у кофейни «Веселая чашка». Что за дурацкое название!

За пять баксов прыщеватый малый с торчащими в разные стороны рыжими вихрами дал мне пароль, и я устроилась за самым укромным столиком. Забаррикадировавшись кофейными причиндалами, я открыла нетбук и погрузилась в прошлое. Странная штука современная жизнь: прошлое доступно нам только благодаря технологиям будущего!

Через три чашки с кофе и один бокальчик полусухого, я, скача по перекрестным ссылкам, открыла, наконец, сайт окружного суда штата Алабама, долго копалась в разделе пресс-службы и... нашла, наконец-то. И не могла поверить собственным глазам. Тупо перечитывала строчку за строчкой, пытаюсь унять пляску мыслей в собственной голове.

«17 июня этого года в Исправительном учреждении Холмана был приведен в исполнение смертный приговор в отношении Эдварда Вудолла...».

А на следующий день пансион открыл свои двери.

Нет, нам мстят не за жертвы. Нам мстят за самого Садовника.

В реальность меня вернул телефонный звонок. Взглянув на экран мобильного, я увидела незнакомый номер.

— Слушаю.

— Тэйлор Эмери? Это помощник шерифа Поллак, полиция Пайнвуда. Не затруднит ли вас подъехать в наше отделение? Выяснились дополнительные обстоятельства, касающиеся смерти Кэтрин Калверт. Нам нужна ваша помощь.

Я зачехляла нетбук, чувствуя смятение: уж слишком вежливым был этот помощник Поллак! Справившись у стойки, где тут отделение полиции, я убралась из кафе под недоуменными взглядами рыжего бармена.

До участка можно было и не ехать — он оказался буквально за углом. Что еще ожидать от провинциального городишки? За стеклянной дверью располагалась стойка диспетчера. Молодая девица указала мне на дверь в глубине большого холла. Пройдя мимо пары столов, на которых сидели, попивая кофе из бумажных стаканчиков, полицейские, я постучала в створку распахнутой двери с надписью «Шериф». В кабинете находились трое: шериф, его помощник и нервный господин в мятом пиджаке и галстуке, съехавшем набекрень.

— А, вот и вы! Благодарю, что приехали так быстро! — обратился ко мне блондинистый красавчик с широкими плечами — помощник Поллак. — Прошу, проходите. Вот сюда.

Я оказалась по другую сторону стола, за которым сидел помятый мистер.

— Вот, мистер Паркер, — обратился к нему шериф. — Узнаете эту леди?

— Что происходит? — пробормотала я. Но никто не удостоил меня ответом. Между тем, мистер Паркер оттянул галстук и отрицательно покачал головой. Я тоже не знала его.

— Это Тэйлор Эмери, — услужливо, почти нежно, подсказал ему помощник. Мистер в кривом галстуке недоверчиво взглянул на него, потом на меня и твердо пришиб:

— Нет.

Я так опешила, что в какую-то секунду засомневалась сама. Потом меня охватила легкая паника. Шэннон чуть из кожи вон не вылезла, доказывая, что приехала в Пайнвуд с подругой! Как мне убедить их, что я — Тэйлор Эмери? Потом немного попустило: боги, у меня в сумочке лежат права, мое фото красуется на всех моих книгах! Уж доказать, кто здесь

Тэйлор Эмери я могу! Но каково, а? Любые здравые аргументы разбираются об уверенно «нет»! Положи на одну чашу весов «да», а на другую «нет», вторая перевесит просто в силу упертости. Потому что мы привыкли говорить «нет» всему в мире.

Между тем, вкрадчивый голос помощника гипнотизировал несчастного мятого господина:

— То есть, не эта леди заплатила вам за то, что вы отправили Кэтрин Калверт на терапию к доктору Тиммонсу?

— Нет, — снова тяжеловесное и непоколебимое.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Та старше и полнее, и светлее.

— Светлее?

— Да, эта брюнетка, а та была со светлыми волосами, и щеки у нее круглее, да и сама она...

— В общем, полная противоположность.

— Да.

В этот момент шериф — темноволосый латиноамериканец с хищным выражением лица — шарахнул кулаком по столу так, что я подпрыгнула на месте:

— Ну хватит! Выдумали какую-то мистическую бабенку и пытаетесь обвести нас вокруг пальца? Вам Тиммонс заплатил? Хотел вернуть себе имя и практику?

Помощник взял меня за локоток и вывел в большую комнату, закрыв за собой дверь.

— Что, черт возьми, происходит? — лепетала я, пытаюсь взять себя в руки. Помощник Поллак усадил меня на стул.

— Этот человек — Аарон Паркер — босс Кэтрин Калверт. А девушка-то, кстати говоря, с двойным дном...

— Знаю.

— Знаете? — он впился в меня взглядом, как охотник в зрачок прицела. Ох ты ж черта лысого!

— Да, мы подружились за то время, что жили в пансионе. Она рассказала, кто она и через что прошла. Тем ужаснее ее смерть. И нелогичней. Я написала с полсотни книг о серийных убийцах и их жертвах. Те, кому удалось избежать смерти, начинают ценить жизнь так сильно, как неведомо нам, простым обывателям.

Поллак пожал широкими плечами — слово горами двинул:

— Вы не все знаете. Возможно, ей помогли.

Да неужели! Если они думают, что это убийство — значит, им известно о той чертовщине, которая творится в пансионе? Боже, каким облегчением будет рассказать обо всем полиции, без риска сойти за сумасшедшую!

— То есть, Кэтрин Калверт убили? — осторожно спросила я.

— Не совсем, — ответил он. — Пойдемте, покажу вас еще одному субъекту.

Я беспрекословно последовала за блондинчиком. «Покажу вас» — что бы это значило? На противоположном конце комнаты находилась еще одна дверь. «Комната для допросов» — гласила табличка. Поллак галантно пропустил меня вперед.

В строгом помещении без окон, с одним столом посредине и парой стульев по обе стороны находился человек. Он напомнил мне профессора политологии в моем колледже — безупречный, о натянутый, как только что отрегулированная гитарная струна. В идеальном костюме, волосы напомажены, как у... прости-Господи, я не страдаю гомофобией. Но

мужчина, сидящий за столом, казался в высшей степени неприятным.

— Вы узнаете эту женщину? — спросил помощник, а я ощутила себя лошадью на ярмарке. Мужчина бросил на меня быстрый взгляд:

— Мисс Тэйлор Эмери, я полагаю.

— Это она обратилась к вам с просьбой провести терапевтический курс для Кэтрин Калверт?

— Что?! — возмутилась я, но помощник сделал мне знак молчать. Поджарый мистер усмехнулся:

— Разумеется, нет. Когда та дама представилась мисс Эмери, я знал, что она лжет. Я читал книги Тэйлор Эмери — я же все-таки психиатр. И знаю, как она выглядит. Решил, что женщина хочет скрыть свое имя, чтобы не смущать меня. Это дама лет пятидесяти пяти, полная, светловолосая. И, пожалуй, на целый фут ниже мисс Эмери. Настоящей, я имею в виду.

Тут я уже не выдержала. Я что, образец для сравнения, что ли? И кто это козыряет моим именем?

— Помощник Поллак! — воззвала я. — Немедленно объяснитесь!

Глист в отутюженном костюме усмехнулся. Поллак даже не потрудился вывести меня из кабинета:

— Перед вами — доктор Роберт Тиммонс. Психиатр, лишенный лицензии за доведение пациентки до самоубийства. Это было два года назад. Он потерял практику, кабинет в Атланте и приполз сюда, как побитый пес, — блондинчик, опершись о стол, уничижающе бросал слова в лицо доктора. — Сидел тут тихо, мирно до сегодняшнего дня. Вы обманули доверие клиента. Вас лишили права практиковать, но вы все равно согласились проводить сеансы с Калверт. И что мы имеем, док? Еще одна повесившаяся пациентка?

С каждым словом Тиммонс мрачнел. Он явно пытался сохранить самообладание, но не мог: горечь, злость, отчаяние — все эти чувства маршем прошли по его лицу. Наконец, он вскочил:

— Она не должна была покончить с собой! Мы достигли огромного прогресса! Пригласите эксперта — я покажу записи, и он вам подтвердит! Я не вогнал ее в депрессию! В прошлый раз... это была врачебная ошибка. Неудачный эксперимент.

— Это вы заплатили Паркеру за то, чтоб он прислал вам мисс Калверт? — наседал блондинчик. — Хотели вернуть себе доброе имя, да не вышло?

— Нет! — рубил доктор. — Это была женщина. Она назвала себя Тэйлор Эмери. Не думаю, на самом деле она была матерью Ребекки — Лизой Фолкнер, которая хотела вернуть себе дочь.

Я, замерев у двери, слушала в оба уха.

Нет, дорогой док. Лиза Фолкнер умерла три года назад. К тебе обралась другая мать, тревожившаяся за своего ребенка.

Наконец, вспомнив о моем существовании, помощник Поллак вывел меня за дверь.

— Настоятельно прошу вас не распространяться о том, что слышали здесь.

— Эта женщина представляется моим именем.

— Мы знаем, что вы здесь ни при чем. Нет никакой женщины. Тиммонс решил вернуть себе доброе имя, вычислил подходящую пациентку, заплатил этому мерзавцу Паркеру, а в случае провала они договорились сослаться на какую-то мифическую леди с книжным именем.

И по счастливому совпадению эта леди оказалась у вас под носом. Я поняла, что мне трудно будет достучаться до дуболомов вроде Поллака.

А Лже-Белинда, похоже начала действовать решительно. Время полунамеков прошло. Нужно лететь в пансион и предупредить всех: пора бежать из этого места!

ШЭННОН

— Ты уверена, что хорошо себя чувствуешь? — спросил Дилан в сто первый раз. Мне хотелось ответить: неееет! И зареветь, уткнувшись ему в плечо. Я не могла смотреть в его участливые синие глаза, хотя он так настойчиво заглядывал в мое лицо.

Звонок Тэйлор застал нас в кофейне, где я рассказывала Дилану о своем прошлом. Скрывать больше не было смысла. Плевать, что меня ждет, пора идти в полицию и вскрывать карты. А на руках у меня далеко не «флеш-рояль», и даже не «пары». Вот бы Лекси просто оказалась сейчас в нашей комнате в пансионе! Я бы сразу отправила ее домой, а сама осталась навсегда здесь — или чего там хочет эта женщина? Чтоб я умерла? Во всем призналась? Называлась настоящим именем? На все согласна, лишь бы это поскорее закончилось!

— Ну уж нет! — Дилан накрыл ладонью мою руку. — Не говори ерунды! Ты не умрешь. Я не позволю.

Я подняла глаза, и взгляды наши завязались в такой крепкий узел — топором не разрубить.

— Ты не в чем не виновата, — заявил он так безапелляционно, что я поверила и улыбнулась.

— Мне пора в пансион. Нам нужен какой-то план.

— Тебе нужно собрать вещи и переехать ко мне, — тут же придумал он. — В этой гостинице оставаться небезопасно.

Я подумала о том, каково будет приехать в этот мрачный дом, живущий собственной жизнью — а время было только за полдень! — и находиться там час за часом, прислушиваясь к скрипу половиц и шуму ветра в ветвях охраняющих пансион деревьев. Сидеть и ждать встречи с ужасным призраком. Лучше уж в полицию. И если меня не возьмут под арест, то пожить у Дилана, пока не найдется Лекси. А она найдется! Аманде Вудолл Лекси ни к чему.

— Хорошо. Я поговорю с Тэйлор и Марджери, соберу вещи и поедем в полицию. Я расскажу о Лекси и обо всем, что произошло.

— Я пока подготовлю тебе комнату. Займешь мою, а я перекантуюсь на чердаке. И маман тоже подготовлю...

Я почти улыбнулась и хотела начать отказываться: мол, не хочу причинять тебе неудобств и все такое, но передумала. Все, чего я сейчас хотела — так это не расставаться с синим участливым взглядом Дилана.

Договорившись созвониться, когда обе стороны будут подготовлены, мы расстались.

В пансионе меня встретила Марджери, казалось, она была рада меня видеть. Она начала рассказывать о том, что произошло, пока я находилась в городе. А мне не терпелось броситься наверх, собирать вещи. Еще и Тэйлор запропастилась в городе! Не хочу убежать, не объяснившись.

— Пойду переоденусь, — сказала я, мечтая оказаться под присмотром Дилана и улечься спать в комнате, пропахшей его одеколоном.

Дверь в комнату Кэтрин была приоткрыта. Я заглянула внутрь: обрезанная веревка все

еще свисала с потолочной балки, мебель, в спешке отброшенная с дороги, рассыпанная на столике косметика — содержимое сумочки. Вот и все, что осталось от несчастной судьбы Бэки Фолкнер.

Я воткнула ключ в дверную скважину своего номера. Дверь оказалась не запертой, что неудивительно: наверное, я не закрыла ее в спешке, мчась на встречу с Диланом.

Она стояла у окна — женщина в черном платье с белой брошью в виде лилии у груди. Стояла неподвижно и безжизненно. Еще одна попытка напугать нас? Слишком запоздалая.

Я, схватившись за ручку распахнутой двери, вглядывалась в лицо странной куклы, но разглядеть не могла — солнечный свет падал со спины, позволяя видеть лишь силуэт.

И тут «манекен» развел руки в стороны, словно желая заключить меня в объятия.

— Вот и ты, дорогая! — произнес живой, полный торжества голос. — Иди же, Шэннон! Обними бабушку!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. КРОВНЫЕ УЗЫ

АМАНДА

Вам приходилось воспитывать сына? Значит, вы не будете меня осуждать.

Я очень хотела вырастить его идеальным мужчиной — сильным, смелым, благородным и благодарным. Таким, какого я так и не встретила в своей жизни.

Мои родители — немецкие эмигранты, бежавшие с одним чемоданом из Восточной Германии в Штаты в разгар «холодной войны». Все мое детство прошло в скитаниях и унижениях. Только-только закончилась Вторая мировая, и ненависть к немцам прочно сидела в сердцах людей. Немцы! — это слово всякий раз выплевывалось нам в спину со страхом и презрением. Такое чувство возникает, когда смотришь на тигра в клетке: понятно, что он не опасен за толстыми прутьями, но он все равно остается хищником. Так же смотрели и на нас. Отцу удалось устроиться в прачечную — совсем не мужское занятие, но выбирать не приходилось. В мои обязанности входило помогать ему после школы. Каждый день я слушала, как его унижают. Бейжд с фамилией «Юнгханс» висел, как табличка позора.

— Поналезли в Америку изо всех щелей, как тараканы.

— Крысы бегут с тонущего корабля, а?

— Фашисты!

Отец стоял с приклеенной улыбкой и не возражал ни единым словом. А мне хотелось схватить его за лацканы старого пиджака и хорошенько встряхнуть: «Да ответь ты им хоть что-нибудь! Я не могу больше терпеть это!».

Едва закончив школу, я сбежала из дому, тайком обвенчавшись с Артуром Вудоллом — фермером из Алабамы. Он приехал в наш городишко на ежегодную ярмарку, рассказал, что с недавнего времени, как умер его отец, он заправляет процветающей фермой и мясной лавкой. Я слушала его и кожей чувствовала ветер свободы — это ж надо, каким богатством владеет!

В действительности оказалось, что ферма его — это пять акров поросшей сосновыми кущами земли и развалившаяся лачуга, а лавка давно уже не приносит никакой прибыли. На пыльном прилавке лежал гроссбух с длинным списком должников. Первое, что я сделала, так это вымела из лачуги паутину, а на окно лавки повесила объявление «В долг не отпускаем». И пошла по домам горожан — в том порядке, в котором они значились в списке.

— Но дорогая, — мямлил мой супруг. — Время тяжелое, откуда у людей деньги?

— Не знаю и знать не хочу! Если хотят есть на обед мясо, пусть платят за него! — отрезала я.

Мало-помалу, долги были выбиты, лавка стала приносить доход, а на ферме появились наемные работники. Артур начал пить, и всякий раз упрекал меня в том, что я лишила его не только друзей, но и доброго имени. Несчастный слюнтяй. Когда родился Эдвард, я перестала пускать его в спальню. Когда Эдди исполнилось пять, муж повесился в амбаре. Уверена, что он горит сейчас в аду.

С того дня мы в городе стали изгоями. А я решила, что раз соседи отвернулись от меня, то и мы от них отвернемся! Мне не было никакого дела до этих ничтожных людей. Все свое внимание я сосредоточила на воспитании Эдди.

Была ли я строга? Да, несомненно. Но я воспитывала его волю и характер! Он должен

был вырасти кем-то, более достойным, чем его отец и дед.

Кто, кроме матери, знает, что лучше для ее ребенка? Никто! Разве понимает подросток, как важно учиться, не отвлекаясь на глупые игры или тем более, девочек? Разве мог Эдди, не имея никакого опыта, знать, какую профессию ему выбрать? Или какая женщина станет достойной женой?

Я прекрасно знала о его привязанности к этой продувной девчонке — Ребекке Фолкнер. Мало того, что мамаша была высокомерной стервой, так еще и католичкой! Я же воспитывала сына лютеранином. Видя, что мой Эдди страдает по этой беспутнице, я поняла — пора его женить.

Я выбрала ему достойную девушку, Шарлотту Галлахер из соседнего городка, ирландку по происхождению, но предки ее еще в эпоху колонизации перешли в протестантскую веру. Католикам трудно приходилось на землях английского короля. Скромная и тихая девушка, помогавшая мне во всех благотворительных мероприятиях, которые устраивала церковь. Родители воспитывали ее в строгости, и я не сомневалась — такая не будет забивать голову моему сыну разными глупостями. А если попробует — я и ее воспитаю, сделаю хорошей женой. На наследство, причитающееся ему от отца, я купила им прекрасную ферму с большим домом. Разве после этого меня можно назвать плохой матерью? Я сделала для своего сына все!

В Шарлотте я ошиблась. Сразу после свадьбы она начала ныть и жаловаться.

— Эдди странный, — говорила она, когда я приезжала проверить, как у них идут дела. — Ночами разговаривает во сне и все время зовет какую-то Бэки.

— Не обращай внимания, это пройдет.

Но она не успокаивалась:

— Однажды проснулся посреди ночи, разбудил меня и спросил, кто я, — шептала она, таращась на меня испуганными глазами. — Я ответила: «Эдди, это я, Шарлотта, твоя жена!». а он вскочил и начал причитать: «Нет, мама, нет, мама!».

— Хватит! — я уходила, не желая слушать глупые разговоры.

Эта кукла не выдержала и полугода. Сбежала вместе с пюзом, которое того и гляди начнет на нос лезть, под крылышко родителей. Я стегала Эдди ремнем и гнала возвращать эту глупую брюхатую корову обратно. Наша церковь, может, и признала теперь разводы, но я воспитана в старых традициях. Брак должен быть один и на всю жизнь. Они ведь давали клятву у алтаря. Эдди меня послушался — ну естественно! — и добросовестно ездил к ней и умолял вернуться. Но вредная девчонка стояла на своем, родители — тоже мне, верующие! — приняли ее сторону. В тот день, когда были подписаны бумаги на развод, я отхлестала Эдди по щекам и заявила, что он мне отныне не сын.

Но материнское сердце не может быть спокойным вдали от ребенка. Разумеется, я приезжала иногда проверить, как дела на ферме.

Шарлотта родила девочку, и даже позволила Эдди видиться с ней. Ко мне она тоже ее привозила, мне не было никакого дела до этого ребенка, родившегося вне брака. Но все же я вынуждена была приглядывать за ее воспитанием, все же, в ней течет кровь моего сына. Внучка грозила стать таким же глупым созданием, как и ее мамаша — я поняла это, когда она однажды осталась у Эдди на уикенд. Никакого воспитания и прилежания, Библию, как выяснилось, в руки не брала, а все, чем хотела заниматься, так это лазать по деревьям и прыгать со стремянки в сеновал. Но Эдди был привязан к дочери. На его лице всякий раз появлялась блаженная улыбка, когда он смотрел на ее забавы.

Однажды летом Шарлотта с дочерью заявила непосредственно ко мне. Визит меня удивил.

— Хотела оставить Шэннон у отца на денек-другой, так он отказался, — заявила мамаша с порога. — Это вы его против дочери настроили?

Мне захотелось дать ей пощечину за такое высказывание.

— Как ты смеешь! — процедила я, готовясь прочитать отповедь и припоминая подходящие случаю цитаты из Евангелие.

— В общем так, — перебила меня эта нахалка. — Раз не хочет общаться, я вообще больше ребенка ему не привезу. Так и знайте.

Развернулась и ушла, уводя девочку. А я поехала на ферму.

И сразу увидела причину, по которой сын отказался оставить дочку на выходные. Причина сидела в его спальне, прикованная цепью к спинке кровати.

ШЭННОН

Женщина в черном платье быстрым шагом приблизилась ко мне, и я, наконец, увидела ее лицо. И мне показалось, что на меня взглянуло прошлое. Словно бы и не было этих десяти лет. Передо мной стояла миссис Вудолл (она никогда не разрешала называть себя бабушкой), а я перед ней превратилась в испуганную девятилетнюю девочку, не смеющую лишней раз открыть рот.

В голову пришла вялая мысль, что нужно бежать и предупредить Марджери, но голосу разума я больше не подчинялась, загипнотизированная властным взглядом бабки, как кролик — удавом.

— Когда же мы в последний раз виделись? — промяукала она. Таким тоном, наверное, разговаривала ведьма с заблудившимися в лесу детишками. — Ах, да! — одновременно с «да!» стукнула закрываемая Амандой дверь. — Когда арестовали твоего отца, верно? Ты приехала вместе со своей беспутной мамашей, которую ФБР вызвало на допрос. И эта блудница вавилонская принялась выстеливаться перед всем участком, рассказывая, каким мой сын был беспросветным психом.

К концу фразы милая улыбка сползла с ее лица.

— Ты сидела у стола одного из детективов и боялась поднять на меня глаза. Скажи, детка, тебе хоть раз за эти десять лет было стыдно? Ты хоть раз вспомнила своего папочку?

Я молчала, опустив голову, как школьница, которую вызвали «на ковер».

— А ведь он любил тебя, Шэннон! Действительно, любил. Когда я навещала его в Холманской тюрьме, он всякий раз о тебе спрашивал. Все ждал, что ты его навестишь. Почему ты вычеркнула его из своей жизни, Шэннон? Господь Бог заповедовал нам: «Почитай отца своего...». Но ты его просто стерла из памяти...

... «Эй, висельница! Твоего папашу приговорили к смертной казни! Ты смотрела, когда он убивал тех старух?»...

— Я никогда бы не смогла стереть его из своей жизни, — прошептала я.

— Неужели? — Миссис Вудолл натянуто рассмеялась. — Что ж ты даже на казнь его не приехала? А ведь он ждал тебя, Шэннон, ждал до последней секунды. Тебя и эту потаскуху Фолкнер. Крутила хвостом перед моим мальчиком, свела его с ума. Это она виновата в том, что он делал, она, а не я! Хотя эта лгунья, Тэйлор Эмери, написала в своей книжонке, что на психику Эдди решающее влияние оказало строгое воспитание матери! Ха! Меня — упрекать в неправильном воспитании?! Да я жизнь положила на алтарь благополучия своего ребенка! Иди сядь!

Она ткнула пальцем в сторону кровати, и я покорно присела на краешек, отчаянно пытаюсь понять, что же мне делать.

— Когда я поняла, — продолжала Аманда, расхаживая по комнате, — что Эдди не спасти, я долго не могла прийти в себя. У меня отняли все — все, что составляло мою жизнь! Сына приговорили к смертной казни, внучка отреклась, соседи отвернулись. В их глазах я была монстром, породившем на свет такое же чудовище! И тогда я поняла, что мне остается только одно — восстановить справедливость. Отомстить. Наказать тех, кто действительно виновен в крахе моей жизни и жизни моего единственного ребенка. Я продала обе фермы, лавку и дом в городе, и начала осуществлять свой план. На это ушло три года. Три года, чтоб найти вас всех!

— Шэннон? — раздалось из-за двери. — С кем ты там разговариваешь?

Я хотела закричать, чтоб Марджери бежала и вызывала полицию, но в этот момент в мой висок уткнулось что-то холодное. Краем глаза я увидела черную рукоять пистолета.

— Только пискни, — прошипела Аманда и пошла в двери, не опуская руки, держащей ствол.

Марджери даже понять не успела, кто перед ней, как миссис Вудолл втощила ее в комнату и швырнула к кровати.

— Села на пол! И без глупостей. Не то пристрелю обеих!

Марджери прижалась к моим ногам и прошептала:

— Это она, мадам Белинда!

Аманда, между тем выглянула в коридор и прислушалась.

— Ее зовут Аманда Вудолл, — ответила я. — Она мать... Эдди.

Миссис Вудолл услышала мои слова. Дверь в коридор осталась открытой. Взмахнув пистолетом, она рассмеялась:

— И бабушка нашей дорогой Шэннон!

Марджери вскинула на меня удивленные глаза и отползла в сторону с ошарашенным видом. А я снова почувствовала это почти забытое чувство — неприязненного страха. Так люди реагируют на паразитов вроде крыс: не страшно, но лучше обойти стороной. Сколько раз на меня так смотрели?

— Простите меня, — прошептала я, глядя на Марджери. Но вместо нее ответила миссис Вудолл:

— Что? Просишь у нее прощения? Значит, перед ней ты чувствуешь вину, а перед своим отцом — нет? Да ты ее глупее своей мамы! Ведь это она помогла мне все проверить, она! О, да, Трикс Кэндалл, ты мне оказала столько неоценимых услуг! Твоим талантам конца и края нет: беспринципная лгунья, блестящая актриса, мошенничество с чеками научило ее подделывать почерк! Ведь это она написала письмо от имени полковника! И анкету заполнила от твоего имени, после того, как стащила у тебя тетрадь!

Аманда прошлась по комнате, выдвинула стул на середину и села к нам лицом.

— А ведь с нее-то все и началось! Как только я нашла тебя, Трикс, я поняла — все кусочки паззла сошлись идеально! Теперь все мышки в клетке! Как я тут начала рассказывать своей внучке, ради осуществления своего плана я продала все, что имела. Адвокат Эдди — Господи, сколько денег я отвалила этому проходимцу! — в качестве последней услуги добыл мне копии материалов дела. Там было и об анонимном звонке. Рядом с датой, временем и фразировкой карандашом была сделана пометка: «Трикс Кэндалл?». Полиция шла за тобой по пятам, милая Трикс. Копы знали, что ты движешься на

запад, к границе штата, что вряд ли будешь уходить по федеральной трассе и постараться придерживаться проселков и мелких городков. Наконец, в Миддлтауне они нашли свидетеля — он опознал тебя и твою колымагу, сказал, что ты хотела сменить машину, и он послал тебя к Эдди, на ферму «Саннибрук». Это было часа за полтора до анонимного звонка. Долг же ты колебалась. Я изучала все газетные статьи, посвященные тебе, все твои преступления, знала, что ты снова в бегах и носишься где-то между Джорджией и Северной Каролиной. Но наткнулась я на тебя совершенно случайно. Это еще одно подтверждение того, что Бог на моей стороне, не так ли? Как только я тебя наняла, я сразу поняла, что пришло время переходить от плана к действию.

— Зачем вам это все? За что вы нам мстите? За безумие вашего сына? — Марджери, прислонившись к стене, не сводила глаз с пистолета, который миссис Вудолл держала на коленях.

— Лично тебе — за твое лицемерие, Трикс. Всю жизнь таскалась по притонам, торговала наркотиками обманывала людей, воровала, мошенничала — и на тебе! Решила проявить свой гражданский долг! Показать благородство! Тебе ли осуждать моего сына, тварь? Скольких людей ты оставила без денег, а то и без жизни? Ту девушку в банке, как ее там? Джуди Тремонт, не ты ли приложила ее по голове?

— Это вышло случайно...

— Прекрасное оправдание! Обожаю такие фразы: «Я не хотела», «Это вышло случайно». Ну тогда и Бэки Фолкнер случайно соблазнила Эдди и разумеется, она этого не хотела! Так кого же тут винить? Ладно. Того и гляди, вернется ваша неугомонная писака, Тэйлор. А нам предстоит еще очень длинный разговор. Мне и моей внучке, Трикс. Ты здесь больше не нужна.

В первую секунду я даже не поняла, что произошло. Да и Марджери, кажется, тоже. Сначала я увидела, как она резко дернулась, а после беспомощно взглянула вниз, на свою грудь и зажала руками расплывающееся красное пятно. И только потом до моего сознания дошел звук выстрела.

Марджери медленно завалилась на бок.

— Нет! — закричала я.

— А ну, тихо! Пошла вперед!

Она рывком подняла меня с кровати и поволокла из комнаты, потом по коридору, лестнице, гостиной и через веранду в сад. Едва переставляя ноги, не чувствуя боли от хватки, с какой Аманда вцепилась мне в предплечье, я думала только об одном: как скоро Дилан, устав ждать моего звонка, придет в пансион и, найдя тело Марджери, вызовет полицию?

В саду торчал мистер Дэш. Он возился в цветнике, занимаясь прополкой. Аманда уткнула ствол мне в левый бок, прижавшись так, чтоб его не было видно. Старик бросил на нас взгляд, но не проявил никакого интереса. Я раздумывала, стоит ли простить его о помощи, но миссис Вудолл прочитала мои мысли:

— Только пискни, и я тут же пристрелю его! Неужели, ты надеешься на помощь этого выжившего из ума старика?

А между тем, мы приближались к маленькой сторожке на краю сада, в которой, как я помнила и жил немой садовник. Внутри — широкая грязная комната, заваленная хламом, каким-то тряпьем и садовыми инструментами. На деревянном необтесанном столе — грязная посуда, пепельницы и рассада в ящиках. Отшвырнув ногой засаленный половик, Аманда открыла квадратную дверцу подпола. Ручкой служило железное кольцо.

Открыв люк, она толкнула меня к краю:

— Лезь вниз!

На ощупь отыскивая ступени, я спускалась в крошечную тьму. Наконец, ноги встали на твердый пол. Через пару секунд Аманда оказалась рядом и, пошарив в темноте, щелкнула выключателем. Под потолком загорелась лампочка. Я ожидала увидеть тесный подпол, какой мог поместиться под маленькой сторожкой. Но желтый круг света не охватывал и половины огромного помещения, в котором мы оказались. Я от удивления ахнула.

— Сюрприз! — проскрипела миссис Вудолл и толкнула меня вперед. — Да, дом этот — просто находка. Его построил Кэйд Барлоу, когда вернулся с Гражданской войны. Время было беспокойное — ну не мне тебя учить истории! — Кэйд был офицером Конфедерации и естественно, состоял в Ку-клукс-клане. Здесь он прятал своих поделщиков, может, опасался, что Шерман со своей армией вернется, не знаю. Но подвал пансиона соединен с подвалом сторожки, а еще из него есть подземный ход, выводящий прямо в лес. Тут я и жила все то время, пока следила за вами. Мне даже не нужно было подниматься из-под земли

Помещение разделилось на два коридора. Аманда не свернула в боковой ход, а повела меня дальше прямо до двери, обитой железными пластинами. В скважине торчал большой старинный ключ. Повернув его дважды, она открыла дверь и толкнула меня внутрь.

Над входом загорелась тусклая лампочка.

— Бабушка сегодня полна сюрпризов! — взвизгнула Аманда.

В глубине комнаты, у опорного столба, лежала груда тряпья. Джинсовые штанины, раскинутые в разные стороны, розовая блузка...

— Пора просыпаться! — орала Аманда. Комок у столба зашевелился.

— Лекси! — закричала я и хотела броситься к ней, но рука с пистолетом остановила меня.

— Ааааа! Не так быстро!

Лекси с трудом подняла голову и откинула с лица пряди волос. На ноге звякнула цепь.

— Шэннон.... - пробормотала она, и по щекам потекли слезы, оставляя грязные разводы.

— Главное представление начинается! — возвестила Аманда, размахивая пистолетом. — Когда ты позвонила в пансион и заявила, что нужен номер на двоих, так как приедешь с подругой, я подумала, что план мой провалился. Нужно было собрать только тех, кто имел отношение к истории Эдди. Но потом я поняла, что ты сама приготовила себе испытание! Лекси не хотела участвовать в моем невинном розыгрыше, — она подошла к ней и потрепала по щеке. — Отказывалась сидеть в подвале. Пришлось привести ее сюда под дулом и приковать цепью. Жаль, что мне не удалось вернуть ту цепь, которую использовал Эдди. Ну да ладно, эта тоже подошла, так ведь, дорогая?

Дверь позади меня осталась распахнутой, Аманда отошла к Лекси, я хотела броситься бежать и звать на помощь, но что если она убьет мою Лекс? Да и кто услышит мой голос из-под земли? Что если я не добежу до ступеней?

— Ну-ка, детка, напомни, до каких пор дотягивается твоя цепь? Примерно пять шагов, верно? Вот сюда достанешь?

Лекси не отвечала и только умоляюще смотрела на меня. Казалось, у нее не было сил пошевелиться, и Аманде пришлось рывком поднять ее на ноги.

— Здесь, — миссис Вудолл подняла руку, показывая мне пистолет, — осталась одна пуля. Я положу его вот сюда, на пол, ровно между вами. И уйду, закрыв дверь с другой

стороны. Вам придется решить, девочки, кто из вас отсюда выйдет. Потому что дверь откроется только тогда, когда я услышу выстрел. И эту комнату покинет только одна из вас. Придется решить самим, кто именно!

Я устала на Аманду, не веря своим ушам. Вот оно какое, безумие в чистом виде! Лихорадочно соображая, что делать, я пыталась оттянуть время.

— Вам это с рук не сойдет...

— А мне нечего терять! Ничего у меня не осталось! Даже если меня поймают — в чем обвинят? Кэтрин повесилась сама, никому и в голову не придет, что я помогла ей. Ты убила Марджери и — возможно! — Лекси. Ведь это ты — дочь маньяка! Ну а если живой выйдет Лекси, в чем я сомневаюсь, то кто поверит полубезумной девице, просидевшей в подвале без еды четверо суток? Мало ли что ей померещилось? А Тэйлор напишет еще одну замечательную сказочку про генетическую предрасположенность и тягу к убийствам, передающуюся по наследству! Они решат, что ты сама все подстроила, дочь чудовища, знаменитого Эдди-Садовника. Ну, хватит болтать. Мне плевать, что со мной будет, даже если меня приплетут к этому делу. Меня в этом мире ничего не держит.

Она подошла ко мне в упор. Нас разделяло только дыхание и тонкий слой спертого воздуха.

— Ну что, Шэннон? Ты все еще осуждаешь своего отца? Он тоже убивал ради того, чтобы выжить. Он не мог иначе. Посмотрим, что ты теперь скажешь.

Она оттолкнула меня в угол, подальше от двери. Лекси не спускала с меня умоляющих глаз. Бежать наперегонки до пистолета? Она и пальцем пошевелить не в состоянии! Что же делать? Выстрелить в дверь? Глупо. Выстрелить в сторону, сказать Лекси, чтоб лежала, не шевелясь, а когда Аманда откроет, забить ее рукояткой? Мне хотелось выть от ужаса.

Аманда встала посреди комнаты.

— Ну как, готовы, девочки?

— Еще бы! — ответил голос Тэйлор, и в этот же момент хлопнул выстрел.

От неожиданности я отпрыгнула в сторону и, натолкнувшись на стену, упала. Кто-то душераздирающе завизжал. Чей-то силуэт бросился ко мне и схватил за руки, я в ответ начала отбиваться.

— Тихо, Шэннон! — услышала я голос Дилана. Он обхватил меня и поднял на ноги. Аманда на полу, неестественно скривившись, потом перекатилась на другой бок, не переставая стонать. Из-под бедра расползлась кровавая лужа. Подскочившая Тэйлор ногой отшвырнула пистолет, вывалившийся из рук Аманды. Возле входа стоял мистер Дэш с дробовиком в руках. Я бросилась к Лекси и обняла, наконец, подругу.

— Дилан, не стой тут столбом, иди наверх и найди какой-нибудь болторез! Чертова цепь... Ну а мне откуда знать? Спроси у мистера Дэша, он же немой, но не глухой! — командный голос Тэйлор успокоил меня лучше любого лекарства. — Тихо, дорогая... Скорая уже едет... Дилан, захвати воды! Шэннон, отшвырни пистолет подальше. Вот, правильно. Ну-ну, милая, все кончено...

Я обнимала Лекси и гладила ее волосы, обливаясь слезами.

— Мы нашли Марджери, — сказала мне Тэйлор. — Она ранена.

— Слава Богу! — воскликнула я. — Она жива.

— Да, она смогла рассказать, что миссис Вудолл увела тебя куда-то. Дилан как раз приехал в пансион. Я вызвала полицию и скорую, собиралась броситься искать вас в лес. Потом мне пришлось в голову объяснить все мистеру Дэшу. И он показал нам. Думаю, он и

понятия не имел, что тут творилось. Иначе не допустил бы этого.

Я взглянула на Аманду. Она перестала кататься по полу и выть, сидела, скрючившись у стены, обхватив раненую ногу.

— Жаль, что вы не можете спросить Бэки, — злобно прошептала она. — Та бы вам сказала... — миссис Вудолл кивнула на Лекси: — Она никогда не будет прежней.

АМАНДА

Жалею ли я о том, что сделала? Нет.

Горжусь ли я своим сыном? Да.

Он выживал, как мог. Ненависть и любовь — два противоположных чувства, главные двигатели этого мира. Когда я узнала, что мой сын — тот самый серийный убийца, который год держал в страхе два штата, которого журналисты окрестили Садовником за то, что он прикалывал к груди своих жертв живой цветок лилии, и которого целый год не могли поймать ни полиция, ни ФБР, я испытала невероятное чувство гордости. Это — мой сын. И что бы он не делал, для меня он будет делать это лучше других.

Я ни секунды не осуждала его.

«— Эй, висельница! Твоего папашу приговорили к смертной казни! Ты смотрела, когда он убивал тех старух?»

Я до сих пор слышу эти голоса. Насмешливые крики своих одноклассников. Чувствую, как в затылок мне ударяется огрызок яблока, как за шиворот запихивают жука.

— Что сделал папа? — спросила я у матери, впервые вернувшись домой в слезах, с портфелем, полным камней и разодранных учебников. Мама целовала меня в макушку и тяжело вздыхала.

Помню ли я отца? Смутно. Что вообще есть воспоминания? Набор запахов, цветов и ощущений. Я помню яркое лето, жужжащих пчел и аромат сена. Молчаливый отец улыбался, глядя, как я прыгаю с чердака амбара в огромный стог сена. Он смотрел на меня по-доброму и чуть удивленно, словно на какое-то чудо, не понимая, что он имеет отношение к его существованию.

Бабку Аманду — так между собой мы называли ее с мамой, хихикая, я помню гораздо лучше. Она не менялась — вечно в черном, злобная, с поджатыми губами и вечно чем-то недовольная.

— На что бабушка все время злится? — спрашивала я мать.

— На наше с тобой присутствие в ее идеальной жизни, — загадочно отвечала мама и трепала мне волосы. — Не обращай на нее внимание.

После ареста серийного убийцы, Садовника, травили не только меня. Мать заставили уволиться, газон перед нашим домом каждое утро был завален мусором, на гараже всякий раз появлялись ужасные надписи.

«Проваливайте...» — таково было общее послание.

Мы уехали в Атланту примерно через месяц после ареста. Мама несколько раз ездила на допросы, но в огромном городе нас никто не знал. Мать вернула нам свою девичью фамилию и велела навсегда забыть о том, что у меня был когда-то отец и бабка. Когда я подросла, она рассказала мне обо всем, что он сотворил. Да я и сама к тому времени уже разузнала.

Как странно вернуться в Пайнвуд после всего, что случилось. Полтора месяца прошло, лето заканчивалось, а с ним и каникулы. Скоро начнется учеба, я собиралась устроиться на подработку в исследовательский центр при университете, помогать в составлении многотомника по истории Гражданской войны.

Эти полтора месяца мой телефон разрывался от звонков. Тэйлор каждый день жаждала убедиться, что у меня все хорошо. Она не представляет без меня жизни и хочет сделать меня героиней своей книги — да, да! Должна же она описать все то, что произошло с нами. Не соглашусь ли я написать что-то типа постдневника? Полковник Хэмптон соизволил позвонить лично и пригласить меня взглянуть на его письма. Он ознакомился с моими статьями на военную тематику. Не каждый день встречаешь юную леди, столь увлеченную этими героическими событиями прошлого. В общем, он ждет меня в любое удобное для меня время.

Я не имела ни малейшего желания возвращаться сюда. Но звонки полковника звучали все чаще, и уважения ради, я решила, что съезжу только на день, лично поблагодарю его за

оказанное доверие и скажу, что это исследование для меня потеряло актуальность.

И только один из настойчиво звонивших номеров оставался безответным. Номер Дилана.

Не останавливаясь в городе, я проехала прямо к «Коттонхиллу». Встретили меня гораздо радушней, чем в первый раз. Полковник сам вышел меня встречать — именно такой, каким я его и представляла: статный, седовласый, с аккуратной бородкой. Он прихрамывал на правую ногу и поэтому опирался на трость.

— Наконец-то! С приездом, мисс Галлахер!

Фитцпатрик тоже пропищала: «с приездом» и протянула руку к моей сумке. Я позволила ее забрать.

— Прошу! — широким жестом Хэмптон указал мне на вход в гостиную, где я уже не раз бывала. — Когда вы сообщили мне, что приезжаете, я сразу бросился перелопачивать архив. Отобрал для вас самое интересное! Есть письмо, где мой дед на трех листах описывает Геттисберг! А также дневник моей бабки, она ездила на фронт, искать тело брата... Трагическая судьба...

— Полковник Хэмптон, я приехала сказать, что не смогу остаться у вас и проводить исследовательскую работу, — бухнула я, едва дождавшись паузы в его монологе. Он посмотрел на меня, как ребенок, которому сказали, что Рождества в этом году не будет. Мне показалось, что он даже постарел.

— Как..? — пролепетал он. — Но почему? Вы столько времени работали над этой темой... Не понимаю...

Я сдержанно извинилась и еще раз поблагодарила его. Поднявшись, чтобы уйти, я взглянула на полковника, и он показался мне самым несчастным стариком в мире. Сердце сжалось.

— Ну что ж, — произнес он, наконец. — Если вдруг передумаете... Дайте знать. Я буду ждать. Мне уже в этой жизни не встретить человека, разделяющего мои интересы и взгляды на историю Юга. Современные исследователи так и норовят все оболгать. Очень жаль...

— Полковник Хэмптон! — решила я. — Я все еще увлечена этой темой и даже собираюсь участвовать в написании многотомника по истории Гражданской войны. И мне очень хочется поработать с вами и вашим личным архивом.

Он расплылся в счастливой улыбке.

— Но я соглашусь только при одном условии. Вы помиритесь со своей дочерью, Лили. Улыбка медленно сползла.

— Что вам известно о моих отношениях с Лили? — растерянно пробормотал он.

— Да практически все, — честно призналась я.

Она тоже звонила мне. Я навестила ее перед возвращением в Атланту, она все еще была в мотеле и ждала приезда мужа. Мы обменялись номерами. Позже она рассказала, что приехал Дик, пришел в Коттонхилл, мягко отставил в сторонку сопротивляющуюся Фитцпатрик, не слушая громовых угроз полковника, поднялся наверх и забрал своего сына. Лили говорила, что пойдет на все, вплоть до судебной тяжбы. Но ей очень жаль одинокого отца. Она бы хотела закончить все мирно.

— Вас это совершенно не касается, — дрожащим от возмущения голосом ответил, наконец, полковник. Я пожала плечами:

— Другого ответа я и не ждала. Но попытаться стоило.

Уже повернувшись к выходу, я услышала:

— Почему вас это волнует?

Помедлив, я ответила:

— Не сомневаюсь, что вам известно, в каком переплете я побывала в свой первый приезд в Пайнвуд. Также вы знаете, кто я и кто мой отец. И последние десять лет я жалела о том, что родилась именно его дочерью. Вы хотите, чтоб ваши внуки с содроганием слушали про то, что их дед — жестокосердное чудовище? Чтоб Лили проклинала вас до конца ваших дней? Так вот, пока у вас еще осталась эта возможность, сделайте все, для того, чтобы не испортить жизнь своей дочери. Чтоб ваши внуки гордились героем-дедом, как вы сейчас гордитесь своим. Не прерывайте связь поколений. Простите, что отняла время.

Я не спеша вышла из гостиной и направилась к входной двери. Эх, так и не судьба мне покопаться в этих письмах!

— Шэннон! — окликнул он меня. — Я подумаю над вашими словами. Спасибо за участие и... до встречи.

Я улыбнулась и вышла.

Вывеска кофейни «Веселая чашка» казалась потускневшей. Или это потому, что сегодня пасмурно? Скоро ведь осень.

Народу внутри почти не было: пара школьников старшего возраста у музыкального автомата, да фермер, уплетавший картошку фри. Дилан поднял голову на звон колокольчика и тут же залился краской. Я, не сдерживая улыбки, села у самого края барной стойки.

«Только не говори со мной о том ужасе, который происходил тогда, — молила я мысленно. — Я не брала трубку, потому что не хочу, чтоб нас связывало только это. Не с тобой, Дилан!».

Он медленно подошел ко мне, пытаясь принять спокойный вид. Но я видела, как сжались его губы.

— Привет, — ласково сказала я, пытаясь вложить в голос всю свою полуторамесячную тоску о нем.

— Привет, — тихо ответил он и поднял, наконец, глаза. — Вот и ты.

— Да уж, — нервно усмехнулась я. — Как ты?

Он пожал плечами и вместо ответа задал вопрос:

— Проездом или по делам?

Я хитро улыбнулась и тоже пожалала плечами.

— Слышал про Трикс, — он не знал, куда деть руки и принялся переставлять стаканы. — Рад, что ей дали условный срок. Я следил за процессом, читал в интернете.

— Да, — кивнула я. Ее причастность к последнему ограблению не доказали, и на судью огромное впечатление произвело ее геройство.

— Как там дела у Лекси? — спросил он. Самая тяжелая тема, я непроизвольно вздохнула. Он удивленно вскинул глаза.

— Мы не общаемся, — ответила я, не сумев сдержать слезы. Он вышел из-за стойки, и мы, наконец, обнялись. — Она перестала отвечать на звонки, — жаловалась я. — Тэйлор говорит, что это нормально. Я знаю, что она винит меня в том ужасе, который с ней случился. И я не могу отрицать! Кажется, сейчас она в реабилитационном центре. Надеюсь, ей там помогут.

Я с содроганием вспомнила затравленный взгляд Кэтрин, который она бросила на меня при первой встрече. Дилан гладил меня по плечам, уткнувшись губами в макушку.

— А я подал документы в твой колледж в Атланте, — сказал он вдруг. Я удивленно отпрянула от его груди, глядя во все глаза:

— Ты сделал это?! Правда, что ли?

— Да, — он смущенно улыбнулся. — Собеседование не прошел, но сказали, что не все потеряно. Можно попробовать на следующий год. А пока поищу в Атланте работу. Ты же за это время натаскаешь меня по истории?

— Конечно! — ответила я и, пища от радости, повисла на его шее.

Без сомнения, прошлое отпустить очень трудно. Но, как правило, это единственное условие для обретения счастливого настоящего.

Больше книг на сайте - Knigolub.net